

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Социологический институт РАН

Власть и элиты

Power and elites

Том 8
Выпуск 2

Санкт-Петербург
2021

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филол.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.
А.Ю. Швая, ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуроров (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Shvaya, St. Petersburg

EXECUTIVE BOARD

A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D. Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
«Власть и элиты» включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ

Российские элиты

- Масловский М.В.* Новые направления исследований цивилизационной политики российской правящей элиты 5
- Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б.* Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории 21
- Шентякова А.В.* Оценка социального самочувствия и деятельности политических лидеров в условиях пандемии COVID-19 (в зеркале фокус групп) 55
- Чирикова А.Е.* Команды глав малых российских городов: векторы перемен 72

Политика и власть за рубежом

- Мацузато К., Сельцер Д.Г.* Государственная кадровая политика в КНР (время Ху Цзиньтао) 113
- Сафронов В.В.* Контекстная модерация антииммигрантских мотиваций к голосованию за радикальные правые партии в Европе 134

Дискуссии о власти

- Гуторов В.А.* Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий 189

Эссе

- Соловьев А.И.* Государственные перевороты в структуре активности правящего класса. Заблуждения очевидца 202
- Сведения об авторах 216

CONTENTS

Russian Elites

- M. Maslovskiy.* New directions of research on civilizational politics
of Russia's ruling elite 5
- A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka, N. Kolesnik, A. Nevskiy, D. Tev.*
Institutionalization of the Regional Administrative Elite:
Recruitment Pool and Career Trajectories 21
- A. Shentyakova.* Assessment of social well-being and activities
of political leaders in the context of the COVID-19 pandemic
(in the mirror of focus groups) 55
- A. Chirikova.* Teams of heads of small Russian cities: vectors of change 72

Politics and Power in the World

- K. Matsuzato, D. Seltser.* State personnel policy in China (Hu Jintao time) 113
- V. Safronov.* Contextual Moderation of Anti-Immigrant Motivations
to Vote for Radical Right Parties in Europe 134

Discussions on Power and Authority

- V. Gutorov.* Biopower and the political: actual aspects of contemporary
discussions 189

Essay

- A. Solovyev.* Coups d'état in the structure of the activity of the ruling class.
The errors of an eyewitness 202

- Contributors** 216

РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ¹

М.В. Масловский

(m.maslovskiy@socinst.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Масловский М.В. Новые направления исследований цивилизационной политики российской правящей элиты // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 5–20.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.1>

Аннотация. *Рассматривается концепция цивилизационной политики и обсуждаются возможности ее применения в исследованиях российской правящей элиты. Отмечается, что данная концепция плодотворно использовалась для анализа международных отношений, тогда как в изучении внутривнутриполитических процессов она представлена не столь широко. Исследования цивилизационной политики российской элиты, как правило, опираются на конструктивистский подход и в значительной мере сосредоточиваются на анализе идеологических дискурсов. При этом сложились две точки зрения, согласно которым определенная форма идеологии «цивилизационизма» либо оказывает непосредственное влияние на российскую политику, либо используется представителями правящей элиты сугубо инструментально. Подчеркиваются преимущества среднего пути между этими противоположными подходами, а также выделяются сильные стороны исследовательской программы цивилизационной политики.*

Ключевые слова: *правящая элита, идеология, цивилизация, международные отношения, внутренняя политика.*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00950).

ВВЕДЕНИЕ

В 2010-е годы в мировой социальной науке получают распространение новые подходы к анализу цивилизационных аспектов, прежде всего международной политики. При этом наблюдается отказ от преобладавших ранее упрощенных и односторонних концепций вроде модели «столкновения цивилизаций». На смену теоретизированию в духе С. Хантингтона приходят эмпирически обоснованные исследования «цивилизационной политики» [Bettiza 2014]. В такого рода исследованиях использовались в том числе теоретические разработки цивилизационного анализа как направления исторической социологии [Katzenstein 2010; Bettiza, Petito 2018]. В последние несколько лет повышенное внимание уделялось международной политике так называемых цивилизационных государств, в число которых, как правило, включают и Россию [Coker 2019; Acharya 2020; Пабст 2021].

В то же время возрос интерес к роли цивилизационной идентичности во внутренней политике ряда стран. Влияние идеологии «цивилизационизма» на политические процессы рассматривалась, в частности, на примере европейских право-популистских партий [Brubaker 2017]. Такой подход стал также более широко использоваться применительно к идеологическим дискурсам, представленным в российской общественной жизни [Laruelle, Hale 2020; Turoma, Mjør 2020; Blackburn 2021]. Вместе с тем в подобных исследованиях обычно не учитывались в полной мере достижения исследовательской программы цивилизационной политики в сфере международных отношений и в основном игнорировался социологический цивилизационный анализ. В рамках статьи будут рассмотрены новые тенденции в изучении цивилизационных аспектов деятельности российской правящей элиты. Будет показано, что концепция цивилизационной политики обладает значительными возможностями для анализа российской версии идеологии «цивилизационизма» и ее использования акторами политического поля.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Концепция цивилизационной политики первоначально получила распространение в исследованиях международных отношений. В начале 2010-х годов американский политолог П. Катценштейн обосновал

оригинальный подход к изучению «множественных и плюралистичных» цивилизаций, взаимодействующих на международной арене. Следует отметить, что он стремился показать значение для анализа современной системы международных отношений идей представителей исторической социологии: Ш. Эйзенштадта, Р. Коллинза и Н. Элиаса [Katzenstein 2010: 14–22]. Как подчеркивает Катценштейн, цивилизации отличаются высокой степенью внутренней дифференциации. Они представляют собой «слабо интегрированные социальные порядки, формируемые многообразными акторами, традициями и практиками» [Katzenstein 2010: 6]. В конечном итоге цивилизационные констелляции «не обладают четкими границами, плотной интеграцией, централизацией и устойчивостью, которые обычно ассоциируются с ними в общественном дискурсе и формулировках Хантингтона» [Katzenstein 2010: 29]. Отмечалось, что пример России подтверждает тезис Катценштейна о плюрализме и плюралистичности цивилизаций, коль скоро различные акторы по-разному видят место страны на мировой «карте цивилизаций» [Laruelle, Hale 2020: 591].

Исследовательскую программу изучения «цивилизационной политики» расширил итальянский политолог Г. Беттица [Bettiza 2014]. С его точки зрения, в настоящее время многие социальные и политические акторы ведут себя таким образом, как если бы цивилизации во множественном числе действительно существовали и взаимоотношения между ними были значимы на международной арене. Характерно, что Беттица в данном случае ссылается на понятие «воображаемого сообщества», которое использовалось применительно к нациям [Андерсон 2001]. С позиций предложенного им подхода цивилизации также выступают как разновидность подобного рода сообществ. Концепция цивилизационной политики фокусируется на способах институционализации цивилизационного воображаемого, в результате чего происходит реструктуризация системы международных отношений.

Обращаясь к характеристике различных цивилизационных подходов, Г. Беттица и Ф. Петито выделяют два основных направления, которые они обозначают как «примордиалистское» и «критическое» [Bettiza, Petito 2018: 38]. Первое из указанных направлений представлено прежде всего концепцией столкновения цивилизаций С. Хантингтона, рассматривавшего цивилизации в качестве долговременных и практически неизменных структур с четко определенными границами, вдоль которых могут разворачиваться конфликты. Критическое

направление, которое нередко ориентируется на идеи «постколониального» подхода Э. Саида, характеризует цивилизации как преимущественно дискурсивные конструкторы. При этом цивилизационные дискурсы расцениваются как отражающие наследие колониализма и стремящиеся легитимировать превосходство Запад над незападными обществами.

Отмечалось также, что можно назвать три причины, по которым цивилизационные нарративы получают все более широкое распространение. Во-первых, они служат выражением новых форм политики идентичности, основанной на культуре и традициях. Во-вторых, позволяют сохранять определенные ориентиры в условиях глобализации, когда происходит размывание национальных идентичностей. В-третьих, способствуют критике универсалистских проектов либеральной модерности и поддерживают идею множественных модерностей [Bettiza, Petito 2018: 43–44]. Беттица и Петито противопоставляют «примордиалистскому» и «критическому» направлениям социологический цивилизационный анализ, ссылаясь на концепцию Катценштейна и работы таких представителей исторической социологии, как Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон.

Однако необходимо учитывать, что цивилизационный анализ выступает как макросоциологический подход, который требуется адаптировать для исследований мезо- и микроуровней исторических изменений. Очевидно, такой подход совместим с различными направлениями исторических исследований: от локальной до глобальной истории [Браславский 2020]. Но, хотя цивилизационный анализ продемонстрировал «определенную релевантность для изучения периода после окончания холодной войны, исследования международных отношений обращаются к современности в большей степени, чем сравнительная социология» [Smith 2017: 190]. Характерно, что именно в сфере изучения международных отношений была сформулирована эмпирически ориентированная исследовательская программа цивилизационной политики.

С точки зрения концепции цивилизационной политики основное внимание должно уделяться представлениям о цивилизациях, которые складываются у действующих акторов. Акцент делается на том, как и почему социальные акторы воспринимают какие-либо процессы в цивилизационных терминах. В соответствии с данным подходом выделяются три пути влияния цивилизационных нарративов на политику.

ческие процессы. Во-первых, различные формы цивилизационного воображаемого структурируют социальные действия. Во-вторых, они воплощаются в материальных структурах (как международные организации) и устойчивых практиках. В-третьих, акторы, выступающие от имени определенной цивилизации, могут получить признание в качестве таковых, тем самым приобретая легитимность [Bettiza 2014: 18–19]. В конечном итоге все эти явления могут стать предметом эмпирически ориентированного анализа.

Проводниками цивилизационной политики выступают как государственные, так и негосударственные структуры. Прежде всего, в их число входят политические элиты и институты, представляющие страну, в том числе глава государства и дипломатические ведомства. На наднациональном уровне акторами цивилизационной политики могут являться международные организации, объединяющие государства, которые претендуют на общую культурную идентичность. Наконец, на социетальном уровне цивилизационную политику могут продвигать экономические и культурные элиты, представители которых действуют «в университетах, агентствах новостей, аналитических центрах и фондах, зачастую официально или неофициально связанных с государственными структурами» [Bettiza, Lewis 2020: 566].

В некоторых новейших работах, посвященных цивилизационной идентичности, рассматривается ее влияние не только на международные отношения, но и на внутреннюю политику ряда стран. При этом, как утверждают М. Ларюэль и Г. Хейл, цивилизационную идентичность следует изучать, используя те же концептуальные и методологические инструменты, которые применяются для исследований других форм идентичности. По мнению этих исследователей, необходимо обратиться к анализу не только цивилизационных дискурсов, выдвигаемых политическими элитами, но и того, как реагируют на эти дискурсы широкие слои населения. «Подобно тому как выявление источников идентификации с нацией на микроуровне имеет ключевое значение для понимания политики национализма, важно определить источники цивилизационной идентификации на микроуровне (“цивилизационизма” в терминологии Брубейкера), если мы хотим в конечном счете понять ее последствия. Действительно, как показывают исследования “народной геополитики”, дискурсы, способные влиять на поведение государства, могут возникать и конкурировать на низовом уровне» [Laruelle, Hale 2020: 588].

Подход Ларюэль и Хейл смыкается с точкой зрения, согласно которой следует уделять больше внимания различным «идеологическим сообществам», которые представляются носителями консервативных идей. Если первоначально такие сообщества являются маргинальными, то с течением времени их идеи могут быть подхвачены политическими элитами либо лоббистскими группами, близкими к правящей элите. Например, в России в 2000-е годы существовали разнообразные идеологические течения «цивилизационного национализма» [Верховский, Паин 2010]. В конечном итоге все они в той или иной мере «разделяли идеи антилиберализма, “антизападничества”, патриотизма, веру в мощное государство, сильного лидера, авторитарное и иерархическое общество, моральное возрождение, центральную роль религии и Sonderweg, основанный на национальной исключительности» [Jonson 2019: 28–29]. Как утверждает ряд западных исследователей, в дальнейшем дискурсы таких идеологических сообществ были присвоены правящей элитой [Jonson 2019: 30].

С точки зрения Ларюэль и Хейла, поскольку понятие цивилизации относится к макроуровню общественной жизни, следует выделить две формы цивилизационной идентичности. С одной стороны, индивиды могут непосредственно считать себя принадлежащими к определенной цивилизации. С другой стороны, они могут рассматривать какую-то промежуточную общность (нацию, этнос, страну) как относящуюся к данной цивилизации. В разного рода идеологических построениях, оперирующих понятием цивилизации, как правило, речь идет именно о втором из указанных типов идентификации, когда постулируется цивилизационная принадлежность не отдельных индивидов, а нации или страны в целом [Hale, Laruelle 2021: 4].

Следуя конструктивистскому подходу к изучению коллективной идентичности, Ларюэль и Хейл подчеркивают, что цивилизационная самоидентификация индивидов во многом определяется влиянием соответствующего дискурса правящей элиты. Как полагают эти авторы, усилия элит по конструированию цивилизационной идентичности находят отклик как у представителей самих элит, так и у более широких слоев населения, поскольку обращение к такой идентичности представляется позволяющим объяснить происходящие процессы и выбрать наиболее приемлемые способы действия [Hale, Laruelle 2021: 4]. Однако следует учитывать, что программа цивилизационной политики, ориентированная на конструктивистскую методологию, в меньшей степени

применима для анализа различных форм исторического наследия, которые могут быть использованы политической элитой в собственных интересах.

В последние несколько лет эмпирические исследования российской элиты [Rivera, Zimmerman 2019] сопровождались попытками выделить цивилизационную составляющую ее самоидентификации и определить степень влияния идеологии «цивилизационизма» на поведение представителей этой элиты [Hale 2019]. Но в данном случае рассматривалась лишь корреляция между цивилизационной идентичностью и довольно узким спектром поведенческих установок, а также явно недостаточно использовались возможности концепции цивилизационной политики для анализа деятельности правящей элиты. Между тем исследовательская программа цивилизационной политики, по-видимому, обладает необходимыми ресурсами, позволяющими осуществить такого рода анализ. В конечном итоге концепция цивилизационной политики может характеризоваться как теория среднего уровня, которая применима для изучения как международных отношений, так и внутренней политики стран, претендующих на явно выраженную цивилизационную идентичность.

РОССИЙСКАЯ ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА КАК АКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В работах отечественных исследователей отмечалось значение социологической концепции межцивилизационного взаимодействия для понимания взаимоотношений постсоветской России и стран Запада [Прозорова 2014]. Однако следует учитывать, что эта концепция ориентирована на анализ исторических изменений на макроуровне и недостаточно акцентирует внимание на акторах такого рода взаимодействия. Исследовательская программа «цивилизационной политики» позволяет дополнить подходы представителей исторической социологии. Характерно, что ссылки на нее встречаются в новейших публикациях российских авторов, посвященных проблеме российской идентичности [Malinova 2020: 27]. При этом О. Малинова выделяет два аспекта исторической традиции, обусловивших привлекательность понятия «цивилизации» для современной российской элиты [Malinova 2020: 29]. Во-первых, российское имперское наследие предоставляет символические ресурсы для выхода за рамки нации-государства. Во-вторых,

традиция формирования российской идентичности в противостоянии с Европой содержит обширный репертуар идей и символов, позволяющих конструировать идентичность в цивилизационных терминах.

В 2010-е годы тезис о России как особой цивилизации занимает одно из центральных мест в дискурсе российской политической элиты. Вместе с тем возникает вопрос о том, какого рода цивилизационная идентичность была востребована правящей элитой. Ряд исследователей делают акцент на «евразийском» характере такой идентичности. В частности, П. Катценштейн и Н. Вейгандт характеризуют «геополитическую» и «цивилизационную» версии неоевразийства, ведущими представителями которых выступают, по их мнению, А. Дугин и Л. Гумилев [Katzenstein, Weygandt 2017: 429–432]. Отличающий этих авторов взгляд на цивилизации как «единые культурные комплексы, выстроенные иерархически вокруг неоспариваемых ключевых ценностей» [Katzenstein, Weygandt 2017: 431], позволяет американским исследователям провести параллель с концепцией С. Хантингтона. Как считают Катценштейн и Вейгандт, указанные две версии неоевразийства оказывали воздействие на внешнюю политику России по крайней мере с 2014 г.

Тем не менее утверждения о непосредственном влиянии идей представителей евразийского идеологического течения на международную политику российского государства не подтверждаются анализом дискурса правящей элиты. В риторике властей тезис о России как евразийской цивилизации встречался сравнительно редко. Отмечалось, что это происходило в двух случаях. Во-первых, данное понятие привлекалось для того, чтобы подчеркнуть роль страны как моста между Западом и Востоком. Во-вторых, этот термин использовался, чтобы выделить роль определенных регионов, которые «располагаются между Европой и Азией в пространственном или культурном отношении» [Laruelle, Hale 2020: 590]. В конечном итоге довольно проблематично оценить реальное воздействие идеологии евразийства в ее различных формулировках на цивилизационную идентичность правящей элиты.

В то же время ссылки на российскую цивилизационную идентичность в официальных документах были далеки от идеологических конструкций неоевразийства. Хотя представление о плюрализме мировых цивилизаций получило отражение в российских официальных документах, в том числе в принятой в 2008 г. Концепции внешней политики, но речь в них не шла о самодостаточности России и ее противостоянии Западу. В целом в указанный период цивилизационный дискурс

был ориентирован на партнерство и достижение равного статуса с ведущими западными державами [Linde 2016: 615]. Кроме того, российская цивилизационная идентичность нередко соотносилась с обще-европейской христианской идентичностью [Laruelle, Hale 2020: 590], а в риторике правящей элиты подчеркивался «общий цивилизационный код» России и отдельных европейских стран [Shnirelman 2020: 68].

Но в контексте так называемого консервативного поворота в российской политике, начало которого обычно относят к 2012 г., акцент все в большей степени делался на «особом» цивилизационном пути России. В частности, в официальном дискурсе получили распространение ссылки на православную религиозную традицию и проводились параллели с Византийской империей как оплотом данной традиции, противостоявшим Западу [Laruelle 2016: 293]. В связи с этим в работах зарубежных исследователей делался акцент на стремлении правящей элиты представить Россию в качестве «европейской страны, следующей незападным путем развития» [Laruelle 2016: 278].

Г. Беттица и Д. Льюис показывают на примере китайской и российской элит, что использование цивилизационного дискурса позволяет им артикулировать собственные интересы «не просто в материальных терминах, но как выражение своей внутренней сущности и этически окрашенных мировоззрений» [Bettiza, Lewis 2020: 569]. Это дает возможность элитам оправдывать и легитимизировать широкий круг внутри- и внешнеполитических действий. В таком случае внутривнутриполитические силы, выступающие за либерализацию государства и общества, «могут быть делегитимизированы как марионетки Запада, которые пытаются подорвать не просто политический режим или государственные интересы, но и особые цивилизационные ценности» [Bettiza, Lewis 2020: 569]. В последние годы Россия и Китай неоднократно характеризовались как «государства-цивилизации». Однако в случае Китая можно говорить о значительно более мощном слое цивилизационного наследия. Несмотря на это, представители социологического цивилизационного анализа указывали на явно выраженный «идеологический эклектизм» обоих режимов [Арнасон 2021: 16].

Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что понятие цивилизации в российском официальном дискурсе нечеткое и многозначное. «В некоторых случаях этот термин отсылает к гуманистической, универсалистской традиции описания человеческой истории и мирового прогресса. В других случаях данное понятие отражает культуралистский

нарратив в духе Хантингтона, который классифицирует страны по их принадлежности к “цивилизациям”. Хотя обычно это имеет отношение к месту России в мире и ее взаимодействию с соседями, даже такое использование термина отражает его исключительную пластичность и непоследовательность, поскольку понятие цивилизационной идентичности применялось стратегически в зависимости от ситуации» [Laruelle, Hale 2020: 591]. В целом российская правящая элита стремится избежать «привязки к какой-то жестко определенной концепции, которая ограничивала бы свободу действия» [Laruelle 2017: 3]. Это в полной мере относится и к цивилизационному дискурсу.

По мнению ряда исследователей, едва ли можно говорить о единстве взглядов представителей политической элиты по вопросу о российской цивилизационной идентичности. Кроме того, цивилизационный дискурс мог «адаптироваться к различным обстоятельствам и аудиториям» [Linde 2016: 624]. Неоднократно отмечалось также, что обращение представителей политической элиты к цивилизационному дискурсу выступает результатом прагматического выбора. Как указывает А. Цыганков, цивилизационный дискурс используется государственной властью «в качестве риторического инструмента для формирования российских ценностей в желательном для Кремля направлении» [Tsygankov 2016: 154]. Однако, с точки зрения Цыганкова, цивилизационная риторика российской правящей элиты хотя бы отчасти отражает подлинные взгляды ее представителей.

Как полагает В. Шнирельман, использование понятия цивилизации в дискурсе российской власти является исключительно инструментальным. «Они используют его, когда встает вопрос об общественной консолидации и когда существует потребность противопоставить Россию Западу. Поэтому едва ли можно говорить о каком-то долгосрочном “цивилизационном” повороте в российской политике и идеологии, произошедшем после 2012 года» [Shnirelman 2020: 67]. С такой точки зрения стремление российского руководства преодолеть негативные последствия западных санкций не только вело к менее конфронтационной риторике, но и делало излишним само понятие «цивилизации». В целом в последние несколько лет данный термин почти исчез из речей российского руководства. Тем не менее не произошло полного отказа от употребления понятий «цивилизационного пути», «цивилизационного кода» и им подобных в некоторых официальных документах [Shnirelman 2020: 68–69].

Таким образом, сложились два подхода к оценке влияния идеологии «цивилизационизма» на политику российской элиты. С одной стороны, утверждалось, что определенный идеологический дискурс оказал непосредственное воздействие на взгляды российского руководства. С другой стороны, использование цивилизационного дискурса расценивалось как исключительно инструментальное. По-видимому, в данном случае более адекватным является средний путь между этими двумя противоположными точками зрения [Hale, Laruelle 2021: 7]. Следует учитывать, что обращение российских властей к цивилизационной риторике, а не к иным идеологемам неслучайно. В то же время едва ли можно говорить о последовательной приверженности правящей элиты определенной версии идеологии «цивилизационизма».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция цивилизационной политики, первоначально представленная в исследованиях международных отношений, может быть использована для анализа внутривнутриполитических процессов в странах, которые претендуют на явно выраженную цивилизационную идентичность. С позиций этой концепции выделялись различные акторы цивилизационной политики и раскрывались причины, по которым эти акторы воспринимают какие-либо процессы в цивилизационных терминах. Как показывают исследования идеологических течений российского общества, цивилизационный дискурс не оказывает определяющего воздействия на государственную политику, но нередко инструментально используется политической элитой. При этом интенсивность цивилизационной риторики представителей российской правящей элиты существенно изменяется в зависимости от текущей политической ситуации и акцент делается на тех элементах идеологического дискурса, которые в наибольшей степени соответствуют такой ситуации.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.

Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.

Браславский Р.Г. Социологические модели современного цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 5. С. 7–40.

Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210.

Пабст А. Цивилизация и либеральная демократия // Полис. Политические исследования. 2021. Т. 30, № 4. С. 26–42.

Прозорова Ю.А. Концептуальные ресурсы цивилизационного анализа в изучении постсоветских трансформаций в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 2. С. 70–87.

Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // Ethics and International Affairs. 2020. Vol. 34, № 2. P. 139–156.

Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a ‘Civilizational Politics’ Line of Research // International Studies Review. 2014. Vol. 16, № 1. P. 1–28.

Bettiza G., Lewis D. Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity // Journal of Global Security Studies. 2020. Vol. 5, № 4. P. 559–577.

Bettiza G., Petito F. Why (Clash of) Civilizations Discourses Just Won’t Go Away? Understanding the Civilizational Politics of Our Times // The “Clash of Civilizations” 25 Years on: A Multidisciplinary Appraisal / ed. by D. Orsi. Bristol: E-International Relations, 2018. P. 37–51.

Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below // Nationalities Papers. 2021. Vol. 49, № 1. P. 89–107.

Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40, № 8. P. 1191–1226.

Coker C. The Rise of the Civilizational State. Cambridge: Polity Press, 2019. 224 p.

Hale H. A Surprising Connection Between Civilizational Identity and Succession Expectations among Russian Elites // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 35, № 5–6. P. 406–442.

Hale H., Laruelle M. A New Wave of Research on Civilizational Politics // Nationalities Papers. 2021. First View. P. 1–12.

Jonson L. Russia: Culture, Cultural Policy and the Swinging Pendulum of Politics // Cultural and Political Imaginaries in Putin’s Russia / ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. Leiden: Brill, 2019. P. 13–36.

Katzenstein P. A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices. In: Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. by P. Katzenstein. New York: Routledge, 2010. P. 1–40.

Katzenstein P., Weygandt N. Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia’s Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies // Perspectives on Politics. 2017. Vol. 15, № 2. P. 428–442.

Laruelle M. Russia as an Anti-liberal European Civilization // The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15 / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 275–297.

Laruelle M. Putin's Regime and the Ideological Market: A Difficult Balancing Game // Carnegie Papers. 2017. March. P. 1–8.

Laruelle M., Hale H. Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48, № 3. P. 585–602.

Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness // Russian Review. 2016. Vol. 75, № 4. P. 604–625.

Malinova O. “Nation” and “Civilization” as Templates for Russian Identity Construction: A Historical Overview // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020. P. 27–46.

Rivera S., Zimmerman W. Introduction: New Directions in Survey Research on Russian Elites // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 35, № 5–6. P. 359–364.

Shnirelman V. Russia between a Civilization and a Civic Nation: Secular and Religious Uses of Civilizational Discourse during Putin's Third Term // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020. P. 59–86.

Smith J. Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age. Manchester University Press, 2017. 205 p.

Tsygankov A. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin's Turn to Distinct Values // Problems of Post-Communism. 2016. Vol. 63, № 3. P. 146–158.

Turoma S., Mjør K. Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020. P. 1–26.

NEW DIRECTIONS OF RESEARCH ON CIVILIZATIONAL POLITICS OF RUSSIA'S RULING ELITE

M. Maslovskiy

(m.maslovskiy@socinst.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Maslovskiy M. Novye napravleniya issledovaniy tsivilizatsionnoy politiki rossiiskoy pravyyashchey elity [New directions of research on civilizational politics of Russia's ruling elite]. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. 2021, 8(2): 5–20. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.1>

Abstract. *The article considers the concept of “civilizational politics” and the possibilities of using it for studies of the Russian ruling elite. This concept has been employed in the field of international relations while it is not so well represented in research on internal politics. Studies of civilizational politics of the Russian elite mostly draw on the constructionist approach and focus on ideological discourses. There are two opposite viewpoints emphasizing the impact of a certain version of ideological “civilizationism” upon Russian politics or seeing the use of civilizational rhetoric by the ruling elite as purely instrumental. The article supports a middle way between these viewpoints and highlights the advantages of the research program of civilizational politics.*

Keywords: *ruling elite, ideology, civilization, international relations, internal politics.*

References

Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. *Ethics and International Affairs*, 2020, 34 (2), pp. 139–156.

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Sources and Spread of Nationalism]. Moscow: Kanon-Press-Ts, 2001. (In Russian)

Arnason J. *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy* [Civilizational Patterns and Historical Processes]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2021. (In Russian)

Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a ‘Civilizational Politics’ Line of Research. *International Studies Review*, 2014, 16 (1), pp. 1–28.

Bettiza G., Lewis D. Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity. *Journal of Global Security Studies*, 2020, 5 (4), pp. 559–577.

Bettiza G., Petito F. Why (Clash of) Civilizations Discourses Just Won't Go Away? Understanding the Civilizational Politics of Our Times. In: *The “Clash of Civilizations” 25 Years on: A Multidisciplinary Appraisal*. Ed. By D. Orsi. Bristol: E-International Relations, 2018, pp. 37–51.

Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below. *Nationalities Papers*, 2021, 49 (1), pp. 89–107.

Braslavskiy R. *Sotsiologicheskie modeli sovremennogo tsivilizatsionnogo analiza* [Sociological Models of Contemporary Civilizational Analysis]. *Zhurnal sotsiologii*

i sotsialnoi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2020, 23 (5), 7–40. (In Russian)

Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 2017, 40 (8), pp. 1191–1226.

Coker C. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press, 2019.

Hale H. A Surprising Connection between Civilizational Identity and Succession Expectations among Russian Elites. *Post-Soviet Affairs*, 2019, 35 (5–6), pp. 406–442.

Hale H., Laruelle M. A New Wave of Research on Civilizational Politics. *Nationalities Papers*, 2021, First View, pp. 1–12.

Jonson L. Russia: Culture, Cultural Policy and the Swinging Pendulum of Politics. In: *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia*. Ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. Leiden: Brill, 2019, pp. 13–36.

Katzenstein P. A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices. In: *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. Ed. by P. Katzenstein. New York: Routledge, 2010, pp. 1–40.

Katzenstein P., Weygandt N. Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies. *Perspectives on Politics*, 2017, 15 (2), pp. 428–442.

Laruelle M. Russia as an Anti-liberal European Civilization. In: *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15*. Ed. By P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016, pp. 275–297.

Laruelle M. Putin's Regime and the Ideological Market: A Difficult Balancing Game. *Carnegie Papers*, 2017, March, pp. 1–8.

Laruelle M., Hale H. Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda. *Nationalities Papers*, 2020, 48 (3), pp. 585–602.

Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*, 2016, 75 (4), pp. 604–625.

Malinova O. "Nation" and "Civilization" as Templates for Russian Identity Construction: A Historical Overview. In: *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020, pp. 27–46.

Pabst A. Tsvivilizatsiya i liberalnaya demokratiya [Civilization and Liberal Democracy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2021, 30. (4), pp. 26–42. (In Russian)

Prozorova Yu. Kontseptualnye resursy tsvivilizatsionnogo analiza v izuchenii postsovetikh transformatsii v Rossii [Conceptual Resources of Civilizational Analysis in the Study of Post-Soviet Transformations in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2014, 17 (2), pp. 70–87. (In Russian)

Rivera S., Zimmerman W. Introduction: New Directions in Survey Research on Russian Elites. *Post-Soviet Affairs*, 2019, 35 (5–6), pp. 359–364.

Shnirelman V. Russia between a Civilization and a Civic Nation: Secular and Religious Uses of Civilizational Discourse during Putin’s Third Term. In: *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020, pp. 59–86.

Smith J. *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester University Press, 2017.

Tsygankov A. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin’s Turn to Distinct Values. *Problems of Post-Communism*, 2016, 63 (3), pp. 146–158.

Turoma S., Mjør K. Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective. In: *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020, pp. 1–26.

Verkhovskii A., Pain E. Tsivilizatsionnyi natsionalizm: rossiiskaya versiya “osobogo puti” [Civilizational Nationalism: the Russian Version of “Special Path”]. In: *Ideologiya osobogo puti v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya* [Ideology of the Special Path in Russia and Germany: Sources, Contents, Consequences]. Ed. by E. Pain. Moscow: Tri kvadrata, 2010, pp. 171–210. (In Russian)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ: БАСЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ¹

*А.С. Быстрова, А.Б. Даугавет, А.В. Дука²,
Н.В. Колесник, А.В. Невский, Д.Б. Тев*

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 21–54.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>

***Аннотация.** Представлен анализ научных исследований, посвященных бассейну рекрутирования и карьерным траекториям административной элиты с точки зрения проблемы ее институционализации. Значимость изучения социально-демографических и социально-профессиональных характеристик административной элиты связана с тем, что оно не только проясняет структуру социальной и политической власти, лежащую в основе элитного рекрутирования, но и позволяет лучше понять политические аттитюды и поведение высокопоставленных чиновников. Кроме того, степень однородности бассейна рекрутирования административной элиты может влиять на уровень ее сплоченности. В отечественной и зарубежной литературе выявлены и проанализированы такие важные тен-*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31304/21 «Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории».

² Автор для связи. E-mail: alexander-duka@yandex.ru

денции рекрутирования федеральной административной элиты России, как профессионализация, номенклатуризация, милитаризация и плутократизация, а также показаны ее гендерные и образовательные особенности. Однако на региональном уровне основное внимание уделено губернаторам, тогда как административная элита в целом остается недостаточно исследованной, особенно в связи с проблемой ее институционализации в условиях трансформации российского общества. Представляется, что с этой точки зрения необходимо изучение источников и каналов рекрутирования ключевых чиновников в динамике, на протяжении длительного отрезка времени, что даст возможность сравнить их социально-демографические и социально-профессиональные характеристики в различные исторические периоды с присущей им спецификой структуры возможностей административной карьеры.

Ключевые слова: административная элита, институционализация, карьерные траектории, рекрутирование, регион, профессионализация, гендер.

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Описываемая здесь проблема частично затрагивалась в нашей статье, посвященной политическим элитам [Быстрова и др. 2019]. Несмотря на значительное пересечение исследовательской литературы, самого процесса институционализации и некоторых принципов рекрутирования, остаются существенные различия в двух процессах. Как нами указывалось ранее, для функционирования и легитимации политических элит значение имеет демократический, профессионально-меритократический и социетально-иерархический аспекты их существования [Там же: 26–27]. Первый, связанный с представительством и выборностью, для бюрократического сегмента властных групп имеет не столь кардинальное значение. Во всяком случае в некоторых политических режимах административная элита может опираться на довольно узкий сегмент социальных акторов и представлять его интересы.

Надо отметить, что в литературе институционализация элит подчас не дифференцируется на представительную и административную. Это связано с тем, что этот сюжет исследовался в связи с кардинальными изменениями в обществе. Трансформация последнего обычно сопровождается сменой властных групп, становление которых в новых социально-политических условиях и фиксируется понятием «институционализация элит». И здесь элиты анализируются в их целостности.

Конечно, форма и тип элит не произвольны во времени, они продукт определенных условий [Keller 1991; Field, Higley 1980]. Вместе с тем исследователями отмечается взаимообразное влияние социальной трансформации и состояния элит [O'Donnell, Schmitter 1986; Burton Higley 1987; 1998; 2001; Higley, Burton 2006]. Важны также интенции элитного сообщества, что открывает различные варианты трансформации политических порядков и возможного состояния самих элит [Burton, Gunther, Higley 1992]. Причем в последнем случае авторы учитывают и внутриэлитные отношения, что является важным фактором становления конкретного типа политического режима и соответственно типа элит.

При макротрансформации (кардинальных социетальных изменениях), что, например, имеет место в российском случае, все системы (в том числе политическая) подвергаются серьезным изменениям. И этот процесс длительный и многоаспектный. Самуэль Хантингтон в связи с этим отмечал: «Уровень институционализации какой-либо политической системы определяется адаптивностью, сложностью, автономией и согласованностью ее организаций и процедур» [Хантингтон 2004: 32]. Результатом институционализации будет устойчивость системы и ее ценность, что влияет на ее легитимацию. Существенное место в политической системе занимают политико-административные элиты. Одновременно они являются элементами социальной иерархии, социальных отношений, социального порядка, которые также находятся в процессе становления или по крайней мере изменения.

Конечно, как демонстрируют многие ученые, политическая система и элиты трансформируются вместе с другими подсистемами общества. Однако для элит принципиальным является автономия [Хантингтон 2004: 38–41]. Последняя означает для властных групп возможность контролировать свое производство и воспроизводство в человеческом плане. Другими словами, бассейн рекрутирования должен быть «своим» (внутреннее рекрутирование). Элиты для своей стабилизации должны и желают определять свой круг. Помимо этого, стабилизация основывается на вертикальной и горизонтальной интеграции элитных групп, без чего невозможна консолидация и эффективная реализация элитных групповых интересов [Robins 1976: 16–42]. Как подчеркивают исследователи, элитная интеграция является также важным фактором в поддержании институционального доверия и создании схожих политико-идеологических предпочтений [Gulbrandsen 2007, 2012].

Интеграция властных групп с социальной точки зрения означает отсутствие существенных различий внутри элитного сообщества. Ральф Дарендорф в связи с этим подчеркивал: «Социальная гомогенность способствует продуктивному конфликту, потому что она исключает правила игры из круга вопросов как относящихся к сути дела; кроме того, социальная гомогенность безусловно исключает представительство различных интересов. Представительное правление в либеральном устройстве не только может, но и должно иметь устоявшийся политический класс» [Dahrendorf 1969: 261]. Возможность достижения (возникновения) социальной гомогенности непосредственно связана с характеристиками процесса политического рекрутирования и бассейна рекрутирования элиты.

ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Значимость исследования социально-демографических и социально-профессиональных характеристик региональной административной элиты определяется рядом обстоятельств. Во-первых, они могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует. Р. Патнэм отмечал: «Поскольку состав элиты легче наблюдаем, чем лежащие в основе паттерны социальной власти, он может служить в качестве своего рода сейсмометра для обнаружения сдвигов в основаниях политической жизни и политики» [Putnam 1976: 43]. А как указывал Д. Мэттьюз, «меняющиеся характеристики политических лидеров служат показателем меняющегося распределения власти в обществе» [Matthews 1954: 5]. В этом смысле изучение источников рекрутирования и карьеры высшего регионального чиновничества позволяет, в частности, лучше понять особенности социально-экономической и политической организации региона и ее исторической эволюции. Речь, в частности, может идти о характере взаимоотношений исполнительной и законодательной властей, являющемся одной из главных характеристик регионального политического режима [Туровский 2009]; особенностях отношений между бизнесом и публичной властью и расстановке сил в деловом сообществе субъекта РФ. Социально-профессиональный состав региональной административной элиты отчасти может быть своего рода

«зеркалом», в котором отражается структура власти регионального сообщества.

Во-вторых, социальное происхождение администраторов, включая особенности их образования и карьеры, может в определенной степени влиять на их политические аттитюды и поведение. В частности, исследование французской и германской элит (включая высокопоставленных администраторов), проведенное Л. Эдингером и Л. Сиригом [Edinger, Searing 1967] показало, что различные характеристики социального происхождения могут, хотя и в разной степени, выступать предикторами элитных аттитюдов. Причем в германском случае одним из самых существенных по размаху и силе предикторов выступала такая переменная, как работа членов элиты в предшествующие годы. В свою очередь, исследование Р. Патнэма 100 высокопоставленных гражданских служащих общенационально уровня Великобритании, Германии и Италии выявило существенное влияние типа образования (профессиональной подготовки) на политические взгляды и поведение. В частности, чиновники, имеющие естественно-научную и техническую подготовку, оказались особенно привержены технократическому этосу. Они определяли свою роль в терминах аполитичной экспертизы, были антагонистичны по отношению к политикам, политическим институтам и гражданскому участию в правительстве, нечувствительны к противоречивым социальным интересам и вопросам распределительной справедливости. Напротив, администраторы, имеющие подготовку в области общественных наук, демонстрировали явно нетехнократический менталитет, принимая откровенно политическую роль, демонстрируя озабоченность социальными последствиями деятельности правительства, поддерживая институты и нормы демократической политики, признавая реальность социального конфликта и важность социальной справедливости [Putnam 1977]. Что касается России, то, как показано в ряде работ, такие характеристики членов региональной элиты (включая чиновников), как возраст, социальное происхождение, тип образования и номенклатурный опыт (работа в партийных, советских и комсомольских органах), выступают факторами, дифференцирующими их политические ценности и аттитюды [Региональные элиты... 2001; Сафронов 2010].

В-третьих, особенности источников рекрутирования и карьеры региональной административной элиты могут быть связаны с уровнем ее сплоченности (интеграции). Вообще гомогенность (однородность) социально-демографического и социально-профессионального про-

филя государственных деятелей может служить важной предпосылкой элитной сплоченности, облегчать внутриэлитный компромисс, способствовать развитию корпоративного духа. Как отмечали Ч. Ким и С. Паттерсон, «социальная гомогенность, возможно, не является ни необходимым, ни достаточным условием элитной интеграции, но, безусловно, существует очень выраженная тенденция к тому, чтобы члены элиты разделяли общий опыт в своем социальном и политическом происхождении. Такой общий опыт облегчает межличностное взаимодействие внутри политической элиты и оказывает прямые и косвенные воздействия на согласованность и совместимость ценностей членов элиты» [Kim, Patterson 1988: 380]. В этом смысле показательна и позиция Э. Гидденса, который писал, что закрытая система рекрутирования, которая создает относительную однородность характеристик социального происхождения, предоставляя доступ в элиту главным образом представителям привилегированных слоев и лишая его выходцев из «низов», «вероятно, обеспечивает тип согласованной социализации, производящий высокий уровень интеграции между (и внутри) элитными группами» [Giddens 1974: 6]. Впрочем, он же подчеркивает и относительность этой зависимости, указывая на случаи, в которых закрытый паттерн рекрутирования сочетается с низким уровнем внутриэлитной интеграции («учрежденная элита») и где, напротив, разнообразие характеристик социального происхождения элиты совмещается с высоким уровнем интеграции («солидарная элита», характерная, например, для социалистических стран).

Отдельно следует отметить, что значимым фактором и показателем интеграции различных функциональных сегментов элиты служат динамические переплетения между ними, которые создаются карьерными переходами персон из одних властных групп в другие. Как отмечает У. Хоффман-Ланге, одним из показателей элитной интеграции служат «элитные карьеры, включающие профессиональный опыт в различных секторах, который способствует отношениям сотрудничества между лидерами разных секторов и организаций» [Hoffmann-Lange 2018: 63]. В этом смысле, например, приток в региональные правительства выходцев из законодательной или экономической элиты региона (как и переходы чиновников на работу в легислатуру или крупный бизнес) может способствовать межфракционной элитной интеграции, формированию единой, хотя и дифференцированной в институциональном и функциональном отношениях, властной элиты региона.

Наконец, в-четвертых, характер бассейна рекрутирования административной элиты может влиять на ее легитимность. Как писал Р. Патнэм, политическая легитимность частично основывается на представлениях о равенстве возможностей, и, как полагают многие практические политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления [Putnam 1976: 44]. В этой связи вопрос о том, в какой степени социально-демографический и социально-профессиональный состав региональных администраций соответствует социально-структурным характеристикам населения регионов, имеет существенное значение.

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

В научной литературе проблема институционализации элит редко ставится «в лоб». Хотя надо упомянуть специальные работы. Прежде всего уже цитировавшийся выше Роберт Робинс [Robins 1976]. Фактически это адаптация подхода С. Хантингтона к исследованию элит. В этом же духе часть отечественных исследователей изучает процесс институционализации в России. В частности, было показано, что в связи со структурными и институциональными изменениями в обществе и элитах можно указанный процесс разбить на несколько этапов. Каждый этап характеризуется в том числе спецификой бассейна и механизмов рекрутирования [Дука 2009; 2014]. Помимо этого, оказывается важным международный контекст [Дука 2003].

Институционализация элит — достаточно сложный и многоаспектный процесс. В него оказывается встроенной коррупция, которая «включается в новые системные отношения и начинает играть специфическую роль», став в определенной степени «стабилизирующим фактором, снижающим социальную неопределенность и для системы, и для отдельных групп населения» [Быстрова, Дука 2006: 60, 64]. Анализ с этой точки зрения институционализации и коррупции в их взаимосвязи оказывается эвристичным.

Ранее появилась работа, где описывалась двойная институционализация в ходе смены власти в конце перестройки в Ленинграде/Санкт-Петербурге [Дука 1995]. Суть этого процесса — в реализации целей демократического общественного движения и прихода во власть его лидеров. В данном случае адекватным концептуальным основанием исследования оказался подход в рамках социологии общественных движений.

Существенно, что даже в книге Сюзан Фрэнсис, вроде непосредственно посвященной институционализации элит [Francis 2011], это понятие употребляется редко. Автор следующим образом определяет этот процесс: «Институционализация (institutionalization) относится к процессу или действию, направленному на институционализацию (becoming institutionalized). Институционализированный (institutionalized) означает приобретение символической легитимности в качестве формального или неформального органа, структуры или деятельности» [Francis 2011: 33–34]. Как видно, акцент ставится иначе. Отсюда и все дальнейшее исследование разворачивается в сторону формирования элит внутри политических институтов и структур и их легитимации. Основными факторами и инструментами выступают «политические идеи» и «политическое пространство».

Но чаще в литературе речь идет о сюжетах, связанных с формированием элит, их становлением, социализацией, рекрутированием, социально-демографическими и социально-профессиональными особенностями. Но именно в данных характеристиках находятся ответы на вопросы, насколько элиты самоопределились, дистанцировались, автономизировались и внутренне интегрировались.

В развитых капиталистических демократиях довольно обстоятельно изучались социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера общенациональной политико-административной элиты, включая министров [The Profession of Government Minister 1991; Bennett 1996; Who Governs Southern Europe 2003; The Selection 2009] и высокопоставленных гражданских служащих [Bureaucratic Elites 1999].

Было, в частности, выявлено различие между генералистскими и специалистскими (технократическими) системами рекрутирования министров [Davis 1997: 43–45; Claveria Verge, 2015: 826, 833]: в первых члены правительства обычно приходят из парламента и/или партий, а в последних они часто являются политическими аутсайдерами, рекрутированными из недр государственной бюрократии, бизнеса, юридической и академической сферы и пр.

Ведущая роль национальной legislatures как источника формирования и агента социализации правительственной элиты особенно характерна для европейских стран с парламентской формой правления, где правительство формируется парламентским большинством и ответственно только перед депутатами. В Западной Европе в 1945–1985 гг. 75 % министров имели до назначения опыт работы в парламенте [Bermeo

2003: 194]. В период с 1953 по 2007 г. среди министров ФРГ, являющейся парламентской республикой, 77 % ранее работали в Бундестаге [Fischer, Kaiser 2009: 28]; в 1996–2001 гг. у 68,5 % итальянских министров был парламентский опыт [Cotta, Verzichelli 2003: 117]. Но даже в таком полупрезидентском государстве, как Франция, в 1991–2006 гг. 63 % министров в прошлом были парламентариями [Kam, Indridason 2009: 45]. В поставторитарных странах бывших парламентариев меньше. В Испании 53,8 % министров в период 1977–2002 гг. до своего назначения были депутатами парламента, 16,2 % — сенаторами [Linz, Jerez, Corzo 2003: 95]. В Португалии в 1976–1999 гг. 51,5 % пришли в министерство с парламентских скамей [De Almeida, Pinto 2003: 28; Pinto, de Almeida 2009: 152]. В 1999–2002 г. число парламентариев увеличилось до 79,3 %, а затем в следующих кабинетах доля депутатов стала уменьшаться до 52,9 % в 2005 г. [Pinto, de Almeida 2009: 152]. Однако в странах Европы в последнее время отмечается технократическая (специалистская) тенденция в рекрутировании правительственной элиты: более многочисленными становятся примеры министров, не имеющих предшествующей карьеры в парламенте и/или партиях [Technocratic Ministers 2018].

В США, стране с президентской формой правления, члены Кабинета сравнительно редко приходят из Конгресса (см.: [Bennett 1996]). При этом важна роль экономических структур как канала рекрутирования правительственной элиты (и вообще высокопоставленного чиновничества) и практика обмена кадрами между бизнесом и администрацией. В США правительство и бизнес традиционно связывает «вращающаяся дверь»: чиновники часто приходят из руководства корпораций (а также юридической и научно-образовательной сфер) и уходят туда после отставки [Dye, Pickering 1974; Freitag 1975; Domhoff 2006: 165–171; Etzion, Davis 2008]. В частности, П. Фрейтаг обнаружил, что за период с 1897 по 1973 г. 63,4 % членов американского Кабинета занимали элитные позиции в бизнесе до вхождения в должность, причем многие — непосредственно перед назначением [Freitag 1975: 148–150]. В большинстве других развитых стран руководители компаний сравнительно редко назначаются на административные посты [Vermeo 2003: 197; Schmidt 2005: 53]. Так, в среднем 9 % министров стран Западной Европы были выходцами из среды промышленников и других бизнесменов. Вместе с тем переходы отставных чиновников в бизнес распространены в ряде государств, таких как Франция и Япония [Calder 1989; Kerbo, McKinstry 1995: 89–95; Rouban 1999; Hartmann 2010: 294–295].

В определенные периоды министерские посты могут занимать военные. Тип режима оказывается существенным для рекрутирования на министерские должности. Так, в Испании в период диктатуры Ф. Франко (1938–1975 гг.) 33,3 % министров до своего назначения служили в армии и на флоте. Во время перехода к демократии (1975–1977 гг.) военных также было немало — 24,2 %. С установлением парламентской монархии нужда в военнослужащих-министрах резко сократилась (2,3 % с 1977 по 2002 г.) [Linz, Jerez, Corzo 2003: 53, 90]. Похожая ситуация в Португалии. Во время военной диктатуры (1926–1932 гг.) 55,4 % министров пришли из вооруженных сил, что вполне естественно. Во время диктатуры А. Салазара и правления М. Каэтану («Новое государство», 1932–1974 гг.) доля военных снизилась до 26,2 %. После военного переворота и перехода к демократическому режиму (1974–1976 гг.) пропорция военных увеличилась до 35,2 %, а затем резко снизилась до 3,8 % [De Almeida, Pinto 2003: 23]. Кроме собственно правления, военные в авторитарных и переходных режимах поддерживают стабильность власти и сдерживают угрозы для нее со стороны части гражданского общества.

Исследования в переходных обществах показали, что в первоначальном периоде трансформации постсоциалистических обществ в новой элите на национальном и региональном уровне высока доля старой номенклатуры [Крыштановская 1995; Kryshchanovskaya, White 1996; Wasilewski 1998; Gaman-Golutvina 2008; Нисневич 2018]. В связи с этим может возникнуть вопрос о чистках и люстрации [Williams, Fowler, Szczerbiak 2005; Гуторов 2008; Ларин 2014; Лёзина 2015; Мухаметов 2018; Мухаметов, Нагорных 2018; Оболонский 2020]. Похожая ситуация возникает и при демократизации авторитарных режимов, когда накал гражданских страстей велик и дискурс «примирения» маловероятен [Pinto 2008, 2010]. Причем в чистках могут участвовать как общественные организации, так и государственные органы, как это было в Португалии в 1975–1976 гг. [Pinto 2008: 214–215]. Экзотическим вариантом рекрутирования можно назвать призыв на элитные позиции эмигрантов и потомков эмигрантов («соотечественников») из-за границы. Примеры можно найти в странах Прибалтики и на Украине (см., например: [Смирнов 2012]).

Исследователями властных групп в условиях российской трансформации были изучены источники рекрутирования и карьеры федеральной административной элиты РФ, в частности членов правительства

и руководства администрации президента [Huskey 2010a; 2010b; Semenova 2011, Шентякова 2011; 2015; Тев 2016a; 2016b; Борщевский 2018; Тев 2020]. Ученые выявили ряд важных тенденций.

Во-первых, доля выходцев из номенклатуры советского времени в составе постсоветской административной (в т.ч. правительственной) элиты 1990-х — начале 2000-х годов была довольно высока, но со временем ее укорененность в структурах власти советского общества значительно ослабла [Kryshstanovskaya, White 1996: 727–729; Тев 2017: 73].

Во-вторых, выражена профессионализация высокопоставленных администраторов, карьера которых довольно часто представляет собой постепенное восхождение по административной лестнице (иногда в одном ведомстве), при этом должность в административных органах федерального уровня — важнейший трамплин к нынешней элитной позиции [Тев 2016b; Huskey 2010b].

В-третьих, существенна роль бизнеса в качестве источника рекрутирования административной элиты [Huskey 2010a: 364; 2010b: 188; Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011: 78; Тев 2016a: 124–126]. Высшее руководство коммерческих структур является наиболее значимым, хотя и в основном косвенным поставщиком администраторов за пределами государственных институтов. Причем, по данным ряда исследований, в 2000-е годы плутократическое рекрутирование чиновников распространилось шире, чем во второй половине 1990-х годов [Крыштановская 2002a: 25; Зудин 2006; Gill 2008: 159–161]. Впрочем, по более поздним данным, в постсоветский период доля выходцев из бизнеса в правительстве колебалась, не показывая явной тенденции [Semenova 2011: 913].

В-четвертых, довольно высок уровень милитаризации административной элиты, в составе которой широко присутствие выходцев из силовых структур, включая органы госбезопасности [Крыштановская 2002b; Kryshstanovskaya and White 2003; Petrov 2005; Kryshstanovskaya and White 2009; Renz 2006: 909–910; Тев 2016a: 119–122]. Хотя не все так однозначно с тезисом милитократии [Гаман-Голутвина 2006: 352; Gaman-Golutvina 2008: 1038–1039; Дука 2012; Rivera, Rivera 2006; 2014; Ривера, Ривера 2009]. Наконец, органы представительной власти (прежде всего федеральный парламент), будучи в России гораздо более слабыми институтами, чем в развитых капиталистических демократиях, играют второстепенную и имеющую тенденцию к уменьшению роль в качестве источника рекрутирования высокопоставленных администраторов,

включая членов правительства [Huskey 2010a: 365–366; Semenova 2015: 146–148; Тев 2016a: 122–124]. Кроме анализа тенденций рекрутирования элиты, была предпринята также попытка типологизации высокопоставленных федеральных администраторов в зависимости от характера их карьеры. Так, Г.А. Борщевский выделил в составе федеральной политико-административной элиты карьерных бюрократов, отраслевых экспертов (технократов) и политических назначенцев [Борщевский 2018].

Что касается региональной административной элиты, то довольно подробно в научной литературе изучены источники рекрутирования и карьеры глав администраций (губернаторов) субъектов РФ. В частности, исследовалось социальное происхождение региональных лидеров, причем отмечалось постепенное снижение доли уроженцев семей рабочих и крестьян и в то же время рост доли выходцев из семей интеллигенции (врачей, учителей и инженеров) и военнослужащих [Demin, Libman, Eras 2019]. Анализировались карьерные траектории глав субъектов РФ, производилась их типологизация, выделялись должности, служащие трамплинами к губернаторскому креслу [Сергеев, Зиннатуллин 2014]. Было установлено, что среди губернаторов преобладают выходцы из региональных элит (заместители губернаторов, председатели законодательных собраний, депутаты ГД, руководители местных администраций), при этом позиции в силовых ведомствах и бизнесе не дают прямого доступа к посту губернатора, однако опыт работы в них важен [Барсемян 2019].

Начиная с 2000-х годов постепенно меняется облик руководителя региона: типичный руководитель региона из хозяйственника превратился в менеджера [Флягин 2020]. Исследовались различия в социально-профессиональных характеристиках губернаторов в зависимости от метода их отбора (выборы или назначение) [Бакли и др. 2013]. Было выявлено, что «избранные губернаторы с большой долей вероятности имеют опыт работы в КПСС и на выборных должностях и происходят из региона, в котором работают в данное время. Назначенные губернаторы скорее имеют историю работы в федеральных органах власти, экономическое образование и ученую степень». Причем обе группы с равной вероятностью работали в администрации того региона, который затем возглавили, сделали карьеру в законодательной сфере, бизнесе и силовых ведомствах. Наконец, специально изучался феномен губернаторов — «варягов», имевших слабое отношение к регионам,

которые они возглавили [Кынев 2019]. В частности, были выделены различные категории внешних по отношению к регионам руководителей, отмечалось, что массовое назначение «варягов» началось после перехода к системе «наделения полномочиями» по представлению президента, причем наиболее распространилась эта практика в 2016–2018 гг.

Исследование губернаторских кампаний позволило сделать вывод о том, что активная кадровая политика федеральной власти привела к обновлению и омоложению губернаторского корпуса. Часть новых глав субъектов РФ — выпускники программы подготовки кадрового резерва. Они активны и быстро продвигаются по карьерной лестнице. В карьерах есть ступени бизнеса и/или политики. Характерна более ранняя профессионализация и накопление административно-политического опыта [Быстрова 2018]. Помимо этого, анализировались возможности регионального сообщества и групп интересов влиять на региональную исполнительную власть, формирование которой оказалось под контролем федерального центра [Лешкевич, Пономарева 2011: 163–171].

Что касается более широкой группы высокопоставленных региональных администраторов, то, как показал анализ данных по 2790 чиновникам, занимавшим посты вице-губернаторов в период с 2001 по 2012 г., только небольшая их доля (8,5 %) пришла непосредственно из частного сектора, при этом громадное большинство работало на низших уровнях административной иерархии [Szakony 2020: 40]. Следует также отметить всероссийское исследование региональных элит России 2003 г. под руководством О.В. Гаман-Голутвиной. Оно основывалось на опросе 1702 экспертов из 66 регионов [Самые влиятельные 2004; Гаман-Голутвина 2004а; 2004б]. В его рамках были, в частности, изучены механизмы, каналы рекрутирования и социально-демографические характеристики региональных политических элит, наиболее многочисленный и влиятельный сегмент которых составляют руководящие работники администраций субъектов РФ. Была показана растущая роль силовиков и бизнеса как источников рекрутирования высокопоставленных деятелей региональной исполнительной власти, однако, как отмечалось в исследовании, вхождение во власть бывших и действующих военных не стало доминирующим трендом.

Отдельным сюжетом в исследовании административной элиты федерального и регионального уровней стал ее гендерный состав. Впервые

гендерное измерение элиты и власти в работах российских исследователей появилось во второй половине 1990-х годов, когда была расширена предметная сфера в исследованиях российской элиты и появились работы по феминизации власти [Колесник 2009]. Практически первыми в рамках российской элитологии предприняли попытку обозначить проблему «стеклянного потолка» московские социологи Н.Ю. Лапина и А.Е. Чирикова. В 2008 г. ими было проведено сравнительное исследование женщин на высших этажах власти в России и Франции [Чирикова, Лапина 2009]. Российские элитологи, используя преимущества качественных методов исследования при изучении элиты, определили, что для Франции и России характерны три модели продвижения женщин во власть: модель постепенного роста, модель парашютирования и модель наследования (характерна только для Франции) [Чирикова, Лапина 2009]. Что касается модели наследования, некогда распространенной в Западной Европе, то следует отметить, что статус родителей и роль семейного капитала играет все более важную роль в рекрутировании российской элиты.

В целом проблема феминизации административной элиты как в зарубежных, так и российских исследованиях слабо артикулирована. В работах российских исследователей (С.Г. Айвазовой, О.Г. Овчаровой, Н.А., Г.Г. Силласте, О.А. Хасбулатовой и др.) чаще всего освещаются вопросы гендерного дисбаланса и гендерной асимметрии в политике, выявляются специфика и мотивы участия женщин в политической жизни (см.: [Айвазова 2012; Овчарова 2007; Силласте 1996; Хасбулатова 2014]). Имеющиеся работы чаще всего междисциплинальны по своему характеру и являются примером осознания важности гендерной проблематики в анализе власти. Авторы рассматривают политические институты в контексте демократической перспективы и затрагивают аспекты влияния пола на развитие политической системы. Анализ работ позволяет заключить, что в российском обществе сложилась ситуация, когда в массовом сознании не отрицается идеология равенства, но формируется новый традиционализм, когда образованной женщине отводятся второстепенные роли на рынке труда и доступ на высшие руководящие должности оказывается закрытым, в том числе по причине отсутствия правовых механизмов (гендерные квоты) и доминирующей патриархальной культуры.

По мнению Н.Л. Пушкаревой, которая анализировала представительство женщин и мужчин в органах государственной власти РФ,

сохраняющееся гендерное неравенство во властных структурах следует объяснять посредством механизма воспроизводства этакратической патримониальной политики [Пушкарева 2008]. Основной посыл в работе Н.Л. Пушкаревой состоит в том, что «модернизация гендерной системы происходит на основе традиционной патриархальной концепции, постольку гендер продолжает рассматриваться через призму репродуктивно-биологических функций полов» [Пушкарева 2008: 119]. Эмпирические данные Н.Л. Пушкаревой показали, что с начала 1990-х годов и до 2006 г. в российском правительстве женщины не были представлены¹ и до нулевых годов сохранялся гендерный дисбаланс и неравенство. Это подтверждают и диахронные данные М.А. Кашиной на примере политической элиты (депутатского корпуса) Санкт-Петербурга [Кашина 2020]. Вместе с тем в исследовании М.А. Кашиной доказано, что даже повышение доли женщин в депутатском корпусе, не приводит к представительству специфических интересов данной социальной группы [Кашина 2020: 248]. Проведенный анализ научной литературы показывает, что проблема гендерной асимметрии во властных структурах остается не до конца изученной и позволяет выявить важные дискуссионные точки, перспективы исследовательских проектов [Колесник 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ научной литературы, посвященной бассейну рекрутирования и карьерным траекториям административной элиты, показывает, что соответствующие характеристики высокопоставленных федеральных чиновников изучены довольно подробно. В частности, выявлена степень выраженности таких тенденций их рекрутирования и карьеры, как профессионализация, номенклатуризация, милитаризация и плутократизация. Проанализированы также гендерные распределения (и показаны соответствующие неравенства) внутри общенациональной властной элиты. Однако на региональном уровне основное внимание уделено губернаторам, тогда как административная элита в целом остается недостаточно исследованной. Между тем особую актуальность изучению высшего регионального чиновничества придает то обстоя-

¹ Следует отметить, что в рассматриваемый период женщины были среди губернаторов и министров.

тельство, что в условиях типичной для России слабости законодательных собраний (во многом связанной с низким уровнем их профессионализации) оно, как правило, является наиболее важной, доминирующей группой в системе государственной власти субъектов РФ. Без выявления ее социально-профессионального состава трудно как вполне понять особенности региональной структуры власти, следствием и отражением которой он в значительной степени является, так и объяснить и прогнозировать политику на региональном уровне. Кроме того, характеристики источников рекрутирования и карьеры административной элиты — значимый предмет исследования еще и потому, что они могут влиять на уровень ее сплоченности и легитимности. Представляется, что с точки зрения проблемы институционализации властной элиты необходимо изучение бассейна ее рекрутирования в динамике, на протяжении длительного отрезка времени, что дает возможность сравнить его параметры в различные исторические периоды с присущей им спецификой структуры возможностей административной карьеры. Также анализ социально-профессионального и социально-демографического состава элиты должен выявлять не только общие тенденции, но и пока слабо изученные межрегиональные различия и факторы, их обуславливающие. Наконец, целесообразным представляется и сравнительный анализ характеристик регионального чиновничества с соответствующими особенностями депутатского корпуса, выявленными в ходе нашего предыдущего исследования.

Литература

Айвазова С.Г. Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. // Женщина в российском обществе. Иваново: ИвГУ, 2012. № 3. С. 3–11.

Бакли Н., Гарифуллина Г., Рейтер Дж., Фрай Т. Политэкономия выборов и назначений губернаторов в России: препринт WP1/2013/04. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 36 с. URL: <http://netess.ru/3knigi/921186-1-n-bakli-garifullina-reyter-fray-politekonomiya-viborov-na-znacheniy-gubernatorov-rossii-preprint-wp1-2013-04-seriya-wp1.php> (дата обращения: 31.03.2020).

Барсегян В.М. Модели карьерных траекторий глав российских регионов // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 132–148.

Борщевский Г.А. Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // Полития. 2018. № 1 (88). С. 82–99.

Быстрова А.С. Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // *Власть и элиты*. 2018. Т. 5. С. 331–359. doi: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5/12>.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6, № 2. С. 24–66.

Быстрова А.С., Дука А.В. Коррупция в институционализации российской элиты // *Финансы и бизнес*. 2006. № 1. С. 57–67.

Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 1. С. 66–79.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.

Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // *Полис. Политические исследования*. 2004а. № 2. С. 6–19.

Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (II) // *Полис. Политические исследования*. 2004б. № 3. С. 22–32.

Гуторов В.А. Интолерантность как фактор политического процесса в посткоммунистических странах // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения*. 2008. Вып. 1. С. 13–24.

Дука А.В. Институционализация российской политико-административной элиты // *Политическая наука*. 2009. № 3. С. 110–140.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // *Властные структуры и группы доминирования: материалы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»* / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Дука А.В. Постсоветская элита: институционализация и рекрутирование // *Политические институты России и Франции: традиции и современность: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко, Н.Ю. Лапина*. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 203–228.

Дука А.В. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // *Власть и элиты в современной России: сб. научных статей / под ред. А.В. Дуки*. СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 162–186.

Дука А.В. Трансформация местных элит: (институционализация общественных движений: от протеста к участию) // *Мир России*. 1995. Т. 4, № 2. С. 106–117.

Зудин А. Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 6 (50). URL: <http://www.intelros.ru/?newsid=289> (дата обращения: 21.03.2019).

Кашина М.А. Женщины в российских парламентах: перейдет ли количество в качество? Кейс Законодательного Собрания Санкт-Петербурга // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 238–251.

Колесник Н.В. Гендерные распределения в региональной элите (северо-запад и юг России) // Политическая экспертиза. Политекс. 2009. № 5 (2). С. 72–87.

Колесник Н.В. Гендерное (не) равенство в политической власти российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 468–491.

Крыштановская О.В. Бизнес-элиты и олигархии: итоги десятилетия // Мир России. 2002а. №4. С. 3–60.

Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002b. Т. 7, № 4. С.158–180.

Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую советскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.

Кынев А.В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации: опыт 1991–2018 гг. // Полития. 2019. № 2 (93). С. 125–150.

Ларин А.А. Люстрация как основание ограничения избирательного права // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С.246–249.

Лешкевич Т.Г., Пономарева М.А. Трансформация элит и процессы модернизации на Юге России. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2011. 262 с.

Лёзина Е.В. Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 2 (120). С. 48–89.

Мухаметов Р.С. Роль декоммунизации в политическом транзите государств Восточной Европы // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1 (17). С. 204–210. doi: 10.25513/2312-1300.2018.1.204-210.

Мухаметов Р.С., Нагорных О.В. Декоммунизация в Восточной Европе: сущность, причины и мероприятия // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 201–207. doi: 10.25513/2312-1300.2018.2.201-207.

Нисневич Ю.А. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 143–152.

Оболонский А.В. Люстрация как институт периода транзита: плюсы и минусы // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4. С. 87–101.

Овчарова О.Г. Гендерная асимметрия в сфере политики: поиски институционального решения проблемы // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 5 (57). С. 214–219.

Пушкарева Н.Л. Где больше власти — там меньше женщин (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов власти РФ 1991–2006 г.) // Научные ведомости Белгородского государ-

ственного университета. Серия «История. Политология». 2008. № 1 (41). С. 117–127.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Алетей, 2001. 352 с.

Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации в российской элите // ПОЛИС: Политические исследования. 2009. № 5. С. 149–157.

Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. М.: ИСАНТ, 2004. 696 с.

Сафронов В.В. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой С.-Петербурга // Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–110.

Сергеев С.А., Зиннатуллин А.З. Губернаторский корпус в 2005–2012 гг.: карьерные траектории // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2014. № 4. С. 122–136.

Силласте Г. Женские элиты России и их особенности // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 112–121.

Смирнов В.А. Литовская диаспора в США как канал элитного рекрутирования в постсоветской Литве // Властные структуры и группы доминирования: материалы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 40–51.

Тев Д.Б. Высокопоставленные чиновники Администрации Президента РФ: каналы рекрутирования и карьера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 3. С. 153–187.

Тев Д.Б. Государственная Дума РФ шестого созыва: социально-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования депутатов // Власть и элиты Т. 4 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 67–128.

Тев Д.Б. Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПрФ, Справедливой России и ЛДПР // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2012. № 1 (17) С. 98–111.

Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016а. №4. С. 115–130.

Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: образовательные характеристики // Мир России. 2016б. № 3. С. 76–96.

Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 77–95.

Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 1. С. 29–39.

Хасбулатова О.А. Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4 (73). С. 3–31.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Чурикова А.Е., Лапина Н.Ю. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт. М. Институт социологии РАН, 2009. 72 с. (ИНАБ. № 3).

Шентякова А.В. Политическая и административная элита: качественный состав и каналы рекрутирования // *Российские властные институты и элиты в трансформации: материалы VIII всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»* / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 145–156.

Bennett A.J. *The American President's Cabinet: From Kennedy to Bush*. London: Palgrave Macmillan UK, 1996. xvi, 263 p.

Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons // *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850 2000* / ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London: Frank Cass Publishers, 2003. P. 191–212.

Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials / ed. by E.C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999. xi, 286 p.

Burton M.G., Higley J. Elite Settlements // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52, № 3. P. 295–307.

Burton M.G., Higley J. Political Crises and Elite Settlements // *Elites, Crises, and the Origins of Regimes* / ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998. P.47–70.

Burton M.G., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11, № 2. P. 181–199.

Burton M., Gunther R.; Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes // *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe* / ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–37.

Calder K. Elites in an Equalizing Role: Ex-Bureaucrats as Coordinators and Intermediaries in the Japanese Government-Business Relationship // *Comparative Politics*. Vol. 21, № 4. P. 379–403.

Claveria S., Verge T. Post-ministerial Occupation in Advanced Industrial Democracies: Ambition, Individual Resources and Institutional Opportunity Structures // *European Journal of Political Research*. 2015. Vol. 54, № 4. P. 819–835.

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men // *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850 2000* / ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London: Frank Cass Publishers, 2003. P. 109–142.

Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi, 457 p.

Davis R.H. Women and Power in Parliamentary Democracies: Cabinet Appointments in Western Europe, 1968–1992. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997. xi, 137 p.

De Almeida P.T., Pinto A.C. Portuguese ministers, 1851–1999: Social background and paths to power // Who governs Southern Europe? Regime change and ministerial recruitment, 1850–2000 / ed. by P. Tavares de Almeida, A. Costa Pinto, N. Bermeo. London; Portland, OR: F. Cass, 2003. P. 4–38.

Demin A., Libman A., Eras L. Post-socialist transition, authoritarian consolidation and social origin of political elites: the case of Russian regional governors // Eurasian Geography and Economics. 2019. doi: 10.1080/15387216.2019.1676809.

Domhoff G.W. Who Rules America? Power, Politics and Social Change. 5th ed. Boston, Mass.: McGraw-Hill, 2006. xviii, 265 p.

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation // The Journal of Politics. 1974. Vol. 36, № 4. P. 900–925.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // American Political Science Review. 1967. Vol. 61, № 2. P. 428–445.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials // Journal of Management Inquiry. 2008. Vol. 17, № 3. P. 157–161.

Field G.L., Higley J. Elitism. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980. xi, 135 p.

Fischer J., Kaiser A. Hiring and Firing Ministers under Informal Constraints. Germany // The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing / ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009. P. 21–40.

Francis S. Institutionalizing Elites: Political Elite Formation and Change in the KwaZulu-Natal Provincial Legislature. Leiden; Boston: Brill, 2011. xii, 321 p.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks // Social Problems. 1975. Vol. 23, № 2. P. 137–152.

Gaman-Golutvina O. Changes in Elite Patterns // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60, № 6. P. 1033–1050.

Giddens A. Elites in the British class structure // Elites and Power in British Society / ed. by P. Stanworth, A. Giddens. London: Cambridge University Press, 1974. P. 1–21.

Gill G. Bourgeoisie, State, and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA. Oxford: Oxford University Press, 2008. 396 p.

Gulbrandsen T. Elite Integration — An Empirical Study // Historical Social Research — Historische Sozialforschung. 2012. Vol. 37, № 1. Special Issue: Elite Foundations. P. 148–166.

Gulbrandsen T. Elite Integration and Institutional Trust in Norway // Comparative Sociology. 2007. Vol. 6, № 1–2. P. 190–214.

Hartmann M. Elites and Power Structure // Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century / Ed. by Immerfall S., Therborn G. Berlin; New York: Springer, 2010. P. 291–323.

Higley J., Burton M. Elite foundations of liberal democracy. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. vii, 229 p.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 53–68.

Huskey E. Elite Recruitment and State-society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case // Communist and Post-Communist Studies. 2010a. Vol. 43, № 4. P. 363–372.

Huskey E. Pantouflage à la russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites // Russian Politics from Lenin to Putin / ed. by S.P. Fortescue. London: Palgrave Macmillan, 2010b. P. 185–204.

Kam C., Indridason I. Cabinet Dynamics and Ministerial Careers in the French Fifth Republic // The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing / ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009. P. 41–57.

Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. With a New Introduction by the Author. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1991. xxv, 354 p.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power. Westport, CT: Praeger, 1995. viii, 217 p.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // Comparative Politics. 1988. Vol. 20, № 4. P. 379–399.

Kryshchanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48, № 5. P. 711–733.

Kryshchanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19, № 4. P. 289–306.

Kryshchanovskaya O., White S. The Sovietization of Russian Politics // Post-Soviet Affairs. 2009. Vol. 25, № 4. P. 283–309.

Linz J.J., Jerez M., Corzo S. Ministers and Regimes in Spain: From the First to the Second Restoration, 1874–2002 // Who governs Southern Europe? Regime change and ministerial recruitment, 1850–2000 / ed. by P. Tavares de Almeida, A. Costa Pinto, N. Bermeo. London; Portland, OR: F. Cass, 2003. P. 38–108.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure // Public Opinion Quarterly. 1954. Vol. 18, № 1. P. 5–22.

O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1986. ? p.

Petrov N. Siloviki in Russian Regions: New Dogs, Old Tricks // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2005. № 2. URL: <http://www.pipss.org/index331.html>.

Pinto A.C. Coping with the Double Legacy of Authoritarianism and Revolution in Portuguese Democracy // *South European Society and Politics*. 2010. Vol. 15, № 3. P. 395–412.

Pinto A.C. Political Purges and State Crisis in Portugal's Transition to Democracy, 1975–76 // *Journal of Contemporary History* Copyright. 2008. Vol. 43, № 2. P. 305–332.

Pinto A.C., de Almeida P.T. Portugal: the primacy of 'independents' // *The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing* / ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009. P. 147–158.

Putnam R.D. *The Beliefs of Politicians: Ideology, Conflict, and Democracy in Britain and Italy*. New Haven and London: Yale University Press, 1973. xii, 309 p.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976. x, 246 p.

Putnam R.D. Elite Transformation in Advanced Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy // *Comparative Political Studies*. 1977. Vol. 10, № 3. P. 383–412.

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, № 6. P. 903–924.

Rivera D.W., Rivera S.W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30, № 1. P. 27–50.

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // *Post-Soviet Affairs*. 2006. Vol. 22, № 2. P. 125–145.

Robins R.S. *Political Institutionalization and the Integration of Elites*. Beverly Hills, Calif.; London: Sage, 1976. vi, 221 p.

Rouban L. The Senior Civil Service in France // *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials* / ed. by E.C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 65–89.

Schmidt C. Japan's Circle of Power: Legitimacy and Integration of a National Elite // *ASIEN — The German Journal on Contemporary Asia*. 2005, № 96. P. 46–67.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009 // *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10, № 6. P. 908–927.

Semenova E. Russia: Cabinet Formation and Careers in a Super-presidential System // *The Selection of Ministers around the World* / ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2015. P. 139–155.

Szakony D. *Politics for Profit: Business, Elections, and Policymaking in Russia*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2020. 350 p.

Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies / ed. by A.C. Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida. London: Palgrave, 2018. xiv, 295 p.

The Profession of Government Minister in Western Europe / ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991. 215 p.

The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing / ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009. 256 p.

Wasilewski J. Hungary, Poland, and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites // Elites, Crises, and the Origins of Regimes / ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998. P. 147–167.

Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000 / ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London: Frank Cass Publishers, 2003. 242 p.

Williams K., Fowler B., Szczerbiak A. Explaining Lustration in Central Europe: A “Post-communist Politics” Approach // Democratization. 2005. Vol. 12, № 1. P. 22–43.

INSTITUTIONALIZATION OF THE REGIONAL ADMINISTRATIVE ELITE: RECRUITMENT POOL AND CAREER TRAJECTORIES¹

*A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka²,
N. Kolesnik, A. Nevskiy, D. Tev*

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of
the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Bystrova A., Daugavet A., Duka A., Kolesnik N., Nevskiy A., Tev D. Institutionalizatsiya regional'noy administrativnoy elity: basseyn rekrutirovaniya i kar'yernyye trayektorii [Institutionalization of the Regional Administrative Elite: Recruitment Pool and Career Trajectories]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (2): 21–54. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>

Abstract. *The article presents the analysis of studies devoted to the pool of recruitment and career trajectories of the administrative elite from the point of view of the problem of its institutionalization. The importance of studying the*

¹ The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project no. 21-011-31304/21 “Institutionalization of the regional administrative elite: recruitment and professional careers”.

² Corresponding author. E-mail: alexander-duka@yandex.ru.

socio-demographic and socio-professional characteristics of the administrative elite is related to the fact that it not only clarifies the structure of social and political power that underlies elite recruitment, but also allows us to better understand the political attitudes and behavior of senior officials. Moreover, the degree of homogeneity of the pool of recruitment of the administrative elite can influence the level of its cohesion. In domestic and foreign literature, such important trends in the recruitment of the federal administrative elite of Russia as professionalization, nomenclaturization, militarization and plutocratization are identified and analyzed, and its gender and educational characteristics are shown. However, at the regional level, the main attention was paid to the governors, while the administrative elite as a whole remains insufficiently studied, especially in connection with the problem of its institutionalization in the context of the transformation of Russian society. It seems that from this point of view, it is necessary to study the sources and channels of recruitment of the key officials in dynamics, over a long period of time, which makes it possible to compare their socio-demographic and socio-professional characteristics in different historical periods with the specific opportunity structure of administrative career inherent in them.

Keywords: *administrative elite, institutionalization, career trajectories, recruitment, region, professionalization, gender.*

References

- Aivazova S.G. Gendernye osobennosti politicheskogo povedenija rossijan v kontekste izbiratel'nogo cikla parlamentskih i prezidentskih vyborov 2011–2012 gg. [Gender characteristics of the political behavior of Russians in the context of the electoral cycle of the 2011–2012 parliamentary and presidential elections]. In: *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian society], 2012, 3, pp. 3–11. (In Russian)
- Barsegjan V.M. Modeli kar'ernyh traektorij glav rossijskih regionov [Models of Career Trajectories of the Heads of Russian Regions], *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2019, 4, pp. 132–148. (In Russian)
- Bennett A.J. *The American President's Cabinet: From Kennedy to Bush*. London: Palgrave Macmillan UK, 1996. xvi, 263 p.
- Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons. In: *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. Ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London, Frank Cass Publishers, 2003, pp. 191–212.
- Borshchevsky G.A. Vysshie gosudarstvennye sluzhashhie kak politiko-administrativnaja jelita sovremennoj Rossii [Senior Civil Servants as Russian Political and Administrative Elite], *Politija* [Politeia], 2018, 1 (88), pp. 82–99. (In Russian)
- Buckley N., Garifullina G., Reuter J., Frye T. *Politjekonomija vyborov i naznachenij gubernatorov v Rossii* [The Political Economy of Russian Gubernatorial Election and

Appointment]: Preprint WP1/2013/04. M.: HSE, 2013. 36 p. URL: <http://netess.ru/3knigi/921186-1-n-bakli-garifullina-reyter-fray-politekonomiya-viborov-na-znacheniy-gubernatorov-rossii-preprint-wp1-2013-04-seriya-wp1.php> (accessed: 31.03.2020). (In Russian)

Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials. Ed. by E.C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999. xi, 286 p.

Burton M.G.; Higley J. Elite Settlements, *American Sociological Review*, 1987, 52 (3), pp. 295–307.

Burton M., Higley J. Political Crises and Elite Settlements. In: *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Ed. by Mattei Dogan and John Higley. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998, pp. 47–70.

Burton M.G; Higley J. The Study of Political Elite Transformations, *International Review of Sociology*, 2001, 111 (2), pp.181–199.

Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes. In: *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Ed. by J. Higley and R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 1–37.

Bystrova A.S. Otvstavki i vybory 2018 g.: obnovenie gubernatorskogo korpusa, bassejn rekrutirovanija i kar'ery novyh personazhej [Resignation and Election of 2018: Update Governors, Pool Recruiting and Career of New Characters], *Vlast' i jelity* [Power and Elites], 2018, 5, pp. 331–359. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5/12> (In Russian)

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Institucionalizacija politicheskoy jelity: istochniki rekrutirovanija i kar'era [Institutionalization of the Political Elite: Sources of Recruitment and Career], *Vlast' i jelity* [Power and Elites], 2019, 6 (2), pp. 24–66. (In Russian)

Bystrova A.S., Duka A.V. Korrupcija v institucionalizacii rossijskoj jelity [Corruption in the institutionalization of the Russian elite], *Finansy i biznes* [Finance and Business], 2006, 1, pp 57–67. (In Russian)

Calder K. Elites in an Equalizing Role: Ex-Bureaucrats as Coordinators and Intermediaries in the Japanese Government-Business Relationship, *Comparative Politics*, 21 (4), pp. 379–403.

Chirikova A.E., Lapina N.Ju. Zhenshhina na vysshih jetazah vlasti. Rossijskie praktiki i francuzskij opyt [A woman on the highest echelons of power. Russian practices and French experience], *Informacionno-analiticheskij bjulleten' Instituta sociologii Rossijskoj akademii nauk* [Information and analytical bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Sociology of RUS, 2009. 72 p. (In Russian)

Claveria S., Verge T. Post-ministerial Occupation in Advanced Industrial Democracies: Ambition, Individual Resources and Institutional Opportunity Structures, *European Journal of Political Research*, 2015, 54 (4), pp. 819–835.

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men. In: *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. Ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London, Frank Cass Publishers, 2003, pp. 109–142.

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City. N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi, 457 pp.

Davis R.H. *Women and Power in Parliamentary Democracies: Cabinet Appointments in Western Europe, 1968–1992*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997. xi, 137 p.

De Almeida P.T., Pinto A.C. Portuguese ministers, 1851–1999: Social background and paths to power. In: *Who governs Southern Europe? Regime change and ministerial recruitment, 1850–2000*. Ed. by P. Tavares de Almeida, A. Costa Pinto, N. Bermeo. London; Portland, OR: F. Cass, 2003, pp. 4–38.

Demin A., Libman A., Eras L. Post-socialist transition, authoritarian consolidation and social origin of political elites: the case of Russian regional governors, *Eurasian Geography and Economics*, 2019, 60 (3), 257–283. doi: 10.1080/15387216.2019.1676809.

Domhoff G.W. *Who Rules America? Power, Politics and Social Change*. 5th ed. Boston, Mass.: McGraw-Hill, 2006. xviii, 265 p.

Duka A.V. Transformacija mestnyh jelit: (institucionalizacija obshhestvennyh dvizhenij: ot protesta k uchastiju) [Transformation of local elites: (institutionalization of social movements: from protest to participation)], *Mir Rossii* [Universe of Russia], 1995, 4 (2), pp. 106–117. (In Russian)

Duka A.V. Problemy institucionalizacii rossijskoj politiko-administrativnoj jelity: jekonomicheskij i global'nyj aspekty [Problems of institutionalization of the Russian political and administrative elite: economic and global aspects]. In: *Vlast' i jelity v sovremennoj Rossii* [Power and elites in modern Russia]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Sociologicheskoe obshhestvo imeni M.M. Kovalevskogo, 2003, pp. 162–186. (In Russian)

Duka A.V. Institucionalizacija rossijskoj politiko-administrativnoj jelity [Institutionalization of the Russian political and administrative elite], *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2009, 3, pp. 110–140. (In Russian)

Duka A.V. K voprosu o militokratii: Siloviki v regional'nyh vlastnyh jelitah [On the issue of military rule: Siloviki in regional power elites]. In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminar "Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii"* [Power structures and groups of domination: Materials of the tenth All-Russian seminar "Sociological problems of power institutions in the context of Russian transformation"]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 94–120. (In Russian)

Duka A.V. Postsovetskaja jelita: institucionalizacija i rekrutirovanie [Post-Soviet Elite: Institutionalization and Recruitment]. In: *Politicheskie instituty Rossii i Francii: Tradicii i sovremennost'* [Political Institutions of Russia and France: Traditions and Modernity]. Ed. by Efremenko D.V., Lapina N.Ju. Moscow: INION RUS, 2014, pp.203–228. (In Russian)

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation, *The Journal of Politics*, 1974, 36 (4), pp. 900–925.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry, *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials, *Journal of Management Inquiry*, 2008, 17 (3), pp. 157–161.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980. xi, 135 pp.

Fischer J., Kaiser A. Hiring and Firing Ministers under Informal Constraints. Germany. In: *The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing*. Ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009, pp. 21–40.

Flyagin A.M. Kak izmenilsya portret rossijskogo gubernatora: analiz biografij glav regionov. 1991–2019 [How the Portrait of the Russian Governor has changed: analysing Biographies of the Heads of Russian Regions. 1991–2019], *Vestnik Permskogo universiteta. POLITOLOGIYA* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2020, 14 (1), pp. 29–39. (In Russian)

Francis S. *Institutionalizing Elites: Political Elite Formation and Change in the KwaZulu-Natal Provincial Legislature*. Leiden; Boston: Brill, 2011. xii, 321 pp.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks, *Social Problems*, 1975, 23 (2), pp. 137–152.

Gaman-Golutvina O.V. Regional'nye jelity Rossii: personal'nyj sostav i tendencii jevoljucii (I) [Regional Elites of Russia: Personal Composition and Trends of Evolution (I)], *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2004a, 2, pp. 6–19. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Regional'nye jelity Rossii: personal'nyj sostav i tendencii jevoljucii (II) [Regional Elites of Russia: Personal Composition and Trends of Evolution (II)], *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2004b, 3, pp. 22–32. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie jelity Rossii: Vehi istoricheskoy jevoljucii* [Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 446 p.

Gaman-Golutvina O. Changes in Elite Patterns, *Europe-Asia Studies*, 2008, 60 (6), pp. 1033–1050.

Giddens A. Elites in the British class structure. In: *Elites and Power in British Society*. Ed. by Stanworth P. and Giddens A. London: Cambridge University Press, 1974, pp. 1–21.

Gill G. *Bourgeoisie, State, and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 396 p.

Gulbrandsen T. Elite Integration — An Empirical Study, *Historical Social Research — Historische Sozialforschung*, 2012, 37 (1). Special Issue: Elite Foundations, pp. 148–166.

Gulbrandsen T. Elite Integration and Institutional Trust in Norway, *Comparative Sociology*, 2007, 6 (1–2), pp. 190–214.

Gutorov V.A. Intolerantnost' kak faktor politicheskogo processa v postkommunisticheskikh stranah [Intolerance as a Factor of the Political Process in Post-Communist Countries], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations], 2008, 1, pp.13–24. (In Russian)

Hartmann M. Elites and Power Structure. In: *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century*. Ed. by Immerfall S., Therborn G. Berlin; New York: Springer, 2010, pp. 291–323.

Hasbulatova O.A. Gendernyj podhod kak tehnologija povyshenija jeffektivnosti kadrovoj politiki [Gender approach as a technology for increasing the effectiveness of personnel policy], *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian society], 2014, 4 (73), pp. 3–31. (In Russian)

Higley J., Burton M. *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. vii, 229 pp.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Best H., Higley J. London: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 53–68.

Huntington S. *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress-Tradicija, 2004. 480 p. (In Russian)

Huskey E. Elite Recruitment and State-society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010a, 43 (4), pp. 363–372.

Huskey E. Pantouflage à la russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites. In: *Russian Politics from Lenin to Putin*. Ed. by Fortescue S.P. London: Palgrave Macmillan, 2010b, pp. 185–204.

Kam C., Indridason I. Cabinet Dynamics and Ministerial Careers in the French Fifth Republic. In: *The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing*. Ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009, pp. 41–57.

Kashina M.A. Zhenshhiny v rossijskikh parlamentah: perejdet li kolichestvo v kachestvo? Kejs Zakonodatel'nogo Sobranija Sankt-Peterburga [Women in Russian Parliaments: Will Quantity Become Quality?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology And Political Science], 2020, 54, pp. 238–251. (In Russian)

Keller S. *Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. With a New Introduction by the Author*. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1991. xxv, 354 pp.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power. Westport, CT: Praeger, 1995. viii, 217 pp.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations, *Comparative Politics*, 1988, 20 (4), pp. 379–399.

Kolesnik N.V. Gendernye raspredelenija v regional'noj jelite (severo-zapad i jug Rossii) [Gender distributions in the regional elite (northwest and south of Russia)], *Politicheskaja jekspertiza: Politeks* [Political Expertise: Politex], 2009, 5 (2), pp. 72–87. (In Russian)

Kolesnik N.V. Gendernoe (ne) ravenstvo v politicheskoi vlasti rossijskikh regionov [Gender (In)Equality in the Political Power of Russian Regions], *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2021, 4, pp. 468–491. (In Russian)

Kryshtanovskaja O. Transformacija staroj nomenklatury v novuju sovetskiju jelitu [Transformation of the old nomenklatura into the new Soviet elite], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1995, 1, pp. 51–65. (In Russian)

Kryshtanovskaja O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite, *Europe-Asia Studies*, 1996, 48 (5), pp. 711–733.

Kryshtanovskaja O.V. Biznes-jelita i oligarhi: itogi desjatiletija [Business elite and oligarchs: results of the decade], *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2002a, 4, pp. 3–60. (In Russian)

Kryshtanovskaja O.V. Rezhim Putina: liberal'naja militokratija? [Putin's Regime: A Liberal Militocracy?], *Pro et Contra*, 2002b, 7 (4), pp. 158–180. (In Russian)

Kryshtanovskaja O., White S. Putin's Militocracy, *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19 (4), pp. 289–306.

Kryshtanovskaja O., White S. The Sovietization of Russian Politics, *Post-Soviet Affairs*. 2009, 25 (4), pp. 283–309.

Kynev A.V. Fenomen gubernatorov-«varjagov» kak indikator recentralizacii: opyt 1991–2018 gg. [Phenomenon of Governors-“Outsiders” as Indicator OF Recentralization Experience of 1991—2018 Years], *Politija* [Politeia], 2019, 2 (93), pp. 125–150. (In Russian)

Larin A.A. Ljustracija kak osnovanie ogranichenija izbiratel'nogo prava [Lustration as a basis for restricting suffrage], *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and Practice of Social Development], 2014, 4, pp. 246–249. (In Russian)

Leshkevich T.G., Ponomareva M.A. *Transformacija jelit i processy modernizacii na Juge Rossii* [Transformation of elites and modernization processes in the South of Russia]. Rostov-on-Don: SFU, 2011. 262 p. (In Russian)

Lezina E.V. Ljustracija i otkrytie arhivov v ctranah Central'noj i Vostochnoj Evropy [Lustration and File Access in the Countries of Central and Eastern Europe], *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 2015, 2 (120), pp.48–89. (In Russian)

Linz J.J., Jerez M., Corzo S. Ministers and Regimes in Spain: From the First to the Second Restoration, 1874–2002. In: *Who governs Southern Europe? Regime change and ministerial recruitment, 1850–2000*. Ed. by P. Tavares de Almeida, A. Costa Pinto, Nancy Bermeo. London; Portland, OR: F. Cass, 2003, pp. 38–108.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure, *Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22.

Muhametov R.S. Rol' dekomunizacii v politicheskom tranzite gosudarstv Vostochnoj Evropy [The Role of Decommunization in the Political Transition of the States of Eastern Europe], *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»* [Herald of Omsk University. Series Historical Studies], 2018, 1 (17), 204–210. doi: 10.25513/2312-1300.2018.1.204-210. (In Russian)

Muhametov R.S., Nagornyh O.V. Dekommunizacija v Vostochnoj Evrope: sushhnost', prichiny i meroprijatija [Decommunization in Eastern Europe: Essence, Causes and Activities], *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»* [Herald of Omsk University. Series Historical Studies], 2018, 2 (18). pp. 201–207. doi: 10.25513/2312-1300.2018.2.201-207. (In Russian)

Nisnevich Ju.A. Regeneracija nomenklatury kak pravjashhego social'nogo sloja v postsovetskoj Rossii [Regeneration of the nomenclature as a ruling social stratum in post-Soviet Russia], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 2018, 8, pp. 143–152. (In Russian)

Obolonsky A.V. Ljustracija kak institut perioda tranzita: pljusy i minusy [Lustration as an Institute of the Transit Period: Pros and Cons], *Voprosy teoreticheskoj jekonomiki* [Theoretical Economics], 2020, 4, pp. 87–101. (In Russian)

Ovcharova O.G. Gendernaja asimmetrija v sfere politiki: poiski institucional'nogo reshenija problem [Gender asymmetry in politics: the search for an institutional solution to the problem], *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2007, № 5 (57), pp. 214–219. (In Russian)

O'Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1986.

Petrov N. Siloviki in Russian Regions: New Dogs, Old Tricks, *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, 2005, 2. URL: <http://www.pipss.org/index331.html> (accessed: 05.12.2021).

Pinto A.C. Coping with the Double Legacy of Authoritarianism and Revolution in Portuguese Democracy, *South European Society and Politics*, 2010, 15 (3), pp. 395–412.

Pinto A.C. Political Purges and State Crisis in Portugal's Transition to Democracy, 1975–76, *Journal of Contemporary History Copyright*, 2008, 43 (2), pp. 305–332.

Pinto A.C., de Almeida P.T. Portugal: the primacy of 'independents'. In: *The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing*. Ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009, pp. 147–158.

Pushkareva N.L. Gde bol'she vlasti — tam men'she zhenshhin (gendernaja jekspertiza zakonodatel'stva i tekushhej zakonotvorcheskoj dejatel'nosti vysshih organov vlasti RF 1991–2006 g.) [Where there is more power, there are fewer women (gender expertise of legislation and current legislative activities of the highest authorities of the Russian Federation, 1991–2006)], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija [Belgorod State University Scientific Bulletin. History and Political Science], 2008, 1 (41), pp. 117–127. (In Russian)

Putnam R.D. *The Beliefs of Politicians: Ideology, Conflict, and Democracy in Britain and Italy*. New Haven and London: Yale University Press, 1973. xii, 309 pp.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976. x, 246 pp.

Putnam R.D. Elite Transformation in Advanced Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy, *Comparative Political Studies*, 1977, 10 (3), pp. 383–412.

Regional'nye jelity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i jekonomicheskie orientacii [Regional Elites of Russia's North-West: Political and Economical Orientations]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Aletejja, 2001. 352 p. (In Russian)

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics, *Europe-Asia Studies*, 2006, 58 (6), pp. 903–924.

Rivera D.W., Rivera S.W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization, *Post-Soviet Affairs*, 2014, 30 (1), pp. 27–50.

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*, 2006, 22 (2), pp. 125–145.

Rivera S., Rivera D. K bolee tochnym ocenkam transformacii v rossijskoj jelite [Towards More Accurate Estimates of the Transformation in the Russian Elite], *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2009, 5, pp. 149–157. (In Russian)

Robins R.S. *Political Institutionalization and the Integration of Elites*. Beverly Hills, Calif.; London: Sage, 1976. vi, 221 pp.

Rouban L. The Senior Civil Service in France. In: *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*. Ed. by E.C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999, pp. 65–89.

Safronov V.V. Konsolidacija avtoritarizma ili demokratizacija: podderzhka putinskogo rezhima jelitoj S.-Peterburga [Consolidation of authoritarianism or democratization: support of the Putin regime by the elite of St. Petersburg]. In: *Uslovija i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshhestva* [Conditions and opportunities for the consolidation of Russian society]. Ed. by A.V. Duka, I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2010, pp. 30–110. (In Russian)

Samye vlijatel'nye ljudi Rossii. Politicheskie i jekonomicheskie jelity rossijskih regionov [The most influential people in Russia. Political and economic elites of Russian regions]. Ed. by Gaman-Golutvina O.V. Moscow: ISANT, 2004. 696 p. (In Russian)

Schmidt C. Japan's Circle of Power: Legitimacy and Integration of a National Elite, *ASIEN — The German Journal on Contemporary Asia*, 2005, 96, pp. 46–67.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009, *Comparative Sociology*, 2011, 10 (6), pp. 908–927.

Semenova E. Russia: Cabinet Formation and Careers in a Super-presidential System. In: *The Selection of Ministers around the World*. Eds. By Dowding K., Dumont P. London; New York: Routledge, 2015, pp. 139–155.

Sergeev S.A., Zinnatullin A.Z. Gubernatorskij korpus v 2005–2012 gg.: kar'ernye traektorii [Governor's Corps 2005–2012: Career Trajectories], *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2014, 4, pp. 122–136. (In Russian)

Shentjakova A.V. Politicheskaja i administrativnaja jelita: kachestvennyj sostav i kanaly rekrutirovanija [Political and Administrative Elite: Qualitative Composition and Recruitment Channels]. In: *Rossijskie vlastnye instituty i jelity v transformacii: Materialy vos'mogo Vserossijskogo seminaru «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Russian Power Institutions and Elites in Transformation: Proceedings of the Eighth All-Russian Seminar “Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation”]. Ed by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2011, pp. 145–156. (In Russian)

Sillaste G. Zhenskie jelity Rossii i ih osobennosti [Women's elites of Russia and their features], *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1994, 1, pp. 112–121 (In Russian)

Smirnov V.A. Litovskaja diaspora v SShA kak kanal jelitnogo rekrutirovanija v postsovetsoj Litve [Lithuanian Diaspora in the USA as an Elite Recruitment Channel in Post-Soviet Lithuania]. In: *Vlastnye struktury i grupy dominirovanija: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminaru «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Power Structures and Dominance Groups: Materials of the Tenth All-Russian Seminar “Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation”]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 40–51. (In Russian)

Szakony D. *Politics for Profit: Business, Elections, and Policymaking in Russia*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2020. 350 p.

Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies. Ed. by A.C. Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida. London: Palgrave, 2018. xiv, 295 p.

Tev D.B. Partii «vtorogo jeshelona» v regional'nyh parlamentah: osobennosti bassejna rekrutirovanija deputatov KPRF, Spravedlivoj Rossii i LDPR [Parties of the “second echelon” in regional parliaments: features of the pool of recruiting deputies of the Communist Party of the Russian Federation, A Just Russia and the Liberal Democratic Party], *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Politologija»* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2012, 1 (17), pp. 98–111. (In Russian)

Tev D.B. Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovanija [Federal Administrative Elite of Russia: Career Paths and Channels of Recruitment], *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2016a, 4, pp. 115–130. (In Russian)

Tev D.B. Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: obrazovatel'nye karakteristiki [Russia's Federal Administrative Elite: Educational Characteristics], *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2016b, 3, pp. 76–96. (In Russian)

Tev D.B. Gosudarstvennaja Duma RF shestogo sozyva: social'no-professional'nye karakteristiki bassejna rekrutirovanija deputatov [State Duma the sixth convocation: socio-professional characteristics of the recruiting pool of deputies]. In: *Vlast' i jelity* [Power and Elites], 4. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2017, pp. 67–128. (In Russian)

Tev D.B. Vysokopostavlennye chinovniki Administracii Prezidenta RF: kanaly rekrutirovanija i kar'era [Senior Officials of the Presidential Administration of Russia: Recruitment Channels and Career], *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2020, 23 (3), pp. 153–187. (In Russian)

The Profession of Government Minister in Western Europe. Ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991. 215 p.

The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing. Ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009. 256 p.

Turovsky R.F. Regional'nye politicheskie rezhimy: k metodologii analiza [Regional Political Regimes: Toward a Methodology of Analysis], *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2009, 2, pp. 77–95. (In Russian)

Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshtanovskaja O.V. Rossijskij isteblishment: puti i metody obnovlenija [Russian Establishment: Ways and Methods of Renewal], *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2011, 1, pp. 66–79. (In Russian)

Wasilewski J. Hungary, Poland, and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites. In: *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Ed. by M. Dogan and J. Higley. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998, pp. 147–167.

Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850 2000. Ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London: Frank Cass Publishers, 2003. 242 p.

Williams K., Fowler B., Szczerbiak A. Explaining Lustration in Central Europe: A “Post-communist Politics” Approach, *Democratization*, 2005, 12 (1), pp. 22–43.

Zudin A. Gosudarstvo i biznes v Rossii: jevoljucija modeli vzaimootnoshenij [State and business in Russia: evolution of the relationship model], *Neprikosnovennyj zapas* [NZ], 2006, 6 (50). URL: <http://www.intelros.ru/?newsid=289> (accessed: 21.03.2019). (In Russian)

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 (В ЗЕРКАЛЕ ФОКУС-ГРУПП)

А.В. Шентякова

anna_pedagog@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Шентякова А.В. Оценка социального самочувствия и деятельности политических лидеров в условиях пандемии COVID-19 (в зеркале фокус-групп) // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 55–71.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.3>

Аннотация. *Рассматриваются результаты прикладного исследования об особенностях восприятия жителями регионов деятельности политических лидеров в условиях пандемии коронавируса. Целью исследования было выявление динамики в отношении к политическим лидерам со стороны представителей разных социальных групп в кризисных условиях. Исследование восприятия гражданами рисков, проблем, своего самочувствия и влияние этих факторов на отношение к властным структурам и политическим лидерам проводилось с использованием метода фокус-групп. Групповые дискуссии позволили выявить ряд изменений в сознании и оценках жителей регионов. В кризисных условиях существенно вырос запрос на две составляющих эффективной работы государственных органов: с одной стороны, на оперативность реагирования, с другой — на обратную связь и информационное сопровождение принимаемых решений. Оба параметра оценки значительно связаны с уровнем легитимности власти. При оценке ситуации пандемии и решений всего спектра проблем со стороны органов власти важным фактором стал тип населенного пункта и возраст участников. Гендерный фактор показал слабое влияние.*

Среди молодых участников фокус-групп усилились оппозиционные настроения и негативное отношение к властным институтам и отдельным лидерам. Люди среднего возраста (35–50 лет) отмечали рост негативных оценок работы системы властных структур, отсутствие реальных лидерских качеств среди региональных политиков. Анализ данных показал снижение уровня доверия к президенту и изменение в восприятии его образа среди самой старшей возрастной группы.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, социальное самочувствие, политические лидеры, легитимность, фокус-группа.

Фактор пандемии COVID-19 негативно повлиял на социальное и экономическое самочувствие граждан, на структуру и занятость в сфере экономики и социальной сферы, что отразилось на характере политического и электорального процессов в период избирательной кампании. Негативные последствия для экономики и социальной жизни проявились и в обострении социального неравенства, и в нарушении социальных взаимодействий, и в повышении уровня социально-политической тревожности [Великая, Белова 2021: 86].

В условиях возросших рисков и социальной напряженности произошли изменения во взглядах, оценках и представлениях людей о политических институтах, лидерах. Публичная дискуссия и сетевой курс, возникшие в отношении усилий власти по преодолению последствий пандемии, приобрели политический характер в контексте формирования электоральных предпочтений граждан при голосовании за партии на выборах в Госдуму восьмого созыва [Левашов, Великая 2021: 3]. В кризисных условиях существенно вырос запрос на две составляющих эффективной работы государственных органов: с одной стороны, на оперативность реагирования, с другой — на обратную связь и информационное сопровождение принимаемых решений. Оба параметра оценки в значительной степени связаны с уровнем легитимности власти. Легитимность основывается на принципах и механизмах доверия общества к политическим институтам и лидерам. Выстраивание диалога, создание площадок для обсуждения спорных моментов в процессе борьбы с эпидемией оказались нужны не только наиболее образованной и активной части граждан, но и тем, кто раньше не интересовался политическими решениями и нормативными документами. С одной стороны, в обществе был сформирован запрос к власти на принятие и обеспечение своевременных и эффективных мер для предотвращения/распространения инфекции и минимизации ее послед-

ствий. С другой стороны, кризис легитимности, не только по отношению к власти, проявился наиболее ярко на фоне дискуссии и жестких споров по вопросу вакцинации. Пандемия выступила как катализатор и обострила проблемы, которые существовали, но в сознании многих людей не были серьезно актуализированы. Низкий уровень доверия к таким институтам, как СМИ или региональные органы власти, который раньше фиксировали многочисленные опросы общественного мнения, в кризисной ситуации привел к тотальному недоверию почти ко всем мерам борьбы с вирусом, которые предпринимались властями. В ситуации различных ограничительных мер основным полем для дискуссий стал интернет, но на этой площадке официальный дискурс власти представлен фрагментарно и слабо.

Выявление социального самочувствия граждан, оценка политической и социально-экономической ситуации в кризисные периоды представляется особенно важным. Эти показатели позволяют оценить социальную эффективность антикризисных мер, которые принимаются со стороны государства. Исследование восприятия гражданами рисков, проблем, своего самочувствия и влияние этих факторов на отношение к властным структурам и политическим лидерам по прошествии года с начала эпидемии позволило выявить ряд изменений в сознании и оценках жителей регионов. Исследование носило инициативный характер и финансировалось частными лицами. В статье используется только часть эмпирических материалов.

Для изучения социальных и политических компонентов и их связи с электоральными ожиданиями применены качественные методы сбора и анализа данных. Фокусированное групповое интервью как метод позволяет собрать информацию непосредственно у респондентов, не ограничивая их рамками стандартизованных анкет или опросников. Фокус-группа направлена на определение отношения участников к поставленной проблеме, выявление причин и мотивации восприятия того или иного объекта, что позволяет использовать в качестве концептуальной основы интерпретационный подход. По шесть фокус-групп было проведено в каждом из трех субъектов России: Санкт-Петербурге, Ленинградской и Вологодской областях. В Ленинградской области фокус-группы проходили в трех районах, которые были выбраны по критериям максимального различия: Кингисеппском, Лодейнопольском и Лужском. В Вологодской области для исследования также были отобраны три района — Устюженский, Бабаевский и Шекснинский. Из

шести групп в Вологодской и Ленинградской областях три фокус-группы проводились с участием жителей крупных городов (Череповец, Великий Устюг, Бабаево, Кингисепп, Луга) и еще три групповых дискуссии состояли из жителей сельской местности (п. Шексна, с. Чёбскарское, п. Заклинье, п. Котельский, пгт. Лодейное поле). В каждой фокус-группе было по десять человек. Всего участвовало 180 респондентов. Эмпирическая часть исследования была проведена в мае-июне 2021 г.

Группы формировались по возрастному критерию гомогенности. Были выделены три возрастные когорты: молодые участники в возрасте до 35 лет, вторая возрастная группа собиралась из людей в возрасте от 35 до 50 лет, старшая возрастная группа включала участников старше 55 лет. По гендерному представительству группы были смешанные, по десять участников в пропорции 50/50 мужчин и женщин. По уровню образования состав тоже был смешанный, но пропорционально были представлены три группы: люди с высшим образованием, со средним специальным и средним профессиональным, только со средним полным образованием. Этап сбора информации проходил в мае-июне 2021 г. Анализ данных осуществлялся в конце июня — начале июля 2021 г. и основные акценты выводов направлены не только на социально-политическое, социально-психологическое состояние граждан, но и на оценки предвыборных ожиданий и настроений.

В сценарии были три блока вопросов. Первый блок связан с социальными проблемами, рисками, опасениями. Второй блок посвящен оценкам ситуации, которая сложилась в регионе/населенных пунктах. В этот блок вошли вопросы по оценке работы органов власти и отдельных политических лидеров всех уровней. Третий блок состоял из вопросов о грядущих выборах депутатов в Государственную Думу, об ожиданиях, оценках и отношении к партиям и кандидатам. Анализ фокус-групп продемонстрировал изменения в восприятии как политических лидеров, так и органов власти в целом представителями разных возрастных когорт.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ, РИСКИ И ОПАСЕНИЯ ГРАЖДАН

Ответы на вопросы, связанные с указанием определенных рисков и опасений, которые беспокоят и волнуют наших респондентов в большей степени, можно условно разделить на две группы. Первая группа —

экономические риски. Они назывались очень часто и попали в тройку лидеров. Страх потерять работу, был назван во всех трех регионах без корреляционной связи с возрастом, полом, образованием или местом жительства. Понимание, что уровень реальных доходов падает, а цены на товары и услуги растут, создает базис для постоянно стресса и недовольства. Чуть в меньшей степени эти опасения проявились у лиц старшей возрастной группы, которые утверждали: *Хуже, чем в 1990-е уже не будет, а значит мы переживем* (ж., 67 лет, Ленинградская обл.); *Пока есть мой участок и скотина, с голоду не умрем* (м., 69 лет, Вологодская обл.); *Было тяжелее после развала Союза, но мы выжили и сейчас как-нибудь переживем* (ж., 71 год, Санкт-Петербург). Самые серьезные опасения в этой группе рисков ожидаемо высказали участники в возрасте 35–50 лет, для которых потеря работы и постоянного, определенного уровня дохода — очень серьезный фактор риска: *Если я потеряю работу или еще снизят зарплату, нам нечем будет выплачивать ипотеку. Мы окажемся на улице, и никто нам не поможет* (м., 35 лет, Санкт-Петербург); *Я уже потеряла предыдущее место работы и до сих пор не работаю постоянно. Живем только на деньги мужа* (ж., 37 лет, Лен. обл.); *Денег, которые отложили на школьные расходы для детей, не хватило. Пришлось брать у родителей, иначе никак, хоть иди и занимай в банке* (ж., 42 года, Вологодская обл.).

Значимость угроз, связанных с экономическим благосостоянием, в большей степени проявляется и артикулируется у жителей Санкт-Петербурга и других крупных городов. Эта группа рисков сохраняет приоритетное место, что сочетается с результатами всероссийский количественных опросов 2020 г.: «Из всего перечня возможных событий и явлений, связанных с пандемией коронавируса и относящихся к экономическим, жителей всех стран больше всего тревожит высокая инфляция (52 %), потеря работы (51 %) и потеря сбережений (50 %). Отметим, что у россиян более выражено проявились экономические страхи, связанные с сокращением заработной платы и потерей работы (по 58 %), однако лидерами являются страх «высокой инфляции, роста цен (65 %) и потери сбережений, накоплений (61 %)» [Великая, Белова 2021: 85]. Необходимо отметить, что многие негативные экономические последствия пандемии люди из Вологодской и Ленинградской областей чаще связывают с общемировыми трендами, а не с действиями властей. Люди из этих регионов настроены более лояльно, чем жители мегаполиса. Это отличает петербуржцев, которые более критически оценива-

ют возможности федеральной и региональной власти в решении отдельных экономических проблем. Возможно, это связано с тем, что многие в мегаполисе уже потеряли работу, часть своих доходов или их близкие и знакомые финансово пострадали от ограничительных мер.

Вторая группа рисков — свое здоровье и здоровье близких, что ожидаемо и логично. Этот блок опасений тесно связан с оценкой и характеристикой работы системы здравоохранения. Старшая возрастная группа во всех трех регионах выразила наибольшие опасения именно по этим показателям. Многие озвучивали страх заболеть и умереть, но про него говорят меньше, чем про страх заболеть не коронавирусом, а чем-то другим и оказаться без медицинской помощи: *У нас женщина, соседка, моложе меня, умерла от аппендицита. Скорая приехала очень поздно, только через 5,5 часов после вызова. До больницы довезли, но и только (ж., 73 года, Лен. обл.); Я похоронил отца, который умер от сердечного приступа, так как не было врача. Нашу больницу в поселке закрыли еще 8 лет назад и других пунктов медицинской помощи нет. Даже при том, что идет борьба с эпидемией нам не выделили никого из специалистов и не открыли даже фельдшерского пункта (м., 41 год, Лен. обл.); Моя сестра рожала в роддоме и там заболела коронавирусом. Ребенка забрали и редко приносили, их перевезли в какую-то другую, специальную больницу. За ребенком почти не ухаживали, со стороны медперсонала отношение было ужасным (ж., 27 лет, Вологодская обл.)*. Представители средней возрастной группы несильно волнуются за себя, в большей степени — за своих родителей и близких. Для них риски здоровья актуальны в связке с экономическими потерями. Траты на лекарства и будущую реабилитацию, невозможность работать долгое время из-за тяжелого протекания болезни и риск потери работы, если ты не можешь работать более двух недель — вот основные страхи этой когортной группы.

Молодая часть респондентов призналась, что для них эти страхи не очень актуальны. Они уверены, что смогут найти работу, продолжить обучение в вузе в дистанционном формате или смогут устроиться как-то иначе. Заболеть они также не боятся. Есть опасения в вопросе здоровья родителей, но и они воспринимаются как что-то не угрожающее их благополучию. Также слабо выражены эти опасения у жителей сельской местности. Жители поселков отмечали, что давно уже живут без хорошей медицинской помощи, а шансов заболеть у них немного из-за малочисленности постоянных жителей и плохих дорог.

Обсуждая различные ситуации, с которыми люди столкнулись за последний год, респонденты высказывали много негативных оценок работы как отдельных медработников и системы здравоохранения в целом, так и работы органов власти, которые сокращали количество больниц, ставок медицинских работников и денег, которые выделялись на российскую медицину. В этом блоке появляется серьезный критический лейтмотив. Он затрагивает два аспекта. С одной стороны, критика направлена на низкое качество работы системы здравоохранения, а это бюджетная сфера и зона ответственности в первую очередь федеральной власти, которая не справляется с медицинским обеспечением борьбы с эпидемией. Здесь более четко звучали критические высказывания в адрес Путина, который, по мнению участников, имел все необходимые ресурсы, чтобы выстроить более сбалансированную систему правил и мер, но не использовал свой властный потенциал: *Он глава сильного государства, но не объявил ЧС, не привлек армию, не проконтролировал, как тратятся деньги, которые выделены на медицину* (м., 53 г., Вологодская обл.); *Нельзя было все передавать губернаторам, у них нет таких возможностей, да и люди им не верят* (ж., 52 года, Лен. обл.); *Для такой свободы решений, которую он дал нашему губернатору, это должен быть кто-то другой, но не Беглов, который не умеет принимать решения и нести за них ответственность. Он же ничего не может решить сам* (м., 37 лет, Санкт-Петербург); *У нас самая высокая смертность по стране, а ему это неважно. В Москве Собянин справляется лучше. К нам прислали губернатора, который провалил все* (ж., 24 года, Санкт-Петербург).

С другой стороны, критика направлена на информационное сопровождение всех противоэпидемиологических мер: *Непонятно, что делать, если сам заболел. Как получать необходимые лекарства, продукты и помощь, если тебе плохо* (м., 38 лет, Вологодская обл.); *Нигде нет документов, в которых было бы написано, какую помощь оказывают в больницах бесплатно, а на что нужны свои деньги. Чем могут помочь родственники и близкие тех, кто госпитализирован, чтобы они там нормально себя чувствовали* (м., 50 лет, Санкт-Петербург); *Люди работали сутками, с риском для жизни, без необходимых лекарств и аппаратов. А им даже не заплатили нормально, пусть бы сами депутаты или чиновники из министерства поработали за такие деньги в этих условиях* (ж., 45 лет, Лен. обл.).

Очевидно, что нестандартная кризисная ситуация вызывала целую серию стрессов, которые повлияли и на социально-психологическое

самочувствие жителей мегаполисов и крупных городов, и на процесс поиска решений по преодолению сложившихся трудностей. В целом жители сельской местности более спокойно и рационально оценивают меры борьбы и действия властей. Петербуржцы и жители других крупных городов настроены более резко и критично, склонны чаще сравнивать решения наших органов власти и зарубежных лидеров. Именно для них информационной компонент в период пандемии был более востребован.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В ПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

Этот блок ответов на вопросы состоял из двух частей. Первый компонент посвящен оценкам и отношению к президенту В.В. Путину и федеральной власти. Второй блок оценивал деятельность губернаторов и муниципальных депутатов в период активной борьбы с коронавирусной инфекцией. Обработка текстов дискуссий позволила условно всех участников разделить на несколько групп.

Первая группа — группа поддержки действующей власти, которая лояльно настроена к президенту Путину и поддерживает решения властей. В основном она состоит из пожилых людей, лояльно настроенных к власти. Для них власть в лице президента олицетворяет мощь страны. Они ассоциируют современную Россию с великой страной, у которой свой путь и своя миссия, которую все в мире уважают из-за военной мощи. Путин для них ассоциируется с восстановлением статуса России как мировой державы, который смог преодолеть нищету после распада СССР. Ельцин для них лидер, который продал страну американцам, а о Россию «вытирали ноги». Эти люди представляют активную часть электората и постоянно участвуют в выборах: *Путин принял страну полностью разваленной. Восстановил армию. Вернул многие долги западным кредиторам* (м., 75 лет, Вологодская обл.); *Там нет никого более достойного, другие ничуть не лучше* (м., 59 лет, Лен. обл.); *Он добился чтобы другие страны с нами считались, а не смеялись, как это было при Ельцине. Только за это я уважаю Путина. Он умеет представлять страну на международном уровне* (м., 62, Санкт-Петербург); *Никогда не было такого, чтобы кто-то хотел с нами дружить просто так! Все хотят захватить себе кусок нашей территории и богатств. Путин заставил всех считаться с нами* (ж., 59 лет, Санкт-Петербург).

Пожилые люди, лояльно относящиеся к власти, дополняются консервативными, патриотично настроенными молодыми людьми: *Нет никакого смысла критиковать, нужно решать и делать. Путин правильно все говорит. Нельзя допустить, чтобы у нас было как на Украине* (м., 19 лет, Вологодская обл.); *Пусть не все сделано хорошо, но в Европе тоже не справились с этой эпидемией, но там не говорят, что нужно менять президентов или канцлеров. Наши люди тоже в чем-то сами виноваты, что все так складывается* (ж., 21 год, Санкт-Петербург).

Вторая группа — группа разочаровавшихся, которые раньше считали себя сторонниками Путина и выступали за стабильность и порядок. Эта группа тоже в основном состоит из людей старшей возрастной когорты, но не старше 65 лет. Они ощущают улучшения качества жизни (по сравнению с периодом 1990-х годов) и боятся любых перемен, которые могут ухудшить их положение или привести к непонятным результатам. Они стабильно голосовали на выборах за партию «Единая Россия» и за Владимира Путина на президентских выборах. Сюда входят как люди из сельской местности, чей уровень доходов небольшой, так и более обеспеченные люди (работающие в бюджетных организациях или охранных структурах в городах): *Я не хочу повторения 90-х годов. Мы жили впроголодь. Криминал был страшный* (ж., 52 года, Санкт-Петербург); *Работы не было никакой. Денег не было* (м., 61 год, Вологодская обл.); *Я этого не хочу, как на Украине или Белоруссии. Пусть остается все, как есть. Со временем, все изменится. Но развитие должно быть постепенным, когда все будут готовы, а не революционным* (ж., 55 лет, Лен. обл.).

В эту группу были включены люди, для которых пандемия выступила индикатором, показавшим слабую организованность власти и низкий мобилизационный потенциал всей системы управления, не лидерское поведение Путина. Риски и страхи в условиях пандемии для пожилых участников исследования оказались очень остро воспринимаемыми. Основными слабыми местами называли неспособность организовать контроль за ситуацией через органы соцзащиты с помощью районных и муниципальных властных структур.

По мнению участников этой группы, образ сильной федеральной власти и президента В.В. Путина лично, значительно изменился в худшую сторону. Основными разочаровавшимися выступили мужчины: *Он не стал главным лидером, который отвечает за всех людей этой страны. Не использовал военных, не смог угадать и предвидеть главную*

опасность этой эпидемии. Для главнокомандующего это важно (м., 52 года, Санкт-Петербург). Женская часть респондентов была более мягкой, но образ «способного принимать решения, знающего что нужно делать» сместился в более нейтральную сторону. Превалировали такие оценки: *А что в этой ситуации он может сделать?* (ж., 52 года, Санкт-Петербург); *В других странах лидеры государств тоже не смогли ничего сделать* (ж., 57 лет, Вологодская обл.); *Никто не был готов к этому и не мог быть готов* (ж., 67 лет, Лен. обл.); *Как он мог допустить такие цифры смертности? Почему никто за это не ответил?* (м., 61 год, Ленобл.).

Ожидание более решительных действий, более жестких решений и представление, что Путин будет сам ездить по стране и контролировать своих чиновников, не оправдались. Стремление иметь сильного, уверенного лидера свойственно людям с такими взглядами. На сегодняшний день представители этого сегмента такого лидера уже не видят: *Путин опозорился. Недостойно повел себя в трудное время для всей страны. Спрятался в бункере* (м., 52 года, Санкт-Петербург). Это повлекло за собой колебания в уверенности, что Путин должен занимать кресло президента и сомнения, за какую партию голосовать на выборах депутатов в Государственную Думу. Раньше они Путина уважали и хвалили за то, что он сделал, за то, что смог использовать время высоких цен на нефть для укрепления позиций страны, а сейчас его упрекают и обвиняют в том, за что он действительно отвечает, но и за то, в чем он не виноват.

Снижение персонального рейтинга отмечают и другие отечественные социологи: «По данным на июль 2021 года, наибольшее доверие у россиян вызывают армия (66 %), Президент РФ (50 %) и Совет безопасности (46 %). Вместе с тем за последние 10 лет рейтинг доверия к президенту понижается, за последний год он упал на 11 пунктов. На фоне снижения рейтинга президента наблюдается и падение симпатий к правительству, что во многом может быть следствием недовольства политикой исполнительной власти во время пандемии» [Левашов, Великая 2021: 7]. Пандемия коронавируса не создала тренд, но в значительной мере усилила его. С рациональной позиции многие претензии, предъявляемые к власти, можно назвать спорными, но с эмоциональной точки зрения они звучат убедительно. Несоразмерный и противоречивый набор мер борьбы с коронавирусом со стороны федеральной власти показал, как считают наши участники, неспособность власти при-

нимать своевременно решения и следить за их исполнением. В период подготовки к выборам в Государственную Думу это значительно ослабило позиции «Единой России».

Третья группа — индифферентные. Это самая многочисленная группа, для которой нехарактерны какие-то определенные политические взгляды, ценности, убеждения, и поэтому они ситуационно колеблются от выборов к выборам в широком диапазоне политического спектра. Входящие в состав этой группы люди мало интересуются политикой, плохо знают фамилии политических фигур, не следят за политическими новостями. Однако под действием эпидемии их отношение к сфере политики также изменилось: *Путин не взял ответственность на себя, а перевел все стрелки на губернаторов* (ж., 48 лет, Санкт-Петербург); *Как можно было не просчитать экономические последствия слепого повторения мер, которые принимались в западных странах? У нас нет таких денег и их никогда не дадут простым людям* (м., 52 года, Лен. обл.). У индифферентных на первый план выходят социальные требования к властям: *Нужно в таких ситуациях, чтобы благополучие, здоровье и безопасность граждан страны стала приоритетом. Это государство должно быть для людей, а не наоборот* (м., 48 лет, Вологодская обл.); *Нужно прекратить помогать всем подряд без отдачи. Сколько можно заниматься внешней политикой, пора уже заняться и внутренними проблемами* (м., 28 лет, Санкт-Петербург); *Сейчас, как никогда, мы поняли, что к нам относятся как к быдлу, о каком доверии можно говорить? Никому из них нет дела как должны жить люди с таким ростом цен и качеством медицины* (ж., 48 лет, Лен. обл.).

Именно в этой группе был актуален вопрос о достоверности информации и отсутствии понятной информации со стороны власти.

Четвертая группа — критики и оппозиционно настроенные индивиды. Это группа людей с разной степенью оппозиционных настроений. Они говорят о назревших изменениях в политической системе и считают, что никакое развитие невозможно, пока существует «вертикаль власти» и все ресурсы концентрируются в руках бюрократов. Для них важны демократические ценности, гражданские права и свободы. Они придерживаются мнения, что только сами граждане, гражданское общество, а не кто-то на уровне федеральной власти могут изменить жизнь в лучшую сторону. В большинстве своем это либо молодые люди из крупных городов, либо респонденты среднего возраста, но также

встречаются люди старшей возрастной когорты. Главный повод для недоверия к Путину, который озвучивался многократно, — это принятые поправки в Конституцию, которые обнулили сроки его президентства. Смещение его внутривластного курса в сторону авторитарности, вмешательство в частную жизнь людей, аресты и сроки за участие в митингах, несменяемость власти формируют оппозиционные настроения и влияют на желание предпринимать конкретные действия. Среди участников фокус-групп мало представлен сегмент радикальных оппозиционеров, которые готовы пойти на митинги и требуют свержения власти Путина. Большинство из четвертой группы не готово к активному политическому протесту или к иным формам протестного политического поведения.

Необходимо сократить количество административных работников в органах власти, сотрудников силовых ведомств. Не нужно указывать нам, что можно репостить на своей странице (м., 20 лет, Санкт-Петербург); Люди сами несут ответственность за себя и если не согласны с чем-то, то должны иметь возможность об этом заявить открыто (ж., 30 лет, Лен. обл.). Сколько можно сидеть и ничего не делать? Загробили частный бизнес, здравоохранение и образование развалили, только налоги собирают (м., 37 лет, Санкт-Петербург); Нам не нужен старый лидер, во власти может быть любой человек, который будет честно выполнять свою работу и предложит стране план развития. Желательно не старше 60 лет, и не больше 2 сроков по 4 года (ж., 27 лет, Санкт-Петербург).

Идеологический и ценностей спектр их взглядов охватывает как сторонников социализма, так и представителей либерально-демократических убеждений. Их объединяют ценности гражданского общества и протестные настроения.

Наиболее активные оппозиционеры готовы лично участвовать в протестах, но их число совсем незначительное: *Пойду протестовать и очень хочу, чтобы другие люди увидели нас и поняли, как это важно (ж., 60 лет, Санкт-Петербург); Если все станет еще хуже, я готов выйти на акции протеста. Хотя и не уверен, что это даст положительный результат (м., 29 лет, СПб).*

Для этой группы пандемия стала триггерной точкой, благодаря которой проявилась дисфункциональность всей системы управления. Их антипатия к президенту, партии «Единая Россия» увеличилась, но она была и до эпидемии.

ОТНОШЕНИЕ К ГУБЕРНАТОРАМ

Позиция дистанцирования, которую выбрали президент и федеральное правительство, наделение региональных политиков особыми полномочиями продемонстрировали, по мнению всех участников групп, нежелание нести ответственность за ситуацию в каждом отдельном регионе. Большинство респондентов выразили мнение о неготовности региональных властей принимать все решения на свой страх и риск.

Жители Вологодской области наиболее лояльно оценили усилия главы региона в период пандемии. Почти все участники согласились, что губернатор справился с неожиданной ответственностью примерно на 60 %. В процессе выделения положительных моментов в работе О.А. Кувшинникова возрастные группы разделились. Представители старшей возрастной группы отмечали как положительный момент жесткий контроль на въездах и выездах во все крупные населенные пункты, которые расположены близко к федеральной трассе. Они оценили это как положительное решение, так как оно позволило снизить темпы заболеваемости в регионе, что могло стать серьезной проблемой в условиях крайней нехватки больничных мест и специального оборудования. Молодые участники фокус-групп указали на появление специального канала связи с губернатором через интернет. Была организована специальная горячая линия, по которой можно было обратиться с вопросом и оперативно получить ответ. Средняя возрастная группа не смогла отметить положительные стороны работы О.А. Кувшинникова, но и критических замечаний не высказала, оценив его работу нейтрально: *Мы ничего от него и не ждали, чтобы расстраиваться. Где он возьмет столько врачей, больниц или ИВЛ? Нет этого в области в таких количествах* (ж., 46 лет, Вологодская. обл.).

В Ленинградской области жители оценили деятельность губернатора А.Ю. Дрозденко по борьбе с коронавирусом скорее положительно. Около половины респондентов хвалили главу региона, особенно в сравнении с Санкт-Петербургом. Среди положительных моментов все участники отмечали сохранение возможности посещать Петербург, нераспространение практики выписывать штрафы или делать это для привлечения внимания. Наибольшей критике была подвергнута работа скорой помощи, которая не справлялась с нагрузкой, и отсутствие масок и перчаток, которые купить было невозможно: *В таких условиях должны были раздавать маски и перчатки бесплатно через*

органы соцзащиты и поликлиники. Но ничего сделано не было (м., 74 года, Лен. обл.); Сразу было понятно, что у нас нет таких возможностей, как в Москве. Там Собянин молодец! Но у него есть деньги. А у нас их нет, поэтому ничего требовать от Дрозденко нельзя (м., 44 года, Лен. обл.). В целом можно говорить, что образ губернатора несильно изменился на фоне кризисной ситуации.

В Санкт-Петербурге оценки оказались более критическими. С одной стороны, отношение к губернатору и до пандемии было в большей степени негативным. Коронавирус, страшные цифры по количеству умерших, локдаун негативно повлияли на мнение петербуржцев о А.Д. Беглове. Не было ожиданий, что он попытается сделать что-то аналогичное действиям Собянина в Москве: *Он преданный ставленник Москвы. Как послушная марионетка, делает только то, что приказано. Сам ни на что не способен (м., 47 лет, Санкт-Петербург); Он не хочет и не может ничего сделать самостоятельно. Боится ответственности, он не должен быть губернатором такого города, как Санкт-Петербург (ж., 37 лет, Санкт-Петербург).*

С другой стороны, многие участники фокус-групп отмечали, что сама ситуация предоставила шанс заявить о себе как о лидере, попытаться изменить мнение о себе среди горожан, но губернатор им не воспользовался. Это, с их точки зрения, снижает и так невысокий уровень легитимности А.Д. Беглова: *Если бы он захотел, смог бы предложить комплекс мер для Петербурга. Но ему это не нужно, и так хорошо (ж., 27 лет, Санкт-Петербург); Зачем что-то делать? Вот придет приказ из Москвы, тогда, может быть, мы подумаем, что делать. Беглова и Собянина и сравнивать нельзя. Пусть тот делал плохо, с ошибками, перегибами, но он хоть пытался. А наш... даже не знаю, что он и делал (ж., 55 лет, Санкт-Петербург).*

Если говорить об оценках муниципальной власти, то больше положительных высказываний прозвучало от жителей сельской местности в Вологодской и Ленинградской областях. Некоторые отмечали, что узнали о своих депутатах только в последний год. Но все эти высказывания носили персональный, фрагментарный характер, что позволяет говорить, что муниципалитеты не принимали единых консолидированных решений. Для участников фокус-групп из Петербурга муниципальная власть никак себя не проявила в этот период и ничем не запомнилась.

Среди основных недостатков во всех регионах люди пожилого возраста называли неспособность организовать помощь и контроль за

ситуацией через органы соцзащиты, с помощью районных и муниципальных органов власти: *Неужели нельзя было договориться и организовать систематический обзвон по телефону или обход по квартирам пенсионеров. Ведь нас закрыли дома, а если мне нужны продукты или лекарства? У меня нет интернета, как жить? (ж., 72 года, Лен. обл.); У нас в селе один-единственный магазин. Начались перебои с некоторыми товарами. На уровне района этот вопрос никак не решался (ж., 67 лет, Вологодская обл.); Наша муниципальный депутат сама за свои деньги договаривалась о доставке продуктовых наборов домой для самых старых и инвалидов. Разве можно так бросать людей и закрывать их под домашний арест! (м., 74 года, Ленинградская обл.); Мы не знали, куда можно позвонить, к кому обратиться за помощью. На звонки в районную администрацию никто не отвечал. Нам приказали сидеть дома, но ничего не сделали, ничего не объяснили (ж., 62 года, Санкт-Петербург).*

В условиях режима изоляции, падения уровня доходов, тотального недоверия к федеральным источникам информации о ситуации с пандемией, люди (кроме молодежи) ощутили свою «заброшенность, ненужность».

ВЫВОДЫ

Подводя итог, можно сделать несколько выводов. Пандемия как вызов, как кризисная ситуация продемонстрировала неспособность элитных групп к принятию консолидированных комплексных мер для защиты населения и минимизации ущерба от пандемии. Органы социальной защиты и здравоохранения не обладают необходимым запасом ресурсов людей, аппаратуры, медикаментов, помещений для борьбы с эпидемией. Политические лидеры федеральной власти или регионального уровня не показали, что могут оперативно решать системные проблемы. Необходимо подчеркнуть, что соответствие системе взаимных ожиданий между управляемым и управляющими — одна из важных составляющих легитимности власти.

В условиях, когда президент является почти единственным источником легитимности политической системы в стране, падение его персонального рейтинга и размывание его образа как сильного лидера повышает риски стабильности режима.

Институционально региональные элиты не восприняли важность создания каналов и площадок для диалога с населением, что снизило

легитимность принимаемых решений и повлекло за собой нежелание соблюдать меры личной безопасности. Проблема взаимодействия гражданского общества, рядовых граждан и представителей власти только обострилась и артикулировалась в информационном пространстве интернета. Несмотря на подконтрольность СМИ, со стороны власти не последовало сигналов о готовности начать диалог, даже если для решения проблем или снижения их остроты у гражданских организаций есть потенциал. Наиболее ярко это проявилось в отсутствии координации действий между волонтерскими организациями и органами социальной защиты, муниципальной властью.

На фоне распространения коронавирусной инфекции и неблагоприятных внутренних условий готовилось политическое предложение со стороны старых и новых партий, которые начали подготовку к федеральным выборам. Проблемы с легитимностью повлияли на электоральные настроения населения, отразились в невысокой явке на выборах и в партийных предпочтениях во время голосования за кандидатов в депутаты в Государственную Думу.

Литература

Великая Н. М., Белова Н. И. Социально-экономические риски периода пандемии и практики их преодоления: политика государств и стратегии граждан // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20, № 1. С. 78–88.

Левашов В.К., Великая Н.М. Публичная легитимность российского государства в условиях пандемии и выборов в Государственную Думу // *Социальное пространство*. 2021. Т. 7, № 4. С. 1–14.

ASSESSMENT OF SOCIAL WELL-BEING AND ACTIVITIES OF POLITICAL LEADERS IN THE COVID-19 PANDEMIC (RESULTS OF FOCUS GROUPS)

A.V. Shentyakova

anna_pedagog@mail.ru
St. Petersburg State University
St.-Petersburg, Russia

Citation: Shentyakova A. Otsenka sotsial'nogo samochuvstviya i deyatelnosti politicheskikh liderov v usloviyakh pandemii COVID-19 (v zerkale fokus grupp)

[Assessment of social well-being and activities of political leaders in the context of the COVID-19 pandemic (in the mirror of focus groups)]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (2): 55–71. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.3>

Abstract. *The article examines the results of an applied research on the peculiarities of the perception of the political leaders' activities by residents of 3 regions in the context of the coronavirus pandemic. The aim of the study was to identify the dynamics in the attitude to the political leader on the part of different social groups representatives in crisis conditions. The study of citizens perception of risks, problems, their well-being and the influence of these factors on attitudes towards authorities and political leaders used the focus group method. Group discussions identified a number of changes in the consciousness and assessments of the region's residents. In crisis conditions, the demand for two components of the effective authorities' work has grown significantly. On the one hand, for responsiveness, on the other hand, for feedback and information support of decisions. Both assessment parameters are related to the level of legitimacy of the authorities. The type of settlement and the age of the participants became important factors in assessing the situation of the pandemic and solving the entire spectrum of problems on the part of the authorities. The gender factor showed weak influence.*

Among the young participants in focus groups, opposition attitudes towards government institutions and individual leaders intensified. People of the middle age (35–50 years old) noted an increase in negative assessments of the government work, the absence of real leadership qualities among regional politicians. Analysis of the data showed a decrease in the level of trust in the President and a change in the perception of his image among the oldest age group.

Keywords: *COVID-19 pandemic, social well-being, political leaders, legitimacy, focus group.*

References

Velikaya N. M., Belova N. I. Social'no-e'konomicheskie riski perioda pandemii i praktiki ix preodoleniya: politika gosudarstv i strategii grazhdan [Socio-economic risks of the period of a pandemic and the practice of overcoming them: policy of states and strategies of citizens]. *Logos et Praxis*, 2021, 20 (1). pp. 78–88.

Levashov V.K., Velikaya N.M. Publichnaya legitimnost' rossijskogo gosudarstva v usloviyax pandemii i vy'borov v Gosudarstvennuyu Dumu [Public legitimacy of the Russian state in the context of a pandemic and elections to the State Duma]. *Social'noe prostranstvo* [Social space], 2021, 7 (4), pp. 1–14.

КОМАНДЫ ГЛАВ МАЛЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ВЕКТОРЫ ПЕРЕМЕН

А.Е. Чирикова

(chirikova_a@mail.ru)

Института социологии
ФНИСЦ Российской академии наук
Москва, Россия

Цитирование: Чирикова А.Е. Команды глав малых российских городов: векторы перемен // Власть и элиты. 2020. Т. 8, № 2. С. 72–112.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.4>

Аннотация. *На основе материалов эмпирических исследований оценивается уровень профессионализма команд глав пяти малых городов в трех российских регионах. Кейсы существенно различаются между собой, но большинство из них (4 из 5) представляют собой города со сложным социально-экономическим положением, которое за последние годы заметно ухудшилось.*

Интервью, проведенные с ключевыми фигурами городской политики, бизнеса и экспертами, позволили описать конкретные практики принятия решений в команде. Учитывались оценки как самих членов команды, так и лидеров исполнительной власти, а также мнения лиц, имеющих опыт взаимодействия с командой и ее лидерами. Проведенное исследование показало, что практики распределения власти в городских командах, несмотря на всю их схожесть, не являются унифицированными. Авторитарные формы взаимодействия с командой со стороны городских лидеров остаются доминирующими. Готовность команд к работе по модели «солидерства» остается достаточно низкой. Однако не исключено, что при улучшении социально-экономической ситуации и адекватном отборе кандидатур на пост глав городов, ситуация может измениться.

Ключевые слова: *малый город, глава города, команда главы города, лидерство, модель солидерства, эффективность работы команды.*

ВВЕДЕНИЕ: КОМАНДЫ СТАНОВЯТСЯ ВАЖНЕЕ ИХ ЛИДЕРОВ. ТАК ЛИ ЭТО?

К теме команд глав малых городов в своих эмпирических исследованиях мы обращались не раз и в разных контекстах (см., например: [Лапина, Чирикова 2002; Чирикова, Сельцер 2014; Чирикова, Ледяев 2017]). Основная тема, которая была в центре проводимых эмпирических исследований в разные годы — полицентризм/моноцентризм во властных отношениях, характерных для регионального и муниципального уровней.

В настоящей работе мы вновь хотели бы оценить значение команды для уровня муниципального управления. Чем обусловлен обострившийся интерес к этой теме в начале 2000-х годов и в последующие годы?

В докладе «Эволюция управленческого лидерства», подготовленном входящим в структуру Andersen Consulting Институтом стратегических изменений по результатам специального исследования, проведенного в конце 1990-х годов, рассматривался вопрос об изменении характера лидерства в связи с новыми задачами, стоящими перед компаниями. Целью исследования было выявить, какой профиль лидера станет определяющим в будущем с точки зрения 20 крупнейших западных теоретиков и методологов менеджмента, с одной стороны, и 100 лидеров бизнеса из Нью-Йорка, Сан-Франциско, Лондона, Мельбурна и других городов, представивших 88 наиболее динамично развивающихся компаний США, Европы, Австралии, — с другой. Привлеченных к исследованию респондентов попросили проранжировать такие качества лидера, как глобальное мышление, способность предвидеть новые возможности, умение работать с командой и партнерами, и оценить место этих качеств в бизнесе в прошлом (5–10 лет назад), настоящем и будущем (5–10 лет вперед). Всего для оценки было предложено 14 характеристик глобального лидерства.

По данным исследования, большинство респондентов склонялось к точке зрения, что XXI в. потребует модели, построенной на принципе командного, а не единоличного лидерства [Чирикова 2002]. Речь шла о необходимости постепенного отказа от авторитарной модели лидерства и замены ее моделью «солидерства», которая предполагает сознательный отказ командного лидера от части своей власти и полномочий и передаче их членам своей команды.

Сегодня и в будущем, по мнению как российских, так и западных исследователей [Виханский, Миракян 2018; Филонович 2003; 2007; Управление персоналом 2002; Белибин 2003; 2007] лидер команды в большей степени должен стремиться к более мягкому влиянию, основанному на способности интегрировать общекомандные интересы, и убедительно транслировать их другим, используя для этого широкий спектр технологий коммуникаций. Это потребует от новых лидеров большого внутреннего динамизма и восприимчивости с учетом разнородности этнических и возрастных культур, представленных в организациях, а также личного мастерства, стремления к самосовершенствованию, высокого уровня самокритичности, технологической компетентности, приведет к необходимости смены принципов работы с командами как в бизнесе, так и на государственной и муниципальной службе.

Прошедшие с начала 2000-х годы показали: команды вместе с их лидерами являются главными акторами перемен, и их участие в управлении организациями не стоит недооценивать, отдавая все победы в управлении только их лидерам. Подход, согласно которому команда разделяет лидерство со своим руководителем, некоторые называют «золотым правилом» менеджмента [Маслюкова 2005].

Одним из первых в 1990-х годах на ведущую роль команды указал Рэймонд Меридин Белбин, создав теорию командных ролей [Белбин 2003; 2007]. Если раньше, по его мнению, теория управления понималась исключительно с позиции иерархии (во главе стоял лидер, который давал поручения членам команды, а те распределяли задания подчиненным), то со временем такая модель стала неэффективной. Главное, по его мнению, правильно определить роль каждого члена команды, создав работающие горизонтальные связи.

В России последователем теории командных ролей является Тахир Базаров, однако он рассматривает не столько роли членов команд, сколько необходимость множественности ролей самого руководителя команды [Управление персоналом 2002; Базаров, Рыбкин, Пыркова 2009].

Такая модель многими рассматривается как упрощение или отечественная альтернатива модели Марджерисона-Маккенна [Жуков, Журавлев, Павлова 2008]. Однако все же нельзя не признать, что она позволяет более системно подойти к деятельности лидера любой команды, выделив в его деятельности разные, но необходимые управленческие функции.

Несмотря на многочисленные исследования командообразования в бизнес-организациях, все же нельзя утверждать, что в системе государственной и муниципальной службы в России эти темы проработаны достаточно хорошо. Тем не менее, в России, особенно в последнее время тезис о необходимости командного лидерства разделяется многими российскими специалистами в области управления государственной службы [Корниенко 2000; Долгов 2016; 2018; Шебураков 2017].

Так, последовательный исследователь команд государственной службы Михаил Долгов замечает: «Вопросы формирования и развития управленческих команд на всех уровнях государственной службы являются фундаментальной задачей для развития культуры современного управления и проведения качественных изменений. Одной из актуальнейших задач текущего периода является необходимость перехода к командному лидерству на всех уровнях государственной службы. Отсюда — необходимость развития управленческих команд и формирования культуры командного лидерства» [Долгов 2018: 365].

Данная цель, сформулированная исследователями государственной и муниципальной власти, была не только озвучена в научных публикациях, но и нашла свою реализацию в программе подготовке управленческих кадров для российских городов, поддержанную научными и банковскими структурами России в 2020 г.

Разработанная программа подготовки управленческих кадров для 100 крупнейших городов России подготовлена в соответствии с международным стандартом МРА (Master of Public Administration) Сколково, Банком ВТБ и Высшей школой управления. Стартовала она в июле 2020 г. Основная цель программы — сформировать в городах команды управленцев, обладающих передовыми практиками и знаниями в сфере городского менеджмента. Программа призвана создать условия для запуска в России проектов ускоренного развития экономики городов, создания комфортной среды для жизни людей и вывода российских городов на лидирующие позиции в международных рейтингах по качеству жизни¹.

¹ В состав команд включены мэр (лидер команды), его заместители по ключевым направлениям, заместители губернатора. В рамках программы участникам предстоит работа над проектами трансформации города, а также поиск релевантных технологических и управленческих решений. Задача — чтобы участники вышли не просто с пониманием передового российского и между-

Разделяя позицию о необходимости реализации подобных программ для повышения эффективности управления, мы все же убеждены, что такая серьезная работа не может быть проделана продуктивно без эмпирического изучения процессов, происходящих в функционирующих командах государственной и муниципальной службы.

В данной работе мы хотели бы рассмотреть некоторые важные аспекты командной работы на примере малых российских городов, опираясь на эмпирические исследования, проведенные нами в разные годы (2011–2020) совместно с Валерием Ледяевым и Дмитрием Сельцером. Всего исследованием было охвачено пять городов из трех российских регионов (Ивановская, Тамбовская области и Пермский край). Проведено 101 интервью с представителями локальной элиты, в которую вошли главы городов, председатели городских советов, депутаты, представители бизнеса, директора, руководители местных партий, руководители СМИ, эксперты. Исследование носило более широкий характер, но проблемы работы команд и их формирование занимали в нем ключевое место. В четырех городах исследование проводилось в два этапа. На первом этапе фиксировалось состояние команды, ее состав, характер взаимодействия с главой (мэром). При анализе полученных результатов первого этапа, с одной стороны, особое внимание уделялось моделям власти (моноцентричной, полицентричной) и их связи с эффективностью командной работы, с другой — оценивался уровень зависимости/независимости команды от своего лидера — главы города [Чирикова, Сельцер 2014].

Исследование позволило описать конкретные практики принятия решений в команде с помощью оценок, полученных как от самих членов команды, так и от лидера исполнительной власти. Оценки дополнялись мнениями внешних лиц, имеющих опыт взаимодействия с командой и ее лидером, а также экспертным мнением.

Проведенное исследование позволило убедиться в том, что практики распределения власти в городских командах, несмотря на всю их схожесть, не являются унифицированными, однако авторитарные формы взаимодействия с командой со стороны лидера остаются доминирующими. Эффективность работы таких команд трудно поддается экспертизе, поэтому однозначные оценки дать сложно.

народного опыта в области управления городами, а с готовой программой развития своего города и могли применить полученные навыки для ее реализации [Стартовала программа 2020].

На втором этапе исследования мы были ориентированы на более углубленное изучение командных процессов. Теперь важно было не только понять используемые модели власти при управлении команды, но и выявить закономерности формирования команды, ее способность работать по модели «солидерства».

Не менее значимым было стремление определить готовность лидера команды работать с людьми, которые вместе с ним пришли во власть, или с членами команды, оставшимися от старого главы. Нас также интересовал вопрос о том, как менялись команды в одном и том же городе.

Проведение второго этапа исследования через несколько лет в одном и том же городе позволяло анализировать произошедшие изменения, опираясь на тонкие, иногда невидимые процессы, происходящие в команде, в уже знакомой для нас среде. И наконец, еще один вопрос, на который нам хотелось бы найти ответ: могут ли у слабого главы быть сильные команды или, наоборот, могут ли у сильного главы быть слабые команды? Ответы на поставленные вопросы нам были необходимы для оценки того, способна ли власть в малых российских городах работать по модели «солидерства», которая предполагает разделение лидерства между руководителем и членами команды, в противовес единоличного лидерства в командной работе.

КОМАНДЫ МАЛЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ ВО ВРЕМЕННОЙ ПРОЕКЦИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В предлагаемой работе будут проанализированы пять кейсов малых российских городов. Это очень различающиеся между собой случаи, которых объединяет одно, большинство из них (4 из 5) представляют собой города со сложным социально-экономическим положением, которое за последние годы заметно ухудшается. В этом случае команды малых городов и их лидер неизбежно должны искать управленческие инструменты, позволяющие смягчить кризисную ситуацию. Условия пандемии еще более усложняют управленческие задачи и превращают командное лидерство не просто в желаемую или нежелательную форму построения командной работы, а возможно в единственно эффективную форму управления городом в условиях кризиса на фоне пандемии.

Город X: слабая команда при слабом главе: можно ли изменить ситуацию?

Пример города X, рассмотренный во временной перспективе, позволяет утверждать: слабый глава, как правило, формирует слабую команду. Даже в том случае, если от предыдущего главы ему в наследство достается вполне работающая команда. Это особенно заметно на примере города X, в котором исследование местной власти проводилось в два этапа: первый был реализован в 2011 г., второй проходил в 2019 г.

Данный кейс — отличная демонстрация того, что у слабого главы не может быть сильной команды.

На момент проведения первого этапа исследования состояние команды города X было вполне удовлетворительным, и она четко выполняла свои задачи. Проблемы начались чуть более года спустя, когда тогдашний сильный глава города, переизбравшийся на второй срок, перестал доверять своей команде и даже начал конфликтовать с ней. В результате из команды ушли две ключевые фигуры, на усилиях которых во многом строилась работа главы, — первый заместитель главы города и заместитель главы по социальной политике. Это резко подорвало эффективность работы команды, и если бы глава в скором времени не ушел на повышение в край, то неясно было бы, чем это могло закончиться.

Тем не менее члены команды тогдашнего главы были убеждены: даже потерявшая двух ключевых фигур команда того времени была сильнее, нежели команда сегодняшнего главы, если бы он ее не бросил, а дал бы ей расти: *Могу сказать, когда глава уходил в край, у нас была команда. Мы не предполагали, что он уйдет. Я пришла за год до его ухода. Я пошла на зама по правовым вопросам. Я пришла в новую команду. И в принципе мы все сработались, у нас команда была. Но глава нас бросил. Мы были огорчены, что мы его потеряли, — вспоминает тот период сегодняшняя глава аппарата и заместитель главы по правовым вопросам.*

После повышения прежнего главы через некоторое время (первые полтора года это место заняла женщина, которая быстро ушла) пришел новый глава, ставленник рассорившегося с командой предшественника. Он оказался полностью зависимым от ушедшего на повышение человека, который, несмотря на свою работу в крае, претендовал на полную власть в городе. Именно он на момент проведения второго этапа ис-

следования диктовал заменившему его главе правила работы в команде. Это привело к тому, что команда к началу второго этапа исследования практически распалась.

Новый глава — ставленник серого кардинала, понимал, что его команда требует усиления и принял на работу первого заместителя из бизнеса, чтобы усилить команду, но новый человек смог проработать на своей должности не более двух месяцев, так как глава был снят со своей должности по приказу губернатора за нарушение режима поведения в условиях пандемии. Бывший первый заместитель стал руководителем аппарата у нового и.о. главы, который был назначен вместо снятого слабого главы.

Второй этап исследования проводился накануне отставки главы, поэтому полученные оценки отражали в полной мере высокий уровень недовольства в отношении команды и самого главы. Им были недовольны практически все — и жители города, и представители элитных групп, поэтому его отставка выглядела вполне ожидаемой и в полной мере оправданной.

Наиболее частый ответ на вопрос, какая у главы команда, звучал так: *Он одиночка, находится под влиянием, и у него нет команды.*

Частично сложившееся положение дел было обусловлено дефицитом кадров, но еще в большей степени причиной слабой команды стало неумение главы бороться за кадровый ресурс: *Я понимаю, какой дефицит у нас хороших кадров. Я просто обескуражена глупостью главы... Я обескуражена тем, что он мне позволяет покинуть администрацию без всякого диалога со мной. Не держатся ни он, ни глава аппарата за кадры, —* поясняет пресс-секретарь главы, которая намерена в ближайшее время уйти из администрации.

Важно, что он был не только не способен привлекать людей в команду, но и неуважительно относился к тем, кто находился внутри команды и на нижних, и на верхних этажах властной иерархии: *У него команды вообще нет... Они даже друг с другом не могут договориться. Это не мое, и это тоже не мое, так глава разбирался с бывшим первым заместителем. Девчонки срочно готовят проект. Сидят ночами. Приходят к главе, я передумал, не будем проект сдавать... А почему Вы нам не сказали? Молчание в ответ. Он так к коллективу относится, не замечая усилий других, —* восклицает депутат городской думы.

Тезис о непоследовательности и хаотичности главы в отношениях с командой подтверждает и пресс-секретарь главы, которая намерена

в ближайшее время команду покинуть: *Мне не с чем сравнивать, но я не могу не сказать о хаотичности и импульсивности главы при работе с командой. Хочется работать в здоровой команде, которая знает, куда идет. Мне некомфортно жить в условиях хаоса. У меня нет ощущения, что то, что я делаю, понято и принято этой командой.*

Глава аппарата подтверждает факт отсутствия команды у главы города: *Говорить о команде пока сложно. Команда — это сработавшийся, сплоченный коллектив. Коллектив, объединенный общими целями. У нас пока такого нет. Последние пять лет город трясет. Команда так и не сформировалась.*

Сам глава признается, что ситуация с командой сложная и разобраться с тем, почему это именно так, ему не всегда удается: *Когда глава приходит, он присматривается. Были моменты, когда мы с кем-то расставались. Прошло уже два года, и честно скажу, я сам многого не понимаю на сегодняшний день. Команды у меня нет.*

Почему сегодня не получается сформировать команду, разъясняет предприниматель, депутат городской думы: *При прежнем главе при всех его недостатках была четко выстроена иерархия. Может быть, благодаря усилиям административного персонала. Прежде всего, благодаря усилиям первого заместителя, который был развернут на общение. С помощью команды творческий потенциал главы раскрывался. Сейчас у нынешнего главы этого нет. Он не ценит людей, на него работающих.*

С годами ситуация ухудшилась. Место первого заместителя занял совсем не сильный управленец: *Пришел действующий глава, и назначил на должность первого зама ограниченного человека. Он не состоялся как первый зам. Хотя он два года замещал эту должность. Он не организатор и не лидер. Хороший парень, добрый... Говорливый... Эта должность много лет была пустой. Мы по частям растаскивали эти обязанности. И работали, как могли. В полную силу мы не работали.*

Как бы в подтверждение сказанного главный редактор газеты замечает: *У главы очень плохие отношения с первым заместителем. Разве это команда? Каждый раз, кажется, что заместитель главы работает в администрации последний день. От и до, и не слова больше. И никакой инициативы. Ни шага никуда не сделает.*

Об ограниченном функционале первого заместителя напоминает и бывший мэр города, сегодня начальник управления внутренней политики в районе: *Первый зам — он целиком погружен в хозяйство, там*

трубу надо отремонтировать. Здесь гвоздь забить. На большее он просто не способен.

По мнению представителей элитного корпуса, дело не только в распределении фигур в команде, которые оказались не всегда на своих местах, но и в неправильно организованной работе внутри команды. В этом случае большая часть власти делегируется одному из ее членов, который имеет высокие компетенции, фактически перетягивая власть на себя.

Глава аппарата и одновременно заместитель по правовым вопросам, в руках которого сконцентрировано много публичной власти, по мнению элитного корпуса, нередко перетягивает власть на себя: *Руководитель аппарата обладает большой властью. Она управляет внутренней политикой. Все в ее руках. Она командует всем парадом. Являясь юристом, она составляет юридические акты, выстраивает отношения с городской думой, как с представительным органом, с общественными формированиями. Вся информационная политика в ее руках. И она руководит всем процессом, — уверен бывший мэр.*

По оценкам другого информанта, фигура руководителя аппарата хотя и весьма неоднозначна, но она владеет ситуацией в городе: *Она в команде только потому, что работа ее устраивает... Они каким-то образом выстраивают отношения между собой, но я бы не назвал их одной командой.*

Но руководитель аппарата допускает ошибки, хорошо заметные представителям элитных групп, хотя многие из них признают — дело не только в ней одной: *Руководитель аппарата все равно многое упускает... Она хороший специалист. Но я не знаю, как она работает в командной иерархии. Она может продавливать достаточно глубоко нужные решения. Однако мы видим митинги на соборной площади. Значит, повод был дан, значит, вовремя не среагировала, — считает депутат городской думы.*

Сама глава аппарата и заместитель главы по правовым вопросам признает, команда не сформирована. Причина не в слабости главы, а в кадровом дефиците. Пришедший на место первого заместителя человек, вполне может усилить команду со временем: *Кадровый дефицит в органах власти присутствует уже очень давно. На всех уровнях. Адекватного руководителя — надо выращивать. Выращиваются специалисты с первой категории. Сегодня я не могу сказать, есть ли у нас команда. У нас буквально месяц назад сменился первый зам. Говорить*

о полной команде я пока не могу. Первый зам только начинает вникать в дела. Он пришел со стороны, из коммерческих структур. Ему надо вникнуть в вопросы местного значения.

Объясняя причины, по которым человек из коммерческой структуры был назначен первым замом, она объясняет это следующим образом: «Почему человек из бизнеса? Дума проработала в новом составе, и он в этом составе обозначился. Он оказался лидером, который может формировать определенную позицию представительного органа. И получать большинство по каким-то решениям. Он себя в этом отношении проявил. Я надеюсь, что у того, кто его продвинул, он не висит на крючке. И тогда он сможет реализовать себя как первый зам. От его работы команда может выиграть.

*Свою версию назначения нового первого заместителя имеет и глава города, который убежден в том, что вновь назначенный управленец располагает для осуществления этой деятельности необходимыми качествами: *У него хороший возраст. У него хорошее образование. Он прошел школу бизнеса. И он ее перерос. Он стал депутатом. Это человек, который вникает в каждую проблему... Он видит людей. Когда долго сидишь, замыливается глаз. Если ты не видишь людей, ничего не получится. Он умеет считать деньги. Он меня разгрузит. В определенной части. Главе надо заниматься другим делом.**

*Некоторая часть элитного корпуса связывает назначение первого зама с дальнейшими позитивными изменениями в городской власти: *У меня с вновь назначенным первым замом связаны большие надежды... Он в лучшем смысле этого слова — амбициозный. Он думающий и мотивированный. Он хочет чего-то добиться, — замечает в своем интервью депутат городской думы.**

*Другой информант в этом не уверена, хотя и признает — человек он грамотный: *Сейчас он замом сделал человека из бизнеса. Грамотный человек. Но у него в голове прежде всего деньги... Нельзя руководителю города рассуждать категориями только денег. Если он не перестроится, то это в конечном счете будет плохо», — убеждена бывшая глава города, сегодня депутат городской думы.**

*Пресс-секретарь действующего главы также не уверена, что первый заместитель наведет порядок в администрации, преследуя исключительно интересы города, а не свои собственные: *У него точно есть свои конкретные задачи и конкретные интересы. Мне стало особенно некомфортно, когда я увидела методы его работы, которые никак**

не соотносятся с моим миром, и с желанием сделать для города что-то хорошее.

Глава аппарата пока не уверена, получится ли у нее работа с первым замом, но предпочитает надеяться на лучшее: *Я не могу сказать, смогу ли я повлиять на его выбор новых людей в команду. Мы с ним пока недостаточно работаем. Будет ли у нас с ним консенсус, взаимопонимание, я сказать не могу. Хотя людям я стараюсь доверять. Это тем же возвращается. Доверием. Будет ли он менять команду, окружение, я надеюсь, что будет... Есть кого сменить.*

Некоторые из информантов связывают приход первого зама как сигнал будущей смены действующего главы, но пока не знают, приведет ли это к заметному улучшению ситуации в городе: *Первый заместитель сядет на место главы через некоторое время, они уже начали процесс подготовки по передаче ему функций. Он присутствует на многих мероприятиях. Глава буквально живет у него в кабинете. Они постоянно находятся в кабинете друг друга, — рассказывает руководитель местного телевидения.*

Итак, результаты второго этапа исследования убедительно показывают, за прошедшие годы были разрушены оставшиеся после ухода главы в край остатки команды, которые на фоне нынешней команды воспринимаются как вполне удовлетворительные. Сложившееся сегодня положение дел в команде можно назвать катастрофическим. Это в той или иной степени признают как сами члены команды, так и люди, наблюдающие за ее работой со стороны.

Смена первого заместителя главы хотя и породила некоторые позитивные ожидания, но совсем ненадолго. Приход бизнесмена во власть оценивался неоднозначно и с большими опасениями, что теневые практики будут оставаться доминирующими и это не приведет к улучшению ситуации. Насколько оправданы такие ожидания, на момент проведения второго этапа исследования было неясно. Но вывод о том, что нынешний глава должен был покинуть свой пост, как не справившийся со своей работой был очевидным. Так фактически и произошло. Через два месяца власть в городе переменилась, на место слабого главы пришел бывший глава района, сильный управленец, возглавлявший район около десяти лет. Он сразу же приступил к постепенному изменению команды, переместив первого заместителя на место главы аппарата, задачей которого было не просто улучшение ситуацию в городе, но и слияние двух уровней власти в краткосрочной перспективе.

Данный кейс убедительно показывает: если глава слаб, то он слаб во всем. У него не получается работа с командой, в результате сами представители команды считают свою работу неэффективной, как и представители городской элиты. И это объяснимо. Слабый и ведомый глава не умеет выстраивать отношения с локальной элитой, наконец, он не пользуется авторитетом у региональной власти. Как следствие слабая мотивация командной работы и постоянные переназначения, которые не дают должного результата. В известном смысле лидер в команде не заменим, даже если команда сильна. Если команда слаба, то этот вывод оправдан вдвойне.

Не исключено, что новый сильный глава сделает соответствующие перестановки в команде, усилит контроль, найдет новые рычаги для мотивации сотрудников. Это будет способствовать тому, что даже те, кто останется в команде от прежнего главы, будут работать эффективно и слажено.

Приведенный пример убедительно показывает: при слабом главе надеяться на реализацию модели «солидерства» команды вряд ли оправданно. Единственным инструментом для изменения сложившейся ситуации является смена главы, что и было в результате сделано.

Кейс дает основание для важного вывода: переход к модели «солидерства», где команде делегируется ключевая роль, не может быть совершен автоматически. Это может произойти в том случае, если глава силен, а состав команды подобран не по критериям лояльности, а по уровню компетенций.

Город Y: перемены в команде очевидны, но не закончены...

На первом этапе исследования в городе Y существовало два уровня власти — городская и районная. Две команды помогали управлять своим главам. Однако структура власти и профиль двух команд существенно отличались друг от друга.

Городская команда, по мнению большинства респондентов, отличалась вполне традиционными отношениями: они строились на принципах полного подчинения главе, которые сложились в течение длительного времени и которые никто из членов команды не был способен изменить. В такой ситуации глава полностью контролировал происходящее в команде, держал все имеющиеся ресурсы в своих руках, при этом всем остальным членам команды не оставалось ничего другого, как подчиниться. Ситуацию с командой главы города наиболее

емко описал известный в городе журналист: *Если чиновники главы города начнут играть свою игру, то глава их сразу уволит.*

Не располагал властными ресурсами даже сити-менеджер города, который вынужден был всецело подчиняться главе, который возглавлял на момент исследования представительную, а не исполнительную власть.

Тем не менее, по мнению городских элит, нельзя было исключать, что у членов команды оставались некоторые ресурсы для «собственного маневра» вполне традиционного характера. Чаще всего эта «игра» заключалась в протекции тем или иным заинтересованным лицам, например в торможении каких-то невыгодных для них организационных новаций.

Сам тогдашний глава города, по мнению информантов, совершил много ошибок в работе с командой, основные из которых — либо слишком высокое доверие к членам команды, либо наличие скрытых бизнес-интересов, которые команда должна была обслуживать: *Это было ошибкой прежнего главы. Когда ему говорили, убирай финансистку, она заворовалась, он не слушал... Он этого или просто не замечал, потому что у него глаз замылился, или не хотел, чтобы это влияло на его бизнес-дела,* — вспоминает то время известный в городе предприниматель, депутат городской думы.

Совершенно иной характер взаимоотношений сложился в районной администрации. Там не только не было явного доминирования главы администрации района, но фактически все бразды правления в целом ряде направлений деятельности администрации захватили два его заместителя.

Наши респонденты по-разному объясняют причины такого «перемещения власти». Одни убеждены в том, что имела место «отдача выборных долгов»: без помощи своих заместителей глава администрации района не смог бы сохранить свой пост. Другие настаивали на том, что передача реальной власти заместителям — это не долг, а скорее их более высокие, чем у главы администрации, персональные ресурсы. *И тот, и другой действительно сегодня являются основными движущими силами в команде,* — убежден эксперт.

Ум, профессионализм, энергия, готовность рисковать — эти качества, по мнению респондентов, и определяли реальное лидерство в команде двух заместителей главы района.

Складывание такой не вполне стандартной ситуации было обусловлено правильно (с точки зрения доминирования) выстроенными от-

ношениями с главой района его заместителями, умением им манипулировать. Не менее важно то, что утрата лидерства руководителем районной администрации была связана с очевидными недостатками и слабостями самого руководителя. Некоторые из респондентов говорили о том, что главе района нравится быть *богом с закрытыми глазами*.

Следствием «звездной позиции», не оправданной реальностью, явилось отсутствие доверия в команде, повлекшее за собой неумение работать «с маленькими людьми», которых *он не знал и не хотел знать, хотя они на него пахали шесть лет*.

Тем не менее, избранный сегодня депутат, предприниматель, ранее работавший в команде главы района, характеризует ее как достаточно эффективную: *Команда у районного главы была хорошая. Нынешний глава из этой команды лучших забрал, а худших оставил за бортом*.

Таким образом, сложившиеся паттерны распределения власти в командах города и района в те годы убедительно показывали, что уровень влияния в команде высокопоставленных руководителей и других членов команды, во многом зависели от психологического профиля главы, его готовностью делиться властью с другими членами команды, с их профессиональными качествами. Однако готовность делиться властью могла быть реализована только при наличии в команде профессионалов, способных поддержать главу и защитить от непредвиденных обстоятельств, а не воспользоваться его доверием. Важный вывод, который был сделан на первом этапе исследования — чем сильнее члены команды, тем более сложным становится распределение власти внутри нее. И далеко не все главы способны с этим справиться.

Второй этап исследования, проведенный через восемь лет, показал, что во власти города и района произошли существенные персональные перемены, которые затронули в том числе их команды.

Прежде всего, за счет слияния уровней власти глава района перестал быть действующей фигурой. В то время как новый глава городского округа (2019 г.), избранный в 2013 г. сначала главой городского поселения, а в 2016 г. главой муниципального района, получил все властные полномочия, возглавив новую слитую территорию. Естественно, что в этом случае он стоял перед необходимостью обновлять свою команду с учетом того, что теперь его выбор команды должен был соответствовать тем масштабным задачам, которые необходимо было реализовать.

Пока процесс формирования команды у главы слитной территории не закончен. Сказывается нехватка квалифицированных кадров, из-

вестная привязанность главы к членам своей команды, особенно к топам, что делает процесс становления команды не столь быстрым. Тем не менее, информанты признают: команда у главы есть. Некоторые называют ее хорошей. Другие признают: над формированием команды главе следует работать дальше.

Среди тех, кто готов назвать команду главы городского округа хорошей, заметен министр территориального развития края, который убежден: *Глава городского округа относится к числу людей, которые заставляют всех работать на себя. Он молодец в этом плане. Сам он не стоит в стороне. Есть ряд проектов по благоустройству, это чисто его проекты. У него очень хорошая команда в администрации. Там такая сборная солянка. Я их хорошо знаю. Он собрал их из поселений. Это сливки, и за счет этого сегодня город Y чуть впереди.*

Высоко оценивает потенциал команды и наш эксперт, признавая, что общая экономическая ситуация в городе далеко не простая: *Глава молодец в том, что он создал хорошую команду. И она на него работает. Регионалы связывают с ним будущее объединенной территории. Но мне кажется, что ситуация в городе является отражением экономической ситуации. В городе, мягко говоря, невесело. Если раньше город мог опереться на металлургический завод, то теперь это не так.*

Расценивает свою команду как весьма неплохую и заместитель главы городского округа по социальным вопросам. Основанием для подобной оценки служат многочисленные гранты, которые команде удастся выигрывать на федеральном и региональном уровне: *Мне кажется, что команда у нас неплохая. В прошлом году на культуру мы получили 25 млн за счет участия в грантах и конкурсах. У нас каждый понедельник офис заседает. Глава воспринимает наши победы как должное. Он недавно сказал: я до такой степени привык, что информация о победах для меня стала обыденностью.*

Солидарен с высказанной оценкой и бывший председатель городской думы, а ныне председатель профкома градообразующего предприятия: *В чем плюс этой команды? Они активно вписываются во все проекты, в любые источники финансирования. Делают они это весьма активно и успешно. Почему у них получается? Ответ прост: лидер определяет фокус всей команды.*

Сам глава городского округа оценивают сегодняшнюю свою команду достаточно высоко: *Та команда, которая есть, вполне профессиональна. Она меня вполне устраивает. Особенно те, кто находятся в моем*

топе. Но в нем только 5–7 человек. Остальные, как он считает, — это «люди-функции», на которых «рассчитывать нельзя». Главный принцип, которым он руководствовался при формировании команды — мотивация, желание работать: Если человек готов работать и днем, и ночью, это мой человек.

В сегодняшней ситуации он намерен вводить в команду новых людей, хотя и признает, «людей брать негде», тем не менее, именно это предстоит сделать сегодня: *Мы сейчас начинаем кадровую работу по привлечению новых сотрудников. Часть сотрудников мы будем привлекать со стороны. В том числе из других городов. Я их намерен привлекать всеми своими ресурсами — детские сады, школа, образование, квартиры, машины, ... зарплата. Важно дать им стимул для развития. Это не та работа, которая заканчивается. Это перманентная история.*

Следует признать, что работа по дальнейшему формированию состава команды признается необходимой людьми из близкого окружения главы, однако планы главы представляются им нереалистичными: *Идея главы привлекать людей со стороны хорошая, но не сможет он обеспечить всех. Сама идея классная. Можно врачей привести. Можно учителей привести. Надо создавать людей. Но создавать их нужно не только квартирами и зарплатами. Надо, чтобы человеку нравилась его работа. Чтобы он любил этот город. Чтобы он чувствовал себя безопасно в этом городе. В нашем городе нет ни одного ресторана... Нет ни одного молодежного центра... Мало желающих работать у нас, хоть мы и предоставляем квартиры... Надо быть реалистами, — восклицает председатель думы городского округа.*

Столь же критично он оценивает действующую команду главы: *С командой у главы есть проблемы. С одной стороны, многие проверены временем. Кому можно доверять, кому нет. У кого амбиций нет, но он всегда рядом... Глава слишком к ним привязан... Он сильно доверяет своему окружению. Я ему периодически говорю: завтра будет другой. Тебя просто предадут, сдадут. Это так и есть. На самом деле с кадрами у нас в городе очень плохо, — уверяет одна из самых влиятельных фигур во вновь созданном городском округе, председатель городской думы, которого многие называют «серым кардиналом».*

Осторожное отношение к команде демонстрирует и хорошо известный в городе предприниматель, авторитетный депутат в объединенной городской думе: *Глава поначалу взял людей, которым был обязан. Я не могу на это закрыть глаза. Я знаю многих замов. Когда они*

шли к победе, это была одна команда. Мы за правое дело, нам неважно, сколько работы. Когда объединились, вдруг пришло понимание ответственности... Сегодня в этой команде есть раздрай. И довольно сильный.

Раздрай возник не на пустом месте. Скорее всего, он связан с неровным составом команды. С одной стороны, в ней представлены высокие профессионалы, знающие свое дело, с другой — слабые руководители, которым до определенного периода удавалось скрывать свой непрофессионализм за счет преданности главе: *Если раньше можно было скрыть свой непрофессионализм, то сейчас это вылезло. Сейчас есть люди в администрации, которых не интересует жизнь в городе. Нужны те, кто будет делать изменения. Главе придется принимать решение, близких ему не профессионалов надо будет менять. У него не хватит смелости, убрать человека, который был с ним пять лет. Это сложно убирать людей, которые проработали с тобой столько лет,* — убежден депутат. Подобные ошибки, считает наш информант, допускали и его предшественники.

Изменения, по мнению депутата, особенно необходимы в связи с тем, что депутатский корпус в городе стал более требователен к власти, поэтому теперь чиновникам надо не просто приказывать депутатскому корпусу, а согласовывать с ним свои решения: *Меня радует то, что власти исполнительной придется делать то, что скажут депутаты. Мы будем говорить о необходимости эффективно использовать бюджет. Мы будем влиять на решения главы и на него самого. Хотя он не отрицает проблем в городе и команде: скажете, я сделаю, хотите — поменяю команду.*

Некоторые наши информанты из близкого окружения главы высказываются о сформированной команде и действиях главы по ее формированию еще резче. Причем оценки эти идут от топовых руководителей, которые составляют ядро команды: *Глава не создает команду. Он дает указания. Для него человек — это функция. Если ты руководишь, надо создавать команду. Ты все равно один можешь что-то упустить. Ты должен уметь рисковать и одновременно доверять, не обязательно всем. Ты должен окружить себя профессионалами. Не бояться, что окружение может что-то знать лучше тебя. Многие боятся брать к себе на работу таких людей... Это неправильно,* — убежден многолетний член команды главы и его партнер, бывший сити-менеджер города, а ныне заместитель главы городского округа.

В чем, на взгляд заместителя, основной недостаток главы, если речь идет о команде: *На сегодня глава все сферы пытается курировать. Это много. Я ему постоянно говорю о том, что не надо этого делать. Люди так и не научатся принимать самостоятельные решения. У главы нет команды: в этом его минус. Он в этом никогда не признается. Но это есть.*

Видимо, длительное время совместной работы в команде дает право заместителю главы городского округа высказывать столь жесткие оценки, однако не исключено, что причиной отрицания наличия команды является разный взгляд на ее структуру и выполняемые функции.

Проведенный анализ скорее свидетельствует о том, что ядро команды сформировано, в то время как второй ее эшелон явно требует обновления. Этого, кстати, не отрицают и глава, и его ближайшее окружение. Факт неоправданного стягивания на себя полномочий команды действительно не самый эффективный способ управления, тем не менее, взвалив на себя новый груз ответственности управления расширенной территорией, глава вполне оправданно «осторожничает», так как сам пока плохо представляет, как будет работать управленческая машина в изменившихся условиях.

Данный кейс ярко подтверждает тот факт, что даже сильный глава с большим управленческим опытом в условиях малого города не способен быстро сформировать команду. Главное, что причина кроется не только и не столько в дефиците кадров, как думают многие, сколько в неумении главы отказаться от привычных для себя способов формирования команды. Даже при наличии планов, ориентированных на развитие города, главе трудно отказаться от принципа лояльности в пользу компетентности членов команды. Не исключено, что доверие к членам команды и нежелание не оправдать их ожидания может дорого обходиться власти. В этом случае ужесточение критериев подбора команды — необходимый шаг, иначе процесс командообразования будет сильно затянут.

Проведенное исследование показывает: смена слабого главы на сильного позволяет подобрать и более эффективную команду, однако ее безусловное усиление происходит лишь при условии, что удастся сформировать не только ядро команды, но и ее периферийные зоны. Это оказывается непростым делом, потому что предполагает новый взгляд на привычные процессы, происходящие в команде.

Важный вывод, который следует на примере данного кейса — модель «солидерства», даже при сильном главе, может быть реализована лишь

частично. Это означает, что стартовые возможности для начала ее реализации вполне сложились, но впереди большая работа, требующая огромных усилий со стороны самого главы и всей его команды. Самое трудное — убедить главу, что делиться лидерством с командой, это залог будущего городского развития.

Город А: когда команда формируется...

Данный кейс позволяет убедиться в том, что линия поведения глав в отношении команд, доставшихся им от прежнего главы, может различаться. На примере города А мы увидим, что иногда новый глава осознанно хочет опираться на старую команду, оставив в ней ранее работавших замов, несмотря на то что смена лидера всегда неоднозначно сказывается на команде. В большинстве случаев такой вариант приводит к замедлению процесса формирования команды, с одной стороны, с другой — такой выбор, несмотря на сложности, позволяет удержать в команде профессионалов, которых в условиях малого города найти достаточно сложно. От нового главы требуется терпение и доверие к старым членам команды, что повышает вероятность позитивного прогноза работы команды.

В городе А, на момент первого этапа исследования, глава администрации, как и принявшие участие в исследовании городские локальные элиты, оценивали профессиональный уровень команды тогдашнего главы как «средний». И это несмотря на то, что глава администрации в 2003 г. пришел к власти, а покинул ее в 2015 г. Завоевав место во власти, по оценкам респондентов, он начал смещать ранее работавших заместителей и заменять их своими кандидатурами¹.

Все эти годы пришедший руководитель города «тянул» команду, заменяя менее компетентных работников профессионально более подходящими кандидатурами, но достичь высокого уровня компетентности команды ему так и не удалось. Зато удалось сплотить команду и сформировать в ней необходимый комфортный уровень для совместной работы. Члены команды единодушно признавали: *Мы одна команда.*

Тем не менее, интервью, проведенные почти семь лет назад, показали: реальная власть по принятию ключевых решений была сосредото-

¹ По иронии судьбы действующий сегодня глава как раз был тем смещенным заместителем по социальной политике, который вернулся во власть вновь, спустя 12 лет, но уже в должности первого лица власти в городе.

точена у главы администрации, а члены команды являлись лишь исполнителями, имеющими право высказать свое видение сложившейся ситуации, никто из них не обладал высокой степенью автономии и не играл самостоятельной роли в локальной политике. Хотя «демократичность» главы администрации предполагала «согласовательную модель» работы с командой, которая, согласно полученным оценкам, вполне удовлетворяла тогдашних работников администрации. Глава считал возможным советоваться с ними, но окончательное решение всегда принимал самостоятельно, предварительно потратив дополнительные усилия на убеждение членов команды в своей правоте. И ему практически всегда это удавалось.

Некоторые оценки дают основание утверждать, что модель взаимодействия главы с командой лишь маскировалась под «согласовательную», на самом деле оставаясь авторитарной.

Сам глава администрации называл свою модель принятия решения «коллегиальной», хотя лица, наблюдающие за работой команды со стороны, не всегда с этим соглашались. *Влияния городских чиновников нет. Каждый боится пойти в обход главы администрации,* — утверждала несколько лет назад одна из депутатов городского совета. Высказанной позиции оппонирует сам глава администрации: *Я самостоятельно решений не принимаю, но последнее слово всегда остается за мной.*

Большинство представителей городской элиты полагало, что команда главы администрации в целом была способна решать городские проблемы: *В команде есть слабые звенья, но в целом это работающая команда. Причина одна: глава администрации держит руку на пульсе. Он понимает, где и что у него есть. Он умеет заинтересовать людей. С ним интересно работать. Он непредсказуем, хотя во всем опирается на законы,* — замечает депутат городского совета.

Таким образом, в А несколько лет назад была выстроена структура власти, в центре которой находился сильный глава администрации. Он смог сформировать оптимальные отношения со своей командой, которые строились на «невидимом авторитаризме», воспринимаемом членами команды как взаимное доверие и уважение. Высокий авторитет главы администрации и компетенции позволяли ему стабильно добиваться принятия необходимых решений и одновременно учитывать мнения членов команды, которые ощущали сопричастность к данному процессу, но не пытались играть в нем самостоятельную роль. Работая над улучшением состава команды почти 12 лет, он, тем не менее, не соз-

дал идеальной команды, где каждый специалист и руководитель был бы необходимым и надежным звеном.

Важно, что команду при этом не раздирали идеологические или иные противоречия, хотя утверждать, что между членами команды не было конкуренции «за внимание шефа» все же нельзя.

Пришедший в 2015 г. новый глава отличался от своего предшественника по многим основаниям. Но главное, что их объединяло, — комсомольское прошлое. Именно оно предопределило тот факт, что многие способы работы с командой были сохранены. Новый глава, в отличие от своего предшественника, разбирался с оставшейся командой весьма осторожно, несмотря на то, что проголосовавшие за него депутаты городского совета были настроены весьма решительно. Они настаивали на том, чтобы старая команда была сменена полностью. Ответ на предъявленные требования со стороны депутатского корпуса новому главе пришлось искать, используя компромисс: *У меня работники прежнего главы остались. Некоторых я убрал. Было пакетное соглашение. Депутаты мне сказали — этого убрать, этого убрать. Я сказал, нет ребята... Тогда работайте сами. Давайте договариваться.*

Когда переговоры зашли в тупик, глава заявил о своем возможном уходе: *Мне депутатские группы стали диктовать, кого брать, а кого нет, и переговоры зашли в тупик. Я сказал, все я поехал обратно. У меня есть повод губернатору сказать, что я не гожусь. Если Вы хотите, чтобы я работал — тогда я сам буду выбирать свою команду. Мне нужны профессионалы. Это было мое условие. И председатель комитета по имуществу, и председатель комитета по образованию, и председатель комитета по культуре из старой команды, сейчас у меня работают.*

Объясняя причину, по которой он бился за членов старой команды, глава замечает: *У губернатора такой подход к своей команде. И у меня точно такой же подход... Где я людей возьму, где я возьму управленцев? Моя задача была — их на свою сторону перетянуть, объяснить им, что у меня нет шкурных интересов... Если у меня нет своих интересов, они знают, что я им не дам их интересы реализовывать.*

Оценивая сегодняшнюю команду главы, бывший мэр, а ныне депутат областного собрания замечает: *У действующего главы команда делится на людей, ориентированных на прежнее руководство и на настоящее. Это не идеологические разногласия. Они все представляют ЕР. Это бывает всегда, когда приходит один руководитель и уходит другой.*

Является ли это непреодолимым препятствием, для того чтобы продолжать работать вместе с этими людьми в одной команде? Похоже, что нет. Именно так считает бывший мэр, хотя и настаивает на необходимости работать с такой командой весьма осторожно: *Я не против, чтобы в команде были люди предшественника. Но не торпедируйте решения, и не мешайте реализовывать ту линию, которая проводится. Дружите, пейте, гуляйте... Вопросов нет. Голосуйте за прежнего главу в Думу. Это Ваше право. В команде скоро будут изменения. Но не по принципу «старые — новые» Есть новые тренды, в которые некоторые сотрудники не впишутся.*

Подтверждает высказанную оценку и сам действующий глава города, которому в сложившейся ситуации совсем непросто. Тем не менее, он остается верен выбранной линии, хорошо осознавая возможные риски подобных шагов: *Когда пришел к власти бывший глава, он всю команду вычистил, включая меня. Не осталось ни одного человека. А я всех оставил. И многие из них поняли, и согласились со мной работать. Некоторые ушли... Но остались и люди из прежней команды.... Их с каждым годом становится все меньше, и меньше. В первые годы такими были почти все. Сегодня это не так.*

Стремление главы улучшить команду строится не только и не столько на том, чтобы убрать из нее приверженцев бывшего главы. Основное — добиться того, чтобы команду составляли люди, ориентированные на перспективу. И такие люди в команде есть, но их должно быть значительно больше: *Я все же команду потихоньку обновляю. Потому что есть люди, которые видят перспективу, и есть те, кто этого делать не умеет. Я их так называю — ясноглазый и неясноглазый. Неясноглазые — это те, кого в 5 часов вечера ветром сдувает... Но есть те, кто проявляет какой-то интерес. Я им тогда что-то рассказываю. Иногда и неясноглазым рассказываю. В известном смысле я заложник кадрового дефицита, который существует в небольшом городе всегда.*

Формулируя свои принципы работы с командой, он замечает: *Я оставляю право для всех людей жить и работать по своим внутренним принципам. Моей сверхзадачей было, когда я здесь оказался, чтобы эти люди, олигарха или бывшего главы, чтобы их уравнивать и мотивировать к работе. У меня других людей не будет. Мне сюда с Марса людей не завезут.*

То, что глава работает с командой внимательно, постоянно пытается усилить ее состав, признает и заместитель главы по социальным вопро-

сам, приверженец бывшего главы и в известном смысле оппонент действующего руководителя: *Действующий сегодня глава оставил много опытных людей из прежней команды. Ему надо работать одновременно с молодежью, и с нами, людьми возрастными. Мы привыкли за 13 лет работы к определенному стилю. К определенным методам работы. К определенной линии, которая выработалась. Новому главе выйти за рамки сложившихся правил очень сложно. Тем не менее, я считаю, что в коллективе — мы нашли понимание.*

Осознанное нежелание к радикальным переменам в команде, в противовес которым он использует стратегию постепенного втягивания коллег в новые принципы работы, сам глава комментирует следующим образом: *Почти 4 года, которые я работаю, я собираюсь выгнать начальника МЧС. Он абсолютный солдафон, ничего не понимает. Но он хочет рулить. В тоже время, я понимаю, что я его выгоню, а на его место возьму точно такого же. В лучшем случае. А так может быть будет кандидатура еще хуже. Я же новых людей не создам. У человека будет возможность сказать, — я не знаю, меня тогда не было. Какой смысл выгонять и менять?*

Сформированная главой команда сегодня является его помощником в сложных ситуациях и, похоже, разделяет его принципы: *Мы помогли главе, когда он весь ушел в проблемы предприятий в городе. В основном они были из-за невыплаты зарплаты... Я видела, что он весь там настолько... И кроме него этого никто не сделает... У заместителя по экономике, который только пришел, у него не было опыта и знаний... А я здесь как могла держала ситуацию. Это главное... в команде. Уметь на себя взять груз тех проблем, которые пока не находятся в центре внимания, но решение которых необходимо, — считает заместитель главы по социальным вопросам.*

Возникает естественный вопрос, могут ли старые члены команды обеспечить новые вектора развития с новым главой, повысив тем самым эффективность муниципальной власти?

Оценки, полученные в ходе интервью на этот счет весьма противоречивы. Эксперт-социолог, работающий в областной администрации, убежден, что такое вряд ли возможно: *В целом у нового главы в городе А команда осталась та же самая. Он пытается ее менять, но где взять других людей? В условиях малого города, где взять людей, которые досконально знают городское хозяйство? Разве можно что-то сильно изменить, если ты стоишь над Васей, а Вася один и тот же? Ты вы-*

носишь одно решение, второе решение, которое команда не поддерживает, и ты останавливаешься, ты не в состоянии ничего изменить... Они будут делать, но спустя рукава... Или просто саботировать распоряжения главы... Зарядить команду на успех — очень трудно... Это и есть задача главы. Здесь могут иметь значение его личностные качества. Если он лидер, у него это лучше получится. Но ресурсы, то есть люди, работающие в команде, их мотивация, все равно важны.

Сам действующий глава города А с высказанной позицией явно не согласен: *Можно ли при старой команде создать новые вектора движения? Добиться новых достижений? Сомневающимся отвечу, но ведь это случилось. Хотя у меня была старая команда.*

Не исключено, что правы оба информанта. Все зависит от лидерских качеств самого главы. Если он способен достичь управляемости своей командой, даже при известном сопротивлении, то прорыв обязательно случится. При хорошей ресурсной базе он будет более значительным. При дефиците он будет локальным, но все равно будет. Отсюда вывод — управленческие умения и лидерские качества главы иногда важнее ресурсной базы, которая сложилась, но, если эти два фактора присутствуют одновременно, тогда успех обязательно станет реальностью.

Таким образом, пример города А вновь позволяет убедиться в том, что в условиях малого города формирование команды — непростой процесс. Идет ли речь о дефиците, или о несогласии депутатского корпуса сохранять тех или иных людей в команде. Ясно одно — способность главы ориентироваться на профессионалов, а не на новых «своих» кандидатур весьма важна, однако эта стратегия весьма затратна и совсем необязательно быстро приводит к нужным результатам.

Город Z: возвращение во власть

В городе Z сложилась уникальная ситуация для изучения командных процессов. Глава администрации, отправленная в отставку четыре года назад, на момент проведения второго этапа исследования, вновь стала главой города по распоряжению нового губернатора. Благодаря этому кейсу нам удалось проследить, какие шаги предприняла глава для формирования своей новой команды по возвращению во власть, стремилась ли она восстановить прежние фигуры в команде или сориентировалась на новые персоналии?

В городе Z на момент первого исследования глава администрации, позже вернувшаяся во власть, но снятая через полгода после начала

первого этапа исследования, достаточно критично оценивала членов своей команды, как и локальные элиты.

По мнению элит, уровень профессионализма, активности, инициативы и других параметров деятельности команды городской администрации в целом оставался весьма низким. Причину этого элиты видели не только в дефиците кадрового ресурса, вполне типичного для малого города, но и связывали с определенными принципами подбора кадров. «Личная преданность вместо компетентности» и «свой человек предпочтительнее профессионала», — так они формулировали суть кадровой политики главы администрации города.

Ориентация на своих породила отсутствие инициативности команды, которую чувствовала не только сама глава администрации, но и представители местных элит, взаимодействующие с членами команды.

Ориентация «на своих» у главы администрации, была обусловлена не только стремлением иметь послушную команду, но и возможностью взять под контроль денежные потоки, в том числе неформальные.

Принятие решений внутри команды главы администрации Z было вполне традиционным и строилось на принципах полного подчинения главе администрации, при этом автономия членов команды была сильно ограничена.

Тем не менее, в команде присутствовали как минимум два человека, которые претендовали на инициативные действия, но так и не смогли противостоять главе.

Небезынтересно отметить, что сама глава вполне осознавала недостатки и ограничения в деятельности своей команды, потому что «людям, проще делать то, что всегда». Хотя и была убеждена что моноцентризм — единственно возможный способ управления в сложившейся ситуации.

С ней был не согласен предприниматель и секретарь местного отделения партии ЕР, который видел в ее шагах по работе с командой в те годы много несоответствий с тем, как это должно было быть на самом деле: *Когда она начинала во власти, мы с ней очень плотно общались, чуть ли не каждый день встречались... Нарезали задачи, обсуждали... У нас вообще не было тайн. Ей нравилось, когда люди ей улыбаются, открывают дверь... И она готова была это поставить на первое место в человеке. Я человек прямой. Я ей говорил, что это не так. Ей это не нравилось. И не важно, — сдам я или не сдам... Для нее это было*

на втором плане. У нас с ней отношения сохранились, но мы чуть-чуть разошлись в дальнейшем.

Сама глава не разделяла точку зрения, что ее окружают исключительно слабые профессионалы с низкой мотивацией; при этом подчеркивая, что кадровый ресурс малого города ограничен: *Я пришла, а руководителей нет. Практически никого не было, их пришлось искать повсюду.*

Трудно с этим не согласиться, хотя бы потому, что после ее снятия с должности вновь пришедший глава так и не смог нарастить потенциал своей команды, а скорее его снизил, что привело к серьезным негативным последствиям в городе.

Оценки местных элит относительно команды сменившего ее главы весьма отрицательные. Одни говорят о том, что *«пришедший глава разогнал многие отделы в администрации»*, другие с возмущением напоминают о том, что *«сам глава и его заместитель (человек главы) просто ввали все, что они в городе сделают, фактически парализуя работу команды»*.

Косвенным свидетельством того, что прежний глава разрушил все то, что создавалось до него, является свидетельство вернувшегося во власть сегодня заместителя вновь назначенной главы города по финансам: *После ушедшего главы одна разруха. Вообще ничего не осталось. В 2013 году хоть что-то было. Кадры, коллектив... А сейчас вообще ничего нет. Не знаю, за что хвататься. Как Мамай прошел, — с горечью замечает она.*

Это означает, что финансовый блок работы команды был полностью провален, что не могло не отразиться на других рабочих направлениях, за которые отвечала команда.

К моменту возвращения прежней главы во власть требовалась большая работа с командой, которая за годы «безвременья» была просто парализована и разучилась работать в нужном темпе. Первый шаг, который сделала глава по приходу во власть, — восстановила часть своей прежней команды: *Команда была частично восстановлена, после того как ее «зачистил» прежний глава. В нее вернулись три человека. Однако сейчас задачи изменились по сравнению с более ранним периодом. Сегодня им не хватает темпа. Я просто натыкалась на стену непонимания. Сейчас этот маховик раскрутился. Они под меня подстроились. Сейчас понимания больше. И они ускорились значительно.*

Формулируя принципы подбора кадров для команды, она на первый план выдвигает такие качества, как работоспособность, инициативность и компетентность: *Мне сейчас нужны люди, которые будут работать и днем, и ночью. Причем абсолютно бескорыстно. Выполняя любую работу... Люди должны быть инициативные и грамотные. Мне надо сначала вернуться на старую ступеньку, а потом сдвинуться с мертвой точки. И двигаться вред. Для этого надо работать и днем, и ночью. Иначе мы долго-долго не вернемся к старой отметке.*

Признает необходимость корректировки команды вновь пришедшей главы и ее прежний соратник, известный в городе предприниматель, бывший секретарь местного отделения партии ЕР: *Я знаю всех членов ее команды И как житель города, и как участник политической жизни. С чем-то я согласен, с чем-то нет. С чем-то категорично нет. С отдельными личностями. Именно из-за уровня их профессионализма. Сейчас надо команду заново собирать. Прежний глава разогнал многие отделы. С учетом фонда заработной платы — это все настолько грустно... Но команду все равно надо формировать. На это уйдет долгое время. Чтобы вырастить специалиста в любой области надо как минимум год. Молодежь не очень хочет работать Им надо денег сразу и много.*

О неоднозначности восприятия сделанных перестановок в команде со стороны местных политиков говорит председатель городской думы, тем не менее, убежденный в том, что лучше на данном этапе справиться с этой задачей было нельзя: *То, что она возвратила старую команду, воспринимается неоднозначно. Есть фигуры, которые воспринимаются неоднозначно. Но я поддерживаю их возвращение. Некогда молодых учить. Понятно, что вернувшись замам... тяжело. Представьте, после тропических дождей одни аварии. Заместитель по благоустройству говорит мне — трудно втянуться, хотя прошел уже практически месяц. Столько всего! А начинать надо с нуля.*

Конкретную работу по доводке команды до нужного уровня планирует провести, и уже начал это делать, вновь назначенный руководитель аппарата городской администрации. По его мнению, последовательность шагов, которые необходимо сделать, понятна уже сейчас: *Нужна команда, и ее надо создавать... Ее надо учить. Надо, чтобы команда шла вперед, для этого ее надо подтягивать... Надо провести мониторинг, понять, что знают специалисты разных подразделений... Я знаю, что и как надо делать, чтобы была нормальная команда...*

Пусть это команда прежнего главы с добавлением новых фигур... Надо посмотреть, где были провалы... Дать команде работать, зажечь ее, независимо от того, под каким руководителем она работала раньше... Если совсем антагонисты, то они, естественно, работать не будут... Главная задача — сделать так, чтобы в городе был прорыв. Для этого работник каждый день должен приносить какую-то пользу... А не просто отсиживаться на работе... Он должен нести ответственность... и делать лучше для людей, живущих в городе.

Первые шаги по восстановлению работоспособности команды уже были сделаны, но их нельзя признать достаточными: Для меня сейчас важно понять, сможет ли эта команда двигаться вперед? Я пока на 100 % не могу этого сказать. Я послушал руководителя территориальной комиссии, начальника управления организационной работы, кадровой службы, системного администратора, и др. Они пришли ко мне в кабинет, все напряженные и заикнулись... В процессе разговора у них глаза загорелись... Через некоторое время я почувствовал обратную реакцию. Весь аппарат должен работать, на задачу, которую ставит глава. Здесь, и участие в федеральных программах... Надо чтобы все они владели способностью работать с информационными программами. За работником надо смотреть, может его на какой-то другой участок следует передвинуть... я хочу дойти до каждого сотрудника и с каждым поговорить. Это важно, чтобы понять слабые стороны администрации. Без этого мы не сможем продвинуться вперед. Самое главное, чтобы у этих людей была ответственность. За те решения, которые мы выработываем... Меня что поразило, — их спокойствие. Нюха у них пока нет.

Действия нового руководителя аппарата поддерживаются депутатским корпусом. И это не случайно. Он смог внятно расставить приоритеты и согласился с тем, что власть исполнительная лишь исполняет то, что предлагает власть законодательная: Мне нравится руководитель аппарата. Он человек новый... Он собрал аппарат городской думы и сказал, вы законодатели, а мы исполнители... И по-другому никак не должно быть. Когда он пришел и увидел, что нет ответов на 186 писем, он быстро включился в работу. Ведь это народ, со своими просьбами и обидами.

Итак, проведенный анализ ситуации с кадровыми перестановками в команде старой главы, вновь вернувшейся во власть в городе Z, убедительно свидетельствует о том, что даже сильный и мотивированный

лидер не может справиться со всеми задачами, если его команда не сформирована. Поэтому первое, что делается, — восстанавливается команда. Хотя сделать это не так просто. Данный кейс убеждает в том, что проблема состава команд и уровня профессионализма, особенно ключевых замов, остается приоритетной на всех этапах работы любого главы города. При этом время все более требует менять принципы подбора команды не в сторону лояльности, а в профессиональном направлении. Дефицит профессионализма в малых городах столь велик, что незначимыми являются даже такие важные параметры отбора, как возраст и образование. На первый план выдвигаются опыт, умение достигать поставленных целей, ориентация на конкретные результаты, высокий мотивационный уровень, выраженная работоспособность.

Рассмотренный кейс города Z позволяет убедиться в том, что персональные стратегии и личность главы очень важны при формировании команды. Мотивация команды во многом определяется тем, кто возглавляет команду. Даже в том случае, если глава уходит, но потом возвращается, его последователи могут вновь пополнить команду, несмотря на свои личные предпочтения. Вопрос о том, могут ли члены команды в такой ситуации взять лидерство на себя, остается открытым. Не исключено, что в ситуации повторного становления команды это будет зависеть не только от уровня профессионализма ее членов, но и от характера поведения самого главы. Если глава склонен к тотальному контролю над членами своей команды, то эффект «солидерства» не возникнет, даже если команда будет готова работать по этой модели.

Команда главы G: последователи сформированы, но...

В городе G исследование проводилось только в 2020 г. Однако все командные изменения на протяжении последних десяти лет мы пытались зафиксировать в проводимых интервью, ставя перед информантами задачу: рассказать, что именно происходило с командой десять лет назад и что происходит сегодня.

Важно подчеркнуть, что если сегодняшнее состояние команды воспринимается как вполне достойное, то почти десять лет назад это было совсем не так. Сегодняшняя хорошая команда — результат усилий прежнего главы, ныне министра территориального развития краевого правительства, который, придя к власти, начал изменение ситуации в городе с формирования своей команды по новым принципам: *Пришедшего в 2012 году главу сначала района, потом вновь образованного*

городского округа поддерживали, и многое в городе стало происходить позитивного. Люди это увидели сразу. Он прекратил войну между властью и компанией М. Он захотел сделать власть результативной. Это ему удалось. Ему пришлось пойти на очень непопулярные меры. Он перетряхнул администрацию. Очень хорошо их потряхнул. Его девиз: «Вы работаете, если не можете — учитесь, если учиться не можете — уходите». Он нашел сити-менеджера, который после его ухода возглавил городской округ. С тех пор и до сегодняшнего дня город в числе первых по вхождению в различные проекты. У нас сразу проспект отремонтировали. Начали стройку. Очень многое сделали по благоустройству города. Раньше трава была по пояс. Была разруха... Теперь ты заезжаешь в город и видишь, пусть маленький, но уютный городок. Вполне себе современный. Даже с маленьким фонтанчиком. Со своей Красной площадью. Маленькой. Зайдите в парк Гагарина и посмотрите. Это только начало, — делится своими воспоминаниями один из наших информантов.

На вопрос о том, сформирована ли сегодня у главы города G команда, подавляющее число респондентов дает положительный ответ, включая самого главу. Важно, что такую оценку дают как сами члены команды, так и те, кто в нее не входит. Высокие оценки команды, в которой работают сотрудники администрации, достаточно распространенное явление, однако в данном случае они имеют выражено позитивный характер с элементами гордости за свою команду и свою работу: *У нас хорошая команда. Я горжусь тем, что я в ней работаю. Мне странно, что может быть как-то иначе. Ведь хорошая команда — это оценка главы в первую очередь, ведь это его команда. Можно сказать, что мы все идем за главой и вместе с ним. Людей, которые не лояльны, в команде просто нет. Даже если они раньше были, — убеждена начальник управления внутренней политики и организационной работы.*

К высказанному мнению присоединяется и начальник управления культуры, которая подчеркивает важное качество главы — способность помогать членам команды в реализации задуманных ими проектов: *У главы есть команда. Это безусловно. Любое начинание, которое глава привносит, командой поддерживается. Если мы хотим что-то сделать..., мы знаем, что он нас поддержит. Он найдет нужные связи, в том числе в крае, чтобы нам помогли задачу реализовать. Или найдет помощников на градообразующем предприятии.*

Основным достоинством команды, по ее мнению, является способность к взаимодействию между различными управлениями, что позво-

ляет более динамично реализовывать городские проекты. Высказанная позиция хорошо согласуется с тем, о чем в своем интервью говорит начальник управления внутренней политики: *Когда к нам приезжают сотрудники из других муниципалитетов и видят наши взаимоотношения на любом мероприятии, они подчас удивляются. Отношения между членами команды все равно видны. Как и связи, которые есть между управлениями, между учреждениями, которые им подведомственны. Все удивляются, но мне удивительно, как это может быть по-другому. Мне говорят: у нас нет такого взаимодействия... между культурой и образованием. Между культурой и коммунальной сферой. А я не понимаю, как можно по-другому работать. С тем же образованием. Что мы без них, и что они без нас?*

Работа команды не осуществляется автоматически, ее надо сформировать исходя из стратегии развития: *Когда человек видит траекторию развития территории, он подбирает команду, которая к нему подстраивается. Он формирует команду единомышленников. И команда идет с ним в одном направлении, когда задачи поставлены. Наша команда сформирована именно таким образом еще в 2013 году, —* напоминает руководитель управления экономики городской администрации.

Но и это не все. Необходимо пополнять команду, подбирая новых сотрудников, поддерживать мотивацию членов команды, обеспечивая им карьерный рост. Похоже, что с этим глава и остальные руководители управлений вполне справляются: *В формировании команды все участвуют. Люди, которые приходят ко мне на работу в управление, согласуются не только с главой, но и с заместителем. От меня зависит рекомендовать или не рекомендовать человека. У нас из управления много людей ушло на повышение в наших структурах. В муниципальные учреждения. Они здесь выросли как специалисты. Почему у нас растут сотрудники? У нас большой круг общения. Когда они проходят школу постоянного общения со специалистами разного уровня, в том числе с предпринимателями, они становятся другими, более востребованными людьми, —* заверяет начальник управления экономики.

Городские предприниматели, в свою очередь, оценивают работу городской команды как результативную, связывая это с ее обновлением. Вот что думает один из них: *У нас в городской администрации сегодня есть команда, которая работает сообща... Правильно бывший глава сделал, — команду поменял, посадив туда людей, которые могут*

работать. Много лет старые сотрудники ничего позитивного не делали. Уже и работать не хотели... И мыслили по-старому. Сегодня команда — это ресурс для развития города. Без этой команды, которая сегодня есть в администрации, глава один ничего бы не сделал. Взаимодействие в команде, общее видение цели- обеспечивает эффективность управления и позволяет достигать результативности при реализации проектов.

Сам бывший глава, а ныне министр территориального развития признает, что ему пришлось кардинально поменять состав команды в 2012 г., чтобы начать преобразования, которые впоследствии привели к заметным позитивным изменениям в городе. *Я пришел и менял команду практически целиком, процентов на 80 % Где я брал новых работников? Людей доставал из темных углов. Люди всегда есть, надо уметь их разглядеть. Специалистов толковых, которые работали в администрации, подтянул наверх. Вот так и получилось.*

Но есть и более осторожные оценки действующей команды: *Мне кажется, что команда разная. Если взять сферу ЖКХ, то там сложно. Там присутствует апатия. День прошел и ладно. Те, кто в аппарате, те с желанием работают. Иначе просто надо уходить. Зачем ходить на работу, если нет живого настроения? Яркости в глазах?*

Подтверждает тезис о том, что команда не идеальна, и главный редактор местной газеты: *К управлению ЖКХ в команде больше всего вопросов. Я понимаю, бывая на аппаратных совещаниях, что есть вещи, о которых они просто умалчивают. Глава не спросил — и, слава богу. Какие-то нереализованные вещи переходят из недели в неделю. Отчитались, что сделали, идешь смотришь — не сделано. Не все так идеально.*

Следует заметить, что к моменту нашего исследования, видимо учитывая критику, глава менял своего бывшего зама по ЖКХ на нового, который пока не успел себя показать, но с которым члены команды связывают успехи в будущем.

Глава городского округа оценивает свою команду достаточно высоко, полагая, что без команды он не смог бы реализовать все необходимые городские проекты: *В принципе меня команда устраивает. Если бы она меня сильно не устраивала, то я бы не знал, как с ней работать. Команда нужна. Один всего не охватишь. Хочется делать все качественно, тем более что мы работаем в очень большом количестве проектов. Многие процессы надо контролировать.*

Размышляя о принципах формирования команды, он выделяет главные из них, которыми руководствуется в своей работе: *Команда для управления городом должна включать подготовленных людей. Готовить людей с нуля у меня просто нет времени. Эта подготовка включает не только исключительно профессиональные навыки. Важны человеческие качества руководителя. Например, умение общаться с людьми. Мне пришлось поменять руководителя ЖКХ, потому что ему не хватало коммуникационных навыков. У него постоянно были конфликты со всеми. С управлениями, с населением. Первый принцип подбора и сохранения в команде — человек помимо специальных знаний должен обладать коммуникативными навыками. Второе — важны ценности человека. Именно из них он выстраивает приоритеты. Мы строим здесь свои приоритеты, и обсуждаем их на уровне правительства. У нас не должно быть разногласий, в том числе ценностных, по выделению приоритетов. Иначе член команды будет противодействовать работе, и тогда ничего не получится.*

Глава города достаточно осознанно работает с теми, кто не смог вписаться в коллектив: *Я весьма жестко работаю с теми, кто способен подстрекать свой коллектив. Таких я сразу убираю, я с ними не разговариваю. Их сразу видно по настроению. По мотивации. С мотивацией надо уметь работать, и понимать, как она строится у человека, зависит ли она от внешних причин, или ему важнее самого себя уважать. Если я доверяю человеку, и даю ему свободу действий, это его мотивирует. Он сам принимает решения. Сам их реализует. И сам получает удовольствие. Я не даю, и не проверяю каждый шаг. Самостоятельность — это важно, ее нельзя недооценивать. Людям нравится быть самостоятельными.*

Отличительной особенностью ситуации, которая сложилась в городе G, является тот факт, что команда главы не ограничивается городской администрацией. В нее по факту входят и руководители компании M, и депутаты краевой думы, и председатель думы городского округа, и даже министр территориального развития. Такая конструкция команды помогает привлекать дополнительные ресурсы в город и реализовывать приоритетные проекты. В этой связи рамки команды расширяются, а следовательно, управление такой командой значительно усложняется. Именно так считает глава: *Чем команда сплоченнее, чем большее число уважаемых людей со стороны в нее входят, тем труднее работать главе. Проще работать одному. Глава сам за себя отвечает,*

никто ему не указ. Есть города, где нет депутатов ЗС. Есть города, где директора предприятий вообще не занимаются развитием города. У нас все по-другому. Я постоянно нахожусь в диалоге со всеми. С депутатами ЗС, с Правительством, с тем же министром территориального развития, и с Председателем Думы городского округа, и с генеральным директором... Если у меня что-то не получается, то я должен ответить перед всеми, почему так случилось. Это повышает ответственность, твоя работа постоянно проглядывается и контролируется. Ты обязан быть эффективным.

Итак, собранный аналитический материал позволяет заключить — команда последователей и партнеров в городе G сложилась. Но все же нельзя утверждать, что ее формирование завершено. Наиболее сложные участки городского хозяйства пока не закрыты окончательно. Тем не менее, расширенный состав команды, ее умение работать с использованием модели партнерства делает ее наиболее эффективной командой в сравнении с теми вариантами, которые были исследованы нами в других городах. Безусловно, когда работа в городе идет вместе с сильным и ресурсным партнером, мотивация у членов команды не может не повышаться. Особенно в том случае, если глава территории умеет быть адекватным и использует приемлемые и взвешенные способы работы со своей командой. На наш взгляд, именно команда в городе G в наибольшей мере способна через некоторое время действовать по модели солидерства, хотя бы потому, что многие ее члены приучены брать ответственность на себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ТРЕБУЮТСЯ НОВЫЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ КОМАНД

Проведенное исследование процессов командообразования на примере пяти малых российских городов позволило убедиться в том, что пока формирование команд в этих городах является непростой задачей. Первая из причин — кадровый дефицит. Однако, несмотря на то, что практически каждый глава отсылает к сложившейся нехватке кадров, дело не только в ней.

Первое и основное — пополнение команды, как правило, идет за счет сторонников, которые вместе с главой шли на выборах к победе или доказали свою преданность во время совместной работы за пределами администрации. Привязанность к своим людям в противовес компе-

тентности — довольно распространенный способ отбора команды. Окружение себя своими людьми не столь плохое дело, однако, это работает только в том случае, если свои люди одновременно являются профессионалами. Не менее важную роль играют психологические особенности лидера команды. Нередко скорость ее формирования зависит не от дефицита кадров, а от персональных качеств руководителя, который не может расстаться с преданными людьми из команды, что убедительно вытекает из примера города Y.

Важный аспект формирования команды — согласие вновь избранного главы работать с членами команды прежнего главы. Как показало исследование, это вариант, который имеет место в практике формирования команд, однако он разделяется далеко не всеми представителями элитного корпуса. Это означает, — глава при формировании команды нередко находится под давлением своих элит. Это наглядно показывает пример города A. Сохранение старой части команды в новом составе — весьма трудное дело, которое возможно осуществить лишь при условии, если глава считает, что это единственный путь сохранения и развития команды. В противном случае подобный шаг лишь затрудняет работу команды из-за постоянных сомнений в правильности сделанного шага и ответного недоверия со стороны тех, кто не ушел и остался на своих рабочих местах.

Весьма интересен пример командообразования в городе Z. Он показывает, что уход главы со своего поста фактически приводит к разрушению команды, особенно если вновь пришедший глава оказывается слабым и немотивированным к работе с командой. Даже если в ней остаются члены команды от старого главы, потеряв лидера, они либо покидают команду (речь идет, прежде всего, о ядре команды), либо остаются на местах, но должной включенности в работу, как правило, не демонстрируют. Вновь вернувшись во власть, глава города Z была вынуждена вернуть на ключевые посты прежних лиц, будучи уверенной, что только с ними она может реализовать сложные задачи по восстановлению ситуации в городе. Важно, что она смогла извлечь уроки из прошлого срока пребывания в должности. В новой команде глава города поменяла фигуру старого руководителя аппарата, которого не принимали городские элиты, отказывая ему в профессионализме, в момент проведения первого этапа исследования. Вновь пришедший глава аппарата не стремится избавиться от всех прежних членов команды, но намерен оценить уровень компетентности каждого со-

трудника, а потом принимать решение об их возможности работать в команде нового главы.

Пример города X — хорошее подтверждение того факта, что слабый глава не способен сформировать сильную команду. Способы работы главы с командой весьма важны для ее развития, но если он не заинтересован в росте членов команды, тогда команда быстро теряет интерес к работе, выполняет только необходимые требования со стороны вышестоящего уровня власти и перестает быть заинтересованной в улучшении ситуации в городе. Это приводит к стагнации, и, в конце концов, команда разваливается. Частичные замены ядра команды (новый первый заместитель из бизнеса) способны в принципе привести к переменам, но не всегда приводят к ним фактически. В городе X преобразования в команде начались слишком поздно, главу сняли через два месяца, поэтому увидеть, как смог первый заместитель повлиять на команду, нам так и не удалось.

Город А является своеобразной территорией, которая, на момент проведения и первого, и второго этапов исследования, обладала командой, не отторгаемой городскими элитами, которую они характеризовали как «среднюю». Новый глава, пришедший к власти, оказался в сложной ситуации и не пошел по пути однозначной смены ядра команды прежнего главы. Работать ему в этой ситуации было непросто, но он принципиально хотел добиться от сторонников прежнего главы хорошей работы уже под своим руководством. Это оказалось сложным делом и потребовало терпения обеих сторон. Но все же профессионалы, на которых рассчитывал глава, остались в команде. Важно подчеркнуть, что подобный выбор вполне рационален при кадровом дефиците, однако не гарантирует полноценной работы команды. Силы, отданные на переориентацию команды «на себя», могли бы быть мобилизованы на достижение иных командных целей.

Город G из всех исследованных городов располагает наиболее подготовленной командой, работа которой больше, чем в других случаях, отвечает модели солидёрства. Лидер команды использует полицентричную модель власти, доверяет членам своей команды, предпочитая партнерство всем другим моделям взаимодействия. Важно, что и команда доверяет своему лидеру. Для такой команды переход к модели солидёрства вполне возможен. Однако пока этот переход осуществился лишь частично. Далеко не все позиции в команде занимают лица с требуемым уровнем профессионализма.

Ситуация осложняется тем, что команда работает под постоянным контролем со стороны градообразующей компании, что, безусловно, снижает уровень свободы членов команды, так как только лидер команды и иногда его заместитель выстраивают взаимодействие с компанией, тогда как другие члены команды таких выходов на компанию не имеют. Это явно сужает их масштаб самостоятельных действий. В потенциале они могут работать по модели солидёрства, но внешние условия им этого не позволяют.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: пока ситуация с командами в малых российских городах далека от совершенства. Командное строительство каждого из глав очень зависимо от внешних факторов. Оно усугубляется низкими зарплатами сотрудников, в том числе входящих в ядро команды. Поиск энтузиастов для работы в командах не всегда возможен, тем не менее, наладить эффективную работу команды возможно. Слабый лидер не имеет сильной команды. Отсюда, самый короткий путь к формированию сильной команды — сильное лидерство. Это хорошо подтверждается позитивным примером города G и негативным города X. Консервативность институтов власти приводит к тому, что работа с командами в малых городах строится чаще всего по привычным стереотипным принципам. Однако рутинные практики работы с командами не приносят желаемого результата. Нужны новые подходы и новые решения.

Предлагаемый переход от единоличного к командному лидерству — одна из возможных идей оптимизации работы команд. Однако и она пока не может быть реализована в должном масштабе.

Проведенное эмпирическое исследование подтверждает важный вывод: пока городские команды вряд ли могут работать по модели солидёрства. Управленческая культура на практике строится по другим образцам, согласно которым лидер остается ключевой фигурой в команде, принимающим все важные решения. Смена управленческой парадигмы потребует времени, но это не означает, что процесс формирования новых ценностей управления командными процессами нельзя начать уже сегодня. Возрастающая ответственность и расширение задач, стоящих перед муниципальной властью, неизбежно приведут к тому, что в команде будет востребован не один, а несколько лидеров, формировать которых нужно начинать сегодня. Необходимо, чтобы принципы работы команд были изменены, хотя бы для того чтобы лидер команды мог более эффективно работать.

Литература

Базаров Т.Ю., Рыбкин И.В., Пыrkова Т.С. Управленческие команды и их формирование / под ред. Т.Ю. Базарова. М.: ИПК госслужбы. 2009. 51 с.

Белбин М.Р. Типы ролей в командах менеджеров: пер. с англ. М.: НИРО, 2003. 220 с.

Белбин Р.М. Команды менеджеров: как объяснить их успех или неудачу: пер. с англ. 2-е изд. Лондон: Кивитс, 2007. 238 с.

Виханский О.С., Миракян А.Г. Новое тысячелетие: управленческие аномалии и современные концепции лидерства // Российский журнал менеджмента. 2018. № 1. С. 131–154.

Долгов М. В. Особенности управленческих команд на государственной гражданской службе // Вестник РУДН. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2018. Т. 5, № 4. С. 365–373.

Долгов М. Модель «5F» — геометрия команды, создающая энергию. Краткое руководство к действию для лидеров. М.: ИП Долгов Максим Валерьевич, 2016. 192 с.

Жуков Ю.М., Журавлев А.В., Павлова Е.Н. Технологии командообразования. М.: Аспект Пресс, 2008. 320 с.

Корниенко В.И. Формирование управленческих команд нового поколения. М.: РАГС, 2000. 150 с.

Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика (на примере Ярославской и Самарской областей). М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2002. 324 с.

Маслюкова М.В. «Золотые правила» менеджмента новой эпохи // Консультант. 2005. № 9. С. 18–25.

Управление персоналом / под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2002. 560 с.

Филонович С.Р. Лидерство как интегральная проблема наук о поведении // Российский журнал менеджмента. 2007. № 5 (4). С. 91–100.

Филонович С.Р. Теории лидерства в менеджменте: История и перспективы // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1 (3). С. 3–24.

Чирикова А. Е. Кризис лидерства и новые ценности глобального менеджмента // Персонал-Микс. 2002. № 9. С. 79–88.

Чирикова А.Е. Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе М.: Издат. дом «Высшая школа экономики», 2017. 414 с.

Чирикова А.Е., Сельцер Д.Г. Малые российские города: распределение власти между главой города и его командой // Власть и элиты. 2014. № 1. С. 348–384.

Шебураков И.Б. Формирование проектных команд в государственных органах // Управление развитием персонала. 2017. № 1 (49). С. 16–24.

Источники

Стартовала программа обучения управленческих команд российских городов // Сайт «Сколково». 21.07.2020. URL: <https://www.skolkovo.ru/news/star-tovala-programma-obucheniya-upravlencheskih-komand-rossijskih-gorodov/> (дата обращения: 10.06.2021).

TEAMS OF HEADS OF SMALL RUSSIAN CITIES: VECTORS OF CHANGE

A. Chirikova

(chirikova_a@mail.ru)

Federal State Institution of Science,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Citation: Chirikova A. Teams of heads of small Russian cities: vectors of change. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (2): 72–112. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.4>

Abstract. *In this article, based on empirical research, the level of professionalism of the teams of heads of five small towns in three Russian regions is assessed. The cases differ significantly, but most of them (4 out of 5) are towns with a difficult socio-economic situation, which has noticeably deteriorated in recent years.*

Interviews with key figures in urban politics, business and experts allowed us to describe specific decision-making practices in teams. The assessments of both the team members themselves and the leaders of the executive branch were taken into account, as well as the opinions of persons with experience of interaction with the team and their leaders. The study showed that the practices of distribution of power in urban teams, despite all the similarities, are not universal. Authoritarian forms of interaction with the teams on the part of the municipal leaders remain dominant. The readiness of teams to work according to the “co-leadership” model remains rather low. However, it is possible that with the improvement of the socio-economic situation and adequate selection of candidates for the post of heads of towns, the situation may change.

Keywords: *small town, head of the town, the mayor’s team, leadership, co-leadership” model, team performance.*

References

Bazarov T.Yu., Rybkin I.V., Pyrkova T.S. *Upravleniye komandy i ikh formirovaniye* [Management teams and their formation]. Ed. by T.Yu. Bazarov. Moscow: IPK gossluzhba. 2009. 51 p. (In Russian)

Belbin M.R. *Tipy roley v komandakh menedzherov* [Team roles at work]. Moscow: HIPPO, 2003. 220 p. (In Russian)

Belbin R.M. *Komandy menedzherov: kak obyasnit ikh uspekhi ili neudachu* [Management Teams. Why They Succeed or Fail]. 2nd ed. London: Kivits, 2007. 238 p. (In Russian)

Chirikova A.E. *Krizis liderstva i novye tsennosti globalnogo menedzhmenta* [Leadership crisis and new values of global management]. *Personal-Miks* [Personnel-Mix], 2002, 9, pp. 79–88. (In Russian).

Chirikova A.E. Ledyayev V.G. *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in a small Russian town]. Moscow: HSE, 2017. 414 p. (In Russian)

Chirikova A.E., Seltser D.G. *Malye rossiyskie goroda: raspredelenie vlasti mezhdru glavoy goroda i ego komandoy* [Small Russian cities: distribution of power between mayor and his team], *Vlast i elity* [Power and elites], 2014, 1, pp. 348–384. (In Russian)

Dolgov M. *Model' «F5» — Geometriya komandy, sozdayushchaya energiyu. Kratkoe rukovodstvo k deystviyu liderov* [Model “5F” — Team geometry that creates energy. A quick guide to action for leaders]. Moscow: IP Dolgov Maksim Valeryevich, 2016. 192 p. (In Russian)

Dolgov M.V. *Osobennosti upravlencheskikh komand na gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe* [Features of management teams in public service bodies], *Vestnik RUDN. Seriya «Gosudarstvennoe i munitsipalnoye upravleniye»* [перевод], 2018, 5 (4), pp. 365–373. (In Russian)

Filonovich S.R. *Liderstvo kak integralnaya problema nauk o povedenii* [Leadership as an integral problem of behavioral sciences], *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2007, 5, pp. 91–100. (In Russian)

Filonovich S.R. *Teorii liderstva v menedzhmente: Istoriya i perspektivy* [Leadership Theories in Management: History and Perspectives], *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2003, 1, pp. 3–24. (In Russian)

Kornienko V.I. *Formirovaniye upravlencheskikh komand novogo pokoleniya* [Formation of new generation management teams]. Moscow: RAGS, 2000. 150 p. (In Russian)

Lapina N.Yu., Chirikova A.E. *Regiony-lidery: ekonomika o politicheskaya dinamika* [Leading Regions: Economy and Political Dynamics]. Moscow: IS RAS, 2002. 324 p. (In Russian)

Maslyukova M.V. “Zolotyye pravila” menedzhmenta novoy epokhi [“Golden rules” of management of a new era], *Konsultant* [Consultant], 2005, 9, pp. 18–25. (In Russian)

Sheburakov I.B. *Formirovaniye proyektnykh komand v gosudarstvennykh organakh* [Formation of Project Teams in Government Bodies], *Upravleniye razvitiyem personala* [Personnel development management], 2017, 1, pp. 16–24. (In Russian)

Upravlenie personalom [Personnel Management]. Ed. by T.Yu. Bazarov, B.L. Eremin. 2nd ed. Moscow: Uniti, 2002. 560 p. (In Russian)

Vikhansky O.S. Mirakyan A.G. *Novoe tysyacheletiyе: upravlencheskiye anomalii i sovremennyye kontseptsii liderstva* [New Millennium: Management Anomalies and Modern Concepts of Leadership], *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal], 2018, 1, pp. 131–154. (In Russian)

Zhukov Yu.M., Zhuravlev A.V., Pavlova E.N. *Tekhnologii komandoobrazovaniya* [Team building technologies]. Moscow: Aspekt Press, 2008. 320 p. (In Russian)

ПОЛИТИКА И ВЛАСТЬ ЗА РУБЕЖОМ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В КНР (ВРЕМЯ ХУ ЦЗИНЬТАО)

К. Мацузато, Д. Сельцер¹

Токийский университет,
Токио, Япония
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия

Цитирование: Мацузато К., Сельцер Д. Государственная кадровая политика в КНР (время Ху Цзиньтао) // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 113–133.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.5>

Аннотация. Представлен дизайн полевого исследования, проведенного авторами в Китае, их видение общей логики кадровой политики от Мао Цзэдуна до Ху Цзиньтао, взгляд китайских чиновников на кадровые процессы и состояние кадров политического управления КНР, даны примеры конкретных карьер китайских руководителей регионального уровня и обобщены типичные карьерные треки партийных работников. Авторы полагают, что кадровая система современного Китая получила свой законченный вид во время руководства страной Ху Цзиньтао. Составляющими этой политики авторы называют открытое выдвижение кадров, экзамены, аттестацию, ротацию и элементы децентрализации аппаратного управления. Эпоха Си Цзиньпина наложила много ограничений на жизнь карьерных партийных работников, но еще не внесла принципиальных корректировок, деформирующих логику кадровых процессов, пришедших из времени Ху.

Ключевые слова: Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин, Китай, Коммунистическая партия Китая, кадровая политика, кадровый контроль, кадровый рекрутинг, кадровые механизмы.

¹ Автор для связи. E-mail: seltser@yandex.ru.

ВВЕДЕНИЕ

Полевое исследование, проведенное нами в КНР в 2011 г., стало частью крупномасштабного проекта «Региональные державы в Евразии» («Major Regional Powers in Eurasia»). Проект реализовывался в 2008–2012 гг. Его целью было разностороннее сравнение трех региональных держав того времени — Индии, Китая и России. Проект оказался своевременным по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, в связи с началом падения однополярного мира в 2003 г., когда США начали войну в Ираке. Оттого внимание к странам с очевидными лидерскими амбициями было вполне актуально. Во-вторых, многое исходило от немалой внутренней рефлексии самих исполнителей — постсоветологов, принимавших участие в проекте. Они активно искали свою исследовательскую идентичность, ведь нельзя же все время идентифицировать себя с тем, чего уже нет — навечно оставаться специалистами *post* («после чего-то») или *former* («бывшего чего-то»). Это как минимум некомфортно для ученого.

Проект состоял из шести исследовательских групп. Одна из них сравнивала внутреннюю политику Индии, Китая и России. Авторы статьи участвовали именно в этой группе и изучали кадровую политику и кадровые процессы в КНР. При этом оговоримся: несмотря на то что мы проводили исследование совместно и одновременно брали интервью у одних и тех же респондентов, каждый из нас сообразно своему опыту и личным научным интересам имел собственный исследовательский фокус. Профессор Мацузато сосредоточился на трех проблемах, имеющих ключевое значение для стабильного развития изучаемых государств, — этнотерриториальном федерализме, управлении мусульманами и местном самоуправлении. Профессор Сельцер сравнивал кадровые процессы внутри двух государственных компартий со столь разными историческими судьбами — КПК и КПСС. Надо отметить, что 2011 г., когда мы проводили полевое исследование, был годом 20-летней годовщины распада СССР, и в Китае существовал выраженный интерес к этому событию. Поэтому и наше сравнительное изучение кадровых процессов СССР и КНР оказалось более чем актуальным, находя понимание и у китайских коллег-обществоведов, и у чиновников. По нашим ощущениям, значение углубленного обобщения опыта СССР/КПСС и сейчас несколько не ниже, чем десятилетие назад. Это видно по формулировкам плановых тем научных сотрудников

Института политологии Китайской академии общественных наук (КАОН) и череды мероприятий в Китае теперь уже по осмыслению 30-летней годовщины распада СССР. Это, нам представляется, твердая политическая линия Си Цзиньпина.

Промежуточные результаты исследования были опубликованы и Мацузато [Matsuzato 2017; Matsuzato, Fumiko 2010; Matsuzato, Tahara 2014], и Сельцером [Сельцер 2011a; 2011b; 2011c]. В предлагаемой статье мы хотим остановиться на том, что пока неопубликовано — на общих оценках модернизации и состоянии кадровой политики КПК в годы руководства страной Ху Цзиньтао.

ДИЗАЙН И РЕСПОНДЕНТЫ

Китай в авторском исследовательском замысле мы изучали сквозь призму знания об СССР/РФ. Мы провели анализ кадровой политики, механизмов кадрового рекрутинга и отчасти состояния кадров *干部* («кадровый рабочий»; это такой содержательный аналог термина «номенклатура» времен СССР, хотя в действительности аутентичного термина в Китае нет). Задачи и логика исследования определялись лично нами, мы же формировали исследовательскую технику, поскольку она была отработана на российском примере.

В Китае мы смотрели, что делало современное руководство в кадровой политике, как контролировало кадры, организовало их расстановку, какие каналы карьерной инфильтрации и мобильности создавало и какие требования предъявляло к кадрам управления. Нам было важно понять, каков китайский кадровый рекрутинг на момент нашего полевого изыскания, как он соотносится с общей логикой кадровой политики КНР и чем отличается от известного советского опыта.

В сущности, мы исходили из фундаментальной научной задачи — потребности дать ответ на вопрос «Почему сохранились КНР и КПК, но исчезли СССР и КПСС?» Ответ на него, разумеется, не будет дан через изучение единственно кадровой политики. Мы это отчетливо понимали. Вместе с тем он виделся нам как один из главных, имея в виду ключевые основы функционирования СССР и КНР.

В ходе полуструктурированных глубинных интервью, проведенных нами, информанты — ученые и партийно-государственные чиновники разного уровня — были единодушны: секрет жизнеспособности Китая — в контроле правящей партией руководящих кадров, как некогда

в СССР. Потеря партией контрольной функции чревата для Китая неизбежным распадом и уходом КПК с исторической арены. Одним словом, считают они, без такого контроля КНР-КПК повторят печальную судьбу СССР-КПСС.

1 этап

Полевое исследование 5–19 января 2011 г. было локализовано Шанхаем и группой городов провинции Хэйлунцзян. Были взяты 17 глубинных интервью (14 мужчин и три женщины-чиновника). Состав респондентов представлен в таблице 1.

Таблица 1

Состав респондентов, 1-й этап

Город	Чиновник	Эксперт	Всего
Шанхай	2	2	4
Суйфэнхэ	6	1	7
Фудзи	3	-	3
Цзямусы	3	-	3
Всего	14	3	17

Три эксперта — это профессора ведущих университетов Китая (старейший и престижнейший университет Китая Фудань /Шанхай/ — один из лидеров в оценках кадровой политики и кадровых практик в КНР, динамично развивающийся как исследовательский Восточно-Китайский университет /Шанхай/ и Хэйлунцзянский университет в Харбине). От профессоров-элитологов и специалистов в области государственного управления было очень важно получить детализированную информацию об общей логике карьерной инфильтрации в Китае, номенклатурных стратегиях и правилах.

От работников самой высокой локальной иерархии (уровень чиновников — председатели и заместители председателей Народных правительств городов, начальники и заместители начальников управлений, комиссий и отделов городских комитетов КПК и Народных правительств) было необходимо получить знания о вполне конкретных кадровых практиках современного Китая, их личных карьерных траекториях.

Мы понимали сложности организации интервью с ними. Местные коллеги проконсультировали нас, как по-китайски верно и эффективнее выстроить логику исследования, ведь в Китае, во-первых, не принято

давать интервью иностранцам (тем более по такой стратегически важной теме). Надо было преодолевать настороженное отношение респондентов. Это достигалось за счет развертывания вопроса. Вначале следовала констатация какой-то ситуации в СССР или РФ, а затем следовал вопрос, а как это происходило и/или происходит в Китае.

Во-вторых, в Китае не принято рассказывать о себе. Для китайца это непривычно, неорганично его национальному характеру, создает ситуацию внутреннего дискомфорта, ведь китаец — коллективист. Оттого пришлось сразу пойти на корректировку исследовательской тактики. Если в России на первый план выходил чиновник (просопографический анализ, этика, целеполагание, поведенческие характеристики), то в Китае — система кадрового замещения. То есть в России институты изучались нами через исследование кадров. В Китае, наоборот, кадры изучались через анализ властных институтов.

В-третьих, в Китае не принято говорить о кадровых делах вне логики внутривластного обсуждения. Только КПК может инициировать подобную дискуссию, никто иной. Это была наибольшая проблема. Но и она преодолевалась через деликатность, вариативность и расширение набора вопросов.

В-четвертых, в Китае очень часто интервьюер приходит с намерением что-то рассказать сам. Он готовился к интервью, выработал для себя комфортную тактику. Это надо понимать, принимать и быть готовым к подобному развитию событий. Кстати, порой такая ситуация переводит само интервью в неожиданную и важную логику. Ты лучше понимаешь ценности китайского чиновника.

Наконец, в Китае респонденты часто используют образную, метафоричную речь. Это ценно, поскольку она, если вдуматься, четко соотносится со столь же метафоричными названиями китайских политических стратегий. Они полны метафор. Так же нередко поступали и наши информанты.

2 этап

22 августа — 1 сентября 2011 г. проект был продолжен в провинции Цзянсу (столица — Нанкин) и Пекине.

Программа второго этапа существенно отличалась от предыдущего. Если на первом этапе основным объектом изучения был субрегиональный партийный работник и его представления о кадровой политике КПК, то на втором этапе им стали главным образом пекинские ученые

из Высшей партийной школы при ЦК КПК, Китайской академии общественных наук и партийные работники разных уровней. Цель была иной — изучить, как в КНР проводится политическая реформа, какие шаги предпринимает государство в политической сфере, как меняется публичная политика и, самое главное, какие требования государство предъявляет к партийному работнику. Состав респондентов представлен в таблице 2.

Таблица 2

Состав респондентов, 2-й этап

Город (провинция)	Чиновник	Эксперт	Всего
Суйчжоу (Цзянсу)	-	2	2
Суйнин (Цзянсу)	1	-	1
Ланшань (Цзянсу)	1	-	1
Пекин	2	2	4
Всего	4	4	8

Первая группа. Ученые-обществоведы (специалисты в области истории КНР и КПК, кадровой работы КПК и научного коммунизма).

От ученых-историков важно было получить оценки трансформационных процессов в КНР и КПК: узнать их мнение о том, в каком направлении протекают политические процессы в современном Китае и как они соотносятся с историей и предшествующей логикой внутренней политики КПК. В сущности, разговор с ними конфигурировался вокруг небольшой группы вопросов. Каковы принципиальные отличия реформы политической системы, проводимой в КНР, от политической реформы, проводимой генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым? Если возможно, какие ошибки, на их взгляд, сделал М.С. Горбачев? Учтен ли неудачный опыт реформирования СССР в стратегическом и текущем планировании реформ современного Китая?

Ученым, специализирующимся в области кадровой политики, задавались вопросы о том, что меняется в современной кадровой политике Китая. Меняется ли модель несения государственной службы? Возможны ли какие-то дальнейшие изменения в этой связи? Есть ли новации? По-прежнему едина ли она? Знают ли они о том, как проводил кадровую политику генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев?

От специалистов в сфере научного коммунизма было важно узнать, как соотносятся современные китайские реалии с классикой научного

коммунизма, его доктринальными основами. Насколько пересмотрены они? Идет ли в Китае дискуссия обществоведов о путях внутривнутриполитического развития КНР? Если да, насколько в эту дискуссию включены политики (деятели партии-государства)?

Вторая группа. Партийные работники.

Работники аппарата опрашивались об установках партии по кадровым вопросам и трансформации самой политической системы. Существуют ли здесь изменения? Если да, какие? Как меняется политическая функция (миссия) КПК в области кадровой политики? Меняется ли сама кадровая политика КПК? Меняется ли система кадрового рекрутинга? Чем она отличается от предыдущих моделей, используемых в КНР? Как «работает» система кадрового рекрутинга? Что надо делать, чтобы продвигаться в административной иерархии, насколько она открыта/закрыта? Есть ли разница между качеством столичных и провинциальных кадров? Есть ли сетевые связи (землячества, одноклассники, однокурсники, коллеги по какой-то работе...)? Есть ли феномен преемственности и/или наследования власти? Как взаимодействуют партийная и представительская ветви власти? Каковы позиции бизнеса (вторгается ли он в мир политики)? Если да, то каковы пределы такого вторжения? Можно ли бизнесмену стать членом КПК и продвинуться в партийной иерархии? Каковы позиции бизнес-элиты в иерархии реального управления?

ОБЩАЯ ЛОГИКА КАДРОВЫХ ПРОЦЕССОВ В КНР

Китайская модель рекрутинга по архитектуре мыслилась и создавалась «первым поколением» во главе с Мао Цзэдуном как клон советской номенклатурной системы. Такой подход просуществовал, однако, недолго. В 1956 г. Мао на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК выступил с речью «О десяти важнейших взаимоотношениях», где призвал не копировать опыт СССР. В 1956–1959 гг. во время кампании «ста цветов» отход от кадровых практик СССР закрепился. В 1964 г. произошел окончательный разрыв с СССР, и разнообразный советский опыт был отринут.

Вместе с тем не был заимствован и западный образец. Наряду с реформами открытости, стартовавшими в 1978 г., в 1983–1984 гг. была проведена кампания по борьбе с «духовным загрязнением» — заимствованием западных образцов. В 1984 г. принимаются «Правила дея-

тельности номенклатурных работников», закрепляющие движение к своему — аутентичному — в кадровой политике.

Могла ли в Китае что-то скорректировать советская перестройка? Нам представляется, что могла и даже что-то успела сделать. Приход к власти М.С. Горбачева (1985) и провозглашение политической реформы Дэн Сяопином (1986) фактически совпали во времени. Готовились политические реформы, большие перемены планировались в СССР и КНР в сфере номенклатурных практик — отбора, подготовки, расстановки, передвижения и контроля кадров партийно-политического управления. Китайская кадровая система в то время была еще в некотором смысле похожа на советскую номенклатурную систему. И так, старт реформ проходил в сопоставимых условиях. Реализация, однако, оказалось разной.

В СССР за короткий период, начиная с пленума ЦК КПСС по кадровым вопросам (январь 1987), XIX конференции КПСС (июнь — июль 1988), внесения изменений в конституции СССР и союзных республик (декабрь 1988), эти реформы были проведены. Их содержание заключалось прежде всего в разделении властей по линии «КПСС — Советы» и изменении порядка занятия государственных должностей в логике «от номенклатурных процедур к выборам в партии и государстве». Реформы стремительно размывали советское государство, в самой серьезной степени ускоряя дезинтеграцию и распад СССР. По сути своей, они сами стали одними из факторов распада, уничтожившими в итоге Советский Союз.

В 1986 г. Дэн Сяопин поставил в повестку вопрос о политической реформе, предполагавшей в том числе реформу кадровой системы, а решения XIII съезда КПК (октябрь-ноябрь 1987) открывали путь большим переменам. Съезд («второе поколение») признал необходимость проведения демократических выборов в партии-государстве. В 1988 г. некоторые установки XIII съезда были реализованы: в структуре Госсовета было создано Министерство кадров, которому от Орготдела ЦК КПК передавался ряд полномочий по формированию кадрового аппарата в Центре и на местах.

Трагические события на площади Тяньаньмэнь в апреле-июне 1989 г. и распад СССР все изменили, и уже на XIV съезде КПК (октябрь 1992) вопросы проведения выборов и разделения функций партии и правительственных органов были изъяты из политической повестки — программы реформы собственно политической системы. Выборы как цель

политических изменений и как средство формирования партийного аппарата страны ушли из официального государственного языка. Руководство КПК, как отметил один из информантов, научный сотрудник института политологии КАОН, боясь катастрофических сценариев развития, уже через год стало искать другие пути формирования кадров партийно-государственного управления и взаимодействия с обществом.

Но, что очень важно, КПК, заморозив политическую реформу в трактовках XIII съезда, пошла тем не менее в кадровых процессах по пяти линиям — открытое выдвижение (1), экзамен (2), аттестация кадров (3), кадровая ротация (4), децентрализация аппаратного управления (усиление кадров локального уровня и высокое качество низовой демократии на стадии обсуждения решений) (5). Эти практики, по сути, были закреплены в проекте «Временного положения о госслужащих» (1988).

1989–2002 гг. — период правления Цзян Цзэминя и «третьего поколения». 1 октября 1993 г. были приняты и введены «Временное положение о госслужащих» (произошла незначительная корректировка проекта 1988 г.). Именно тогда де-факто была создана современная кадровая система КНР. Дальше она подвергалась уточнениям и детализации правилами по утверждению кадров (1995), предложениями по выдвижению кадров (1998), циркуляром об открытом выдвижении кадров (1999), правилами о дальнейшей работе по открытому подбору кадров (1999), «Государственной программой по усовершенствованию кадров» (2000), «Новыми правилами по утверждению кадров» (2002). Тогда же, в последний год правления Цзян Цзэминя, была начата децентрализация госуправления (в 2011 г. шел уже ее четвертый этап) и введен порядок вступления в партию руководителей частных предприятий.

2002–2012 гг. — период правления Ху Цзиньтао и «четвертого поколения». В 2003 г. была принята «Государственная программа по проведению открытого экзамена», в 2004 г. — «Временные правила по оценкам (аттестации) кадров», а в 2005 г. на основе «Временного положения» 1993 г. принят полноценный Закон КНР о государственной службе. В 2005–2006 гг. в Китае прошла кампания по «сохранению передового характера Коммунистической партии Китая» и введению критериев «Восемь почестей и восемь позоров». Нам представляется, главным здесь было сохранение социалистических ценностей и балансирование между разными моделями установления элиты. Время Ху Цзиньтао

в области кадровых решений завершилось в 2009 г. принятием Второй долгосрочной программы по совершенствованию кадров. Именно в этой точке кадровой политики мы и начали исследование.

КАДРЫ ХУ В САМООЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ

Мы уже отмечали, что главное в кадровой политике времени Ху Цзиньтао — выдвижение, экзамен, аттестация, ротация и элементы децентрализации. При этом кадровая политика может быть объективно охарактеризована как системная, последовательная, поэтапно-плановая с отказом от попыток снижения руководящей роли КПК в контроле всего кадрового процесса.

Столь акцентированное внимание к кадровой политике со стороны КПК в 1990 гг. вполне объяснимо. Во-первых, о чем уже говорилось, потрясения 1980-х годов в КНР и рубежа 1980–1990-х годов в СССР заставили руководство КПК понять опасность политики ослабления кадрового контроля. Во-вторых, те же события продемонстрировали, что причинами протеста оказались коррупция и инфляция, так или иначе связанные с неумением чиновников регулировать экономику и управлять социальной сферой. В-третьих, в 1992 г. Дэн Сяопин в ходе известного Южного турне призвал для экономического роста и социально-политической стабилизации общества ускорить преобразования экономики страны на рыночных основах. А это можно было сделать только при улучшении качества руководящих кадров. Фактически он признал тогда состояние кадровой системы страны неудовлетворительным.

Однако 20 лет спустя, к 2011 г., когда мы проводили полевое исследование в китайских провинциях, у местных руководителей КНР наблюдалась гораздо более высокая самооценка: они воспринимали свои усилия по совершенствованию кадровой политики в качестве альтернативы политической конкуренции в западных демократиях — многопартийности, парламентаризму, выборам — как очень успешные. При этом их объяснительная логика в подавляющем большинстве примеров была такова: Китай — его экономика, политические институты и социальные отношения — бесспорно, успешен, значит, самим фактом такой успешности КНР опровергает устоявшееся представление, что без политической конкуренции неизбежны nepотизм, кумовство и клановость, снижающие

качество кадров. Из-за этого распался СССР, чего удалось избежать КНР-КПК, отказавшись от конкурентных выборов на западный манер и чуждых менталитету китайца форм установления собственной элиты — так завершал разговор, пожалуй, каждый респондент.

В 2011 г. мы часто сталкивались с мнением местных руководителей, что их система подбора кадров гораздо лучше западной модели — и по демократизму процесса, выражающемуся в широком участии населения в выдвижении кандидатов, и по меритократическим основаниям служения, и по чувствительности самих кадров к нуждам населения. Один из респондентов, профессор-политолог, очень уверенно сказал, что пусть в Китае нет выборов, зато уровень низовой демократии значительно выше и, как он выразился, честнее, чем где бы то ни было. Такая самооценка в каком-то смысле напоминает нам советскую пропаганду, характеризующую демократию в СССР как более прогрессивную, чем западная буржуазная демократия: нужно отказаться от плюрализма не потому, что «Китай еще не модернизированная страна», а потому, что «китайская система лучше западной». У нас тогда создалось впечатление, что пророчество Дэн Сяопина о «демократии через 50 лет» было уже забыто. Стилистически это, кстати, сильно напоминает обещание Н.С. Хрущева построить в СССР коммунизм к 1980 г. Китай в 2011 г. только что обогнал Японию по ВВП, ныне (2021) ВВП Китая в три раза больше ВВП Японии. Было бы интересно выяснить, какая самооценка у китайских партийных руководителей теперь. Скорее всего, еще выше.

Мы написали об этом не потому, что сомневаемся в качестве китайских кадров государственного управления и не потому, что не допускаем органичности существующих способов управления страной китайскому менталитету и тем более не из-за того, что не видим очевидных успехов разностороннего развития КНР. Мы говорим лишь о самоидентификации китайской элиты: все респонденты настаивают на эффективности китайской политической системы, кадровой политики, китайского чиновника и способах его установления. Собственная эффективность оценивается ими темпами развития и всеми без исключения — меритократизмом, временными- и трудовыми затратами: они, действительно, очень много работают — до позднего вечера и в выходные дни, в чем мы убедились в ходе наблюдений. Причем, как нам показалось, все их разговоры во внерабочее время конфигурировались чаще всего только вокруг работы.

КИТАЙСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

В рамках статьи рассмотрим три набора примеров, характеризующих кадровые процессы в КНР-КПК времени Ху: во-первых, примеры того, как партия налаживала ту самую органичную связь с обществом; во-вторых, примеры типичных карьер китайских руководителей; в-третьих, рассуждения о вертикальных и горизонтальных карьерных треках. Оговоримся, что это не будет ни анализ всех форм этих связей, ни типология этих карьер, ни моделирование этих треков. Скорее предлагаемым сюжетом мы ставим научную проблему и приглашаем исследователей, себя в том числе, к продолжению разговора.

Район «А» — экспериментальное поле нового государственного управления

Китайское правительство выбрало район «А» округа Сюйчжоу провинции Цзянсу в качестве пилотного района для всей страны по проведению эксперимента современного государственного управления. Это не означает, что район «А» признавался передовым и образцовым. Наоборот, по разным индикаторам район объективно оказался самым отсталым среди районов в провинции Цзянсу, хотя по критериям экономического развития Цзянсу — один из самых мощных регионов КНР. Район «А» единственный в регионе, где значительная часть населения не в состоянии заработать прожиточный минимум. Банки принимают вклады от жителей района, но не дают кредитов предпринимателям района, не доверяя их платежеспособности. Секретарь комитета КПК округа Сюйчжоу саркастически сказал нам, что, когда чиновники в Пекине или Нанкине получают жалобу из провинции Цзянсу, они часто отмечают, что не надо смотреть адрес просителя, так как жалоба обязательно из района «А».

Одна из причин трудностей с управлением районом «А» — его избыточный для существовавшей системы управления размер. В Китае среднее население района — около полумиллиона человек. Если население района меньше ста тысяч человек, то им удобно управлять, если больше миллиона человек, то уже очень сложно. К этой категории принадлежит район «А» с населением 1 340 000 человек.

Именно из-за трудности управления «А» был выбран в качестве экспериментального района. Упомянутый секретарь окружного комитета позволил себе в разговоре с нами еще одну шутку: руководители

города Кашгара Синьцзян-Уйгурского автономного района думают только о социальной стабильности, руководителям города Дунгуаня провинции Гуандун позволено думать только о развитии, а руководители «А» должны думать и о развитии, и о стабильности.

КНР построена так, что даже районная система управления (районного правительства и райкома КПК) — миниатюра китайского государства. Там есть филиалы всех вышестоящих ведомств. Поэтому успешные результаты управленческого эксперимента применимы для любого уровня государственных учреждений. Этот опыт постоянно обобщается по самым разным основаниям обобщения. В районе «А» система управления выстроена так, чтобы максимально сократить дистанцию между собой и населением. Это ключевая задача любого местного управленца.

Управленец «Б» из района «А»

Рассмотрим пример карьеры «Б», который в 2011 г. был заместителем секретаря парткома и в то же время председателем правительства одной из волостей района «А».

«Б» родился в 1979 г. В 1998 г., даже не завершив обучение на лингвистическом факультете университета по кафедре китайского языка, «Б» победил в конкурсе на замещение должности заместителя главы села в другом районе (не в районе «А»). В Китае сельские главы избираются на конкурентной основе и после победы на выборах не могут сформировать команду по своему усмотрению: их заместители тоже избираются по конкурсу. Иначе говоря, «Б» оказался «первой ласточкой» практики направления выпускников (или иногда студентов) университетов в провинцию в качестве сельских чиновников. Хотя эта практика приобрела общегосударственный характер после того, как XVII съезд КПК (2007 г.) принял ее в качестве официальной политики, можно проследить ее в экспериментальной форме и выборочном масштабе уже в конце 1990-х годов. «Б» начал свою карьеру как раз в ходе таких экспериментов. Число сельских чиновников, только что получивших диплом о высшем образовании, достигло трех миллионов в 2013 г.; среди них 221 тыс. чиновников начали работать в селах, будучи еще студентами, как и «Б» 15 годами ранее.

Пять лет «Б» проработал в селе. Тогда он был беспартийным, имел хорошие отношения с селянами. По его мнению, этот опыт очень помог ему в последующей карьере. После службы в селе, «Б» победил в другом

конкурсе для продвижения по карьерной лестнице. Конкурсы проводились в два этапа: письменный экзамен, проведенный в другом (не «А») райцентре того же округа, и собеседование в Отделе кадров регионального комитета КПК в столице провинции Цзянсу. «Б» успешно сдал письменный экзамен, так как, по его словам, будучи заместителем главы села, он внимательно читал местный партийный журнал. На этапе собеседования ему удалось показать экзаменаторам, с его слов, буквально — веру в свои силы, и он вошел в первую пятерку кандидатов. Отдел кадров направил «Б» в Управление по работе с ветеранами системы управления района «А».

В 2007 г. «Б» победил в конкурсе на должность заместителя секретаря районного комитета комсомола. Было две вакансии, причем одна из них полагалась женщине по гендерной квоте. На оставшееся место было 7–8 претендентов-мужчин. Требования к претендентам — возраст моложе 28 лет и опыт работы в партии, комсомоле или правительстве более трех лет. Конкурс состоял из двух этапов — письменного экзамена и собеседования. Вопросы письменного экзамена уже не ограничивались проверкой знаний претендентов. Спрашивалось, например, о практической роли комсомола в строительстве гармоничного общества (лозунг, принятый ЦК КПК в 2004 г.) в районе «А».

В июне 2010 г. «Б» перешел на работу заместителя секретаря парткома волости, где он и работал в 2011 г. В этом случае конкурс не требовался, так как заместитель секретаря райкома комсомола и заместитель секретаря волостного комитета КПК по рангу службы (горизонтальной иерархии) одинаковы. Зато проводилось голосование для оценки работы «Б» в районе. В нем участвовало около 100 руководителей района — руководителей партии и правительства, народных депутатов, начальников отделов и сельских глав. Набрав достаточное количество голосов, оценивших работу «Б» положительно, ему удалось перейти с комсомольской на партийную работу — совершить горизонтальный трек. Впрочем, это горизонтальное движение было не слишком значительным, поскольку партийная и комсомольская работа в Китае рассматривается как практически одна сфера, где комсомольская деятельность — подготовительная для службы в партии. К концу 2010 г. «Б» совместил партийную должность и должность главы волости.

Биография «Б» отличается от советской модели рекрутирования и продвижения кадров тем, что у него нет опыта работы в хозяйственных организациях — в колхозе, совхозе, промышленном городском

предприятия. Так начиналась карьера в классическом советском кадровом движении. На наш вопрос по этому поводу «Б» ответил, что китайский закон запрещает совмещение партийной или государственной должности с хозяйственной деятельностью. Работая в волостном правительстве, он часто сталкивается с проблемой экономического характера. Например, от него требуется привлечь инвестиции в волость. Поэтому, как утверждает «Б», можно приобрести знания по экономике даже без опыта работы в хозяйственных организациях.

Вертикальные и горизонтальные треки

В китайской системе кадрового рекрутинга мало горизонтального движения. В советской системе кадров было иначе. Как правило, те, кто получил среднее образование, поступал в институт или начинал работать на производстве. Руководители замечали молодежь, которая показала себя в цехах, в комсомоле, и отправляли их в институт. Кстати, если человек развивался по партийной линии, он, достигнув определенного высокого уровня, направлялся на учебу в зональную Высшую партийную школу (советский аналог современных Академий народного хозяйства и государственной службы, в Китае — Кадровые институты провинций). В Китае, даже когда страна была намного беднее, те, кто получал университетское образование, сразу развивался в системе управления.

Профессор Академии государственного управления в беседе с нами объяснил практику невысокой горизонтальной мобильности исторической традицией Кэцзюй (экзамена для принятия чиновников, установленного в династии Суй в VI в.). По мере развития рыночной экономики и установления современной бюрократической системы горизонтальное движение кадров между партийными, правительственными и хозяйственными органами становится вообще большой редкостью. Если сотрудники предприятия хотят попасть на государственную службу, то они должны сдать государственный экзамен. Работа на предприятии не входит в стаж государственной службы. Один из наших респондентов после окончания университета проработал на предприятии 14 лет и решил перейти на государственную службу. В ведомстве ему пришлось начинать работу с должности, где он имел только одного подчиненного. Если бы он с самого начала карьеры работал в госорганах, то его ранг спустя полтора десятка лет работы был бы намного выше.

Отсутствие горизонтального движения кадров хорошо в том смысле, что в Китае не встречается странный феномен, когда отставной партийный руководитель становится директором архива или музея, не имея никакого опыта работы в архивах и музеях. В СССР это была норма. Однако горизонтальное движение имеет по меньшей мере один существенный изъян — молодежь из городской среды, не говоря уже о привилегированных семьях партработников, никогда не работая в колхозе или на фабрике, не будет иметь опыта работы «внизу» — в деревне или на городском предприятии, не познакомится с реалиями жизни и не накопит производственного багажа.

КПК и китайское правительство сознательно создают систему вертикального движения кадров. Известен опыт «вниз в деревню» во время Культурной революции, однако это скорее идеологизированное, принудительное общественное движение, нежели кадровая политика. Практика «выпускники университетов — сельские чиновники» является примером вертикального кадрового движения. В новом Китае подобная практика почти всегда существовала для хотя бы частичной компенсации отсутствия горизонтального кадрового движения и также из-за не создания государством механизма возвращения молодых выпускников университетов в деревню. Между тем, вертикальный трек позволяет миллионам выходцев из села сформировать карьеру на государственной службе вплоть до дипломатической.

Карьера дипломата «В»

Рассмотрим карьеру дипломата «В», который с 2011 г. был переведен на работу в правительство округа Цзямусы провинции Хэйлунцзян. «В» родился в простой семье в сельском районе в начале 1980 гг. Он считает, что курс «Реформы и открытость» дал ему возможность социального подъема. Он окончил университет лингвистики и внешней торговли. Будучи студентом университета, он начал работать в дочерней структуре МИДа. Попытку августовского путча в СССР встретил в Москве, когда был студентом Института иностранных языков имени А.С. Пушкина. В 1990 гг. работал в посольствах КНР в Казахстане, потом в аппарате МИДа. Повышал свой ранг дипломата через экзамены и конкурсы.

Во время работы в Киеве в 2005–2008 гг. дважды застал парламентские выборы, а также смену четырех премьеров Украины, наблюдал постоянную политическую борьбу, уничтожившую положительные

экономические достижения позднего кучмовского периода. Именно служба в Украине убедила его, что без политической стабильности экономика страны не может развиваться, и поэтому курс КПК верен. Вернувшись в Пекин, он начал работать в Департаменте МИД по Восточной Европе и Центральной Азии. Вскоре, согласно кадровой политике, которая отправляет государственных служащих Центра в провинцию, а местных руководителей обратно в Центр, «В» был отправлен в Цзямусы. Согласно «В», этот обмен кадров между Центром и провинциями начался в конце 1990 гг. Перевод его в город недалеко от России, близ Хабаровска, очевидно, учитывал его прошлый опыт дипломатической службы.

Став заместителем мэра городского округа Цзямусы, он отвечает на жалобы населения и часто объезжает регион. Работа с людьми дала ему новый импульс, не говоря уже о требуемом большом усилии для адаптации в незнакомых климатических и социальных условиях. Он видел своими глазами, что в Китае еще существует огромная разница между городами и селами. В знаменитом в Китае аграрном регионе Хэйлунцзян доход крестьян низок, а медицина, образование и страхование все еще оставляли желать много лучшего. Это для него повод к немалой внутренней рефлексии и стимул к работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Западные СМИ ежедневно сообщают, что политический режим КНР претерпевает серьезные изменения — наблюдаются сужение свобод и усиление культа личности, что особенно заметно в связи с недавними высокими решениями персонально по Си Цзиньпину [Gan, George 2021]. Наверное, здесь есть доля правды, если оценивать случившееся с западных (читай — не китайских) позиций. В марте 2018 г. Всекитайское собрание народных представителей одобрило изменения в Конституцию КНР, из которой убрано ограничение двух сроков на посту генсека для одного человека. 11 ноября 2021 г. Шестой пленум ЦК КПК принял озвученную Си Цзиньпином резолюцию об основных достижениях и историческом опыте КПК. Принятием резолюции, нам представляется, Си Цзиньпин поставил себя вровень с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, авторами резолюций 1945 и 1981 гг. По аналогии с ними, можно предполагать, Си обеспечил себе возможность бессрочного правления и сохранения влияния в партии вплоть до собственной

смерти. Предполагаем, что XX Всекитайский съезд КПК в 2022 г. в третий раз изберет Си генсеком. Некоторые эксперты рассматривают происшедшее как выдвижение нынешнего лидера вровень с Мао Цзэдуном, а его правление — как начало новой эпохи в истории партии и страны [Габуев, Денисов 2021].

Применительно к теме нашего исследования заметим, что с 2012 г. — начала правления Си Цзиньпина и «пятого поколения» — формируется политика жесткой борьбы с коррупцией, нарушениями партийной дисциплины, возвращается контроль партии над всеми сферами жизни общества, происходит некоторая переоценка принципа коллективного руководства [Зуенко 2017а; Li Ch. 2016], иначе выстраивается и властная вертикаль [Зуенко 2017б]. Впрочем, установленные в 1990 гг. принципы кадровой политики — конкурсы (открытое продвижение кандидатов), экзамен, оценка/аттестация, кадровая ротация и децентрализация аппаратного управления — имеют устойчивую внутреннюю логику, а оттого и жизнеспособность. Урбанизация и распространение высшего образования в КНР не могут не влиять на нее благоприятно. Трудно представить отход кадровой политики КНР от этой модели — ни в сторону усиления выборности, ни к возвращению политических назначений. Такая устойчивость, однако, не означает отсутствия внутренних проблем, о чем свидетельствуют чистки в элите и случающиеся сбои в управленческом механизме, когда система власти лишается каналов обратной связи и становится все менее понятной [Габуев, Денисов 2021]. Но нам видится, что Си, укрепляя собственный статус и статус партии, понимает и усиливает кадровую логику, сформировавшуюся при его предшественниках — Цзян Цзэмине и Ху Цзиньтао.

Несколько слов по поводу сравнения двух кадровых политик — СССР и Китая. В СССР ключевым требованием к кадровой политике представлялось максимально широкое использование человеческих ресурсов с тотальным контролем всех кадровых процессов. Из-за этого возникла оригинальная система рекрутирования сельской молодежи, получившей вначале только среднее или среднее специальное образование, и высочайшая горизонтальная мобильность кадров. В Китае же по причине бюрократической традиции страны кадры рекрутировались из числа выпускников университетов. Первоначальная кадровая политика имеет институциональную инертность. В СССР сельская молодежь продолжала быть главным резервуаром для будущих руководящих кадров, даже после широкого распространения высшего образования.

Китайская кадровая политика легко перешла от политических назначений к упомянутой модели, имеющей глубокие культурно-исторические корни.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования Японии (проект «Региональные державы в Евразии») и РФФИ (проект «Объяснение распада СССР и сохранения КНР через анализ кадровой политики. Что сделано “так” в китайском примере и что случилось “не так” — в советском?», № 20-011-00105).

Литература

Габуев А., Денисов И. Выше Мао: зачем Си Цзиньпин переписывает историю Компартии Китая // Московский Центр Карнеги. 25.11.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85863> (дата обращения: 1.12.2021).

Зуенко И.Ю. Китайская политика в эпоху Си Цзиньпина: переоценка принципа коллективного руководства // Россия и АТР. 2017. № 2 (96). С. 231–236.

Зуенко И.Ю. Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 30–46.

Сельцер Д.Г. Изучение системы административного рекрутинга и государственного чиновника современного Китая методом глубинного интервью // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12–2 (104). С. 786–788.

Сельцер Д.Г. Реформы современного Китая в интерпретации китайских руководителей: «случай Суйнина» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12–2 (104). С. 788–792.

Сельцер Д.Г. СССР и КНР, РФ и КНР: транзитарные политические системы в сравнении // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 5 (97). С. 7–11.

Li Ch. Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership. Washington, DC: The Brookings Institution Press, 2016. 528 p.

Matsuzato K. The Rise and Fall of Ethnoterritorial Federalism: A Comparison of the Soviet Union (Russia), China, and India // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69 (7). P. 1047–1069.

Matsuzato K., Fumiko S. Rebuilding a Confessional State: Islamic Ecclesiology in Turkey, Russia and China // Religion, State and Society. 2010. Vol. 38, issue 4. P. 331–360.

Matsuzato K., Tahara F. Russia's Local Reform of 2003 from a Historical Perspective: A Comparison with China // Acta Slavica Iaponica. 2014. T. 34. P. 115–139.

Источники

Gan N., George S. Xi has Cemented his Power in China. Now he's Ready to Meet Biden Virtually // CNN. November 12, 2021. URL: <https://edition.cnn.com/2021/11/12/china/xi-jinping-sixth-plenum-biden-mic-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 29.11.2021).

STATE PERSONNEL POLICY IN CHINA (HU JINTAO TIME)

*K. Matsuzato, D. Seltser*¹

University of Tokyo,
Tokyo, Japan
Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Tambov, Russia

Citation: Matsuzato K., Seltzer D. Gosudarstvennaya kadrovaya politika v KNR (vremya Khu TSzin'tao) [State personnel policy in China (the time of Hu Jintao)]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (2): 113–133. (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.5>

Abstract. *The design of a field study, conducted by the authors in China, their vision of the general logic of personnel policy from Mao Zedong to Hu Jintao, the view of Chinese officials on personnel processes and the state of the personnel of the political administration of the People's Republic of China is presented, examples of specific careers of Chinese leaders at the regional level are given and typical career tracks of party workers are summarized. The authors believe that the personnel system of modern China received its finished form during the leadership of Hu Jintao. The authors call the components of this policy the open nomination of personnel, competitions, certification, rotation and elements of decentralization of hardware management. The era of Xi Jinping imposed many restrictions on the life of career party workers, but has not yet made fundamental adjustments that distort the logic of personnel processes that came from Hu's time.*

Keywords: *Mao Zedong, Deng Xiaoping, Jiang Zemin, Hu Jintao, Xi Jinping, China, Communist Party of China, personnel policy, personnel control, personnel recruiting, personnel mechanisms.*

¹ Corresponding author. E-mail: seltser@yandex.ru.

References

Gabuev A., Denisov I. Above Mao: Why Xi Jinping is rewriting the history of the Communist Party of China. *Carnegie Moscow Center*. 25.11.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85863> (accessed 1.12.2021). (In Russian)

Li Ch. *Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership*. Washington, DC: The Brookings Institution Press, 2016. 528 p.

Matsuzato K. The Rise and Fall of Ethnoterritorial Federalism: A Comparison of the Soviet Union (Russia), China, and India. *Europe-Asia Studies*, 2017, 69 (7), pp. 1047–1069.

Matsuzato K., Fumiko S. Rebuilding a Confessional State: Islamic Ecclesiology in Turkey, Russia and China. *Religion, State and Society*, 2010, 38 (4), pp. 331–360.

Matsuzato K., Tahara F. Russia's Local Reform of 2003 from a Historical Perspective: A Comparison with China. *Acta Slavica Iaponica*, 2014, 34, pp. 115–139.

Seltser D.G. Izucheniye sistemy administrativnogo rekrutiruyemykh i gosudarstvennogo chinovnika sovremennogo Kitaya metodom glubinnogo interv'yū [Studying the system of administrative recruiting and government officials of modern China by the method of in-depth interview]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2011, 12–2, pp. 786–788. (In Russian)

Seltser D.G. Reformy sovremennogo Kitaya v interpretatsii kitayskikh rukovoditeley: «sluchay Suynina» [Reforms of modern China in the interpretation of Chinese leaders: “The case of Suinin”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. 2011, 12–2, pp. 788–792. (In Russian)

Seltser D.G. SSSR i KNR, RF i KNR: tranzitarnyye politicheskiye sistemy v sravnenii [USSR and PRC, RF and PRC: transit political systems in comparison]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 2011, 5, pp. 7–11. (In Russian)

Zuenko I.Y. Ukrepleniye «vertikali vlasti» po-kitayski: kadrovaya politika v ot-noshenii regional'nogo rukovodstva v sovremennom Kitaye [Strengthening of the “vertical of power” in Chinese: personnel policy in relation to regional leadership in modern China]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], 2017, 10 (5), pp. 30–46. (In Russian)

Zuenko I.Yu. [Chinese Politics in the Era of Xi Jinping: Reassessment of the principle of collective leadership]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 2017, 2, pp. 231–236. (In Russian)

КОНТЕКСТНАЯ МОДЕРАЦИЯ АНТИИММИГРАНТСКИХ МОТИВАЦИЙ К ГОЛОСОВАНИЮ ЗА РАДИКАЛЬНЫЕ ПРАВЫЕ ПАРТИИ В ЕВРОПЕ

В.В. Сафронов

(vsafonov@list.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сафронов В.В. Контекстная модерация антииммигрантских мотиваций к голосованию за радикальные правые партии в Европе // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 134–188.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.6>

Аннотация. *Рассматриваются общественные условия в странах Европы, способствующие успехам на парламентских выборах радикальных правых партий (РПП). В предшествующих исследованиях, которые нередко приводят к рассогласованным результатам, недостаточно внимания уделялось теоретическому обоснованию и эмпирической проверке предположений, связанных с влиянием социального контекста на зависимость между антииммигрантскими attitudes и электоральной поддержкой РПП. Анализ опросных данных Европейского социального исследования (ESS, последние раунды) и целого ряда контекстуальных факторов, различающих страны Европы по состоянию экономики, иммигрантского населения, преступности, партийных систем и культуры, проводился статистическими методами двухуровневого логистического моделирования. Он показал, что негативное отношение опрошенных к иммиграции является важнейшей причиной их электоральной поддержки радикальных националистических партий. Эта зависимость особенно отчетливо проявляется в западных странах, но ее можно обнаружить и в Восточной Европе. Структурные, институциональные и культурные факторы лишь очень*

слабо связаны с неодинаковыми показателями успеха этих партий в участвовавших странах. Наиболее отчетливая зависимость обнаруживается при рассмотрении партийных систем. Результаты показывают, что правым радикалам удается добиться успеха в том случае, когда их избирательные призывы получают легитимацию благодаря смещению в консервативно-националистическом направлении основной правой партии или партийной системы в целом. Им удается привлечь больше избирателей также при высокой значимости в партийной системе социокультурных проблем и сильной поляризации партийных позиций по этим проблемам. Целый ряд контекстуальных факторов выступают модераторами зависимостей между антииммигрантскими убеждениями опрошенных и голосованием за РПП. Индивиды, придерживающиеся этих убеждений, отдают свои голоса радикальным партиям особенно охотно, когда в стране живет много иммигрантов или их число быстро растет. Еще одно важное условие — продвижение общества по траектории постиндустриального развития. Антииммигрантские мотивации голосования за националистические партии усиливаются с повышением экономического благосостояния, расширением сектора услуг, укреплением социального государства и при ценностном сдвиге в культуре от ориентаций на устранение тревоги к личностному развитию.

Ключевые слова: радикальные правые партии, парламентские выборы, голосование, антииммигрантские убеждения, контекстуальные общественные факторы, эффекты модерации, Европейское социальное исследование (ESS Round 9).

МАКРОКОНТЕКСТЫ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА РАДИКАЛЬНЫЕ ПРАВЫЕ ПАРТИИ: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Новые радикальные правые партии (РПП), появление которых стало заметным в Европе уже в 1980-е годы, продолжали закреплять в последующие десятилетия свои электоральные успехи на парламентских выборах, хотя случались и провалы. Сегодня они участвуют в политической жизни практически любой из стран Западной и Восточной Европы, составляя в некоторых из них серьезную конкуренцию ведущим левым и правым партиям и играя важную роль в формировании правительств. Их возрождение, как отмечает Й. Ридгрэн, является «важнейшим изменением в политических системах демократических стран за последние три десятка лет» [Rydgren 2018: 1]. Отличительными чертами идеологии радикальных правых партий выступают этнический национализм (нативизм), авторитаризм (неприятие либеральной демо-

кратии, защищающей права меньшинств) и популизм (разделение на коррумпированную политическую элиту и незапятнанный народ, требующий ее смещения) [Mudde 2007; Rydgren 2018: 1–6]. «Новые радикальные партии правого толка содержат в ядре этнонационалистическую ксенофобию и популизм против истеблишмента. В их политических платформах это идеологическое ядро встроено в общий социокультурный авторитаризм, для которого важны такие темы, как закон и порядок и ценность семьи» [Rydgren 2007: 242–243]. Самый важный общий знаменатель популистских правых партий — этнонациональное представление о гражданстве, предполагающее, что государство должно состоять исключительно из представителей определенной нации, а те, кто к ней не относятся, несут угрозу такой однородной нации-государству [Muis, Immerzeel 2017: 910]. Основная общественная проблема для РПП — иммиграция, поскольку приезжие, согласно их аргументам, представляют угрозу для этнонациональной идентичности, становятся главной причиной преступности, отсутствия в обществе безопасности, безработицы и предъявляют необоснованные претензии на социальные блага, что ведет к их истощению [Rydgren 2007: 244].

Многочисленные работы, образующие отдельное направление электоральных исследований, позволили в определенной степени объяснить причины растущей поддержки РПП у избирателей и определить общественные условия, способствующие голосованию за эти партии. Х-Г. Бетц отмечал в начале 1990-х годов, что радикальные правые популистские партии (представленные итальянской Северной лигой, Фламандским блоком в Бельгии, Австрийской партией свободы и немецкой партией Республиканцы) появляются в ответ на глубокие экономические, социальные и культурные трансформации, связанные с «переходом от индустриального капитализма социальных гарантий к постиндустриальному индивидуализированному капитализму» [Betz 1993: 665]. Постиндустриальное развитие, считает Г. Китшелт, — первое условие подъема правого партийного радикализма [Kitschelt, McGann 1995]. Общее теоретическое основание, служащее объяснению подъема популистских радикальных правых, пишет в недавнем обзоре К. Мудде, — «тезис о модернизации, выраженный главным образом в терминах глобализации в исследованиях Западной Европы <...> и трансформации в работах по Восточной Европе» [Mudde 2016: 8]. Эти процессы общественного изменения сопровождались появлением проигравших, особенно в нижних и менее образованных классах (но и среди некруп-

ных собственников), а также мобилизацией заметой части общества, для которой неприемлемыми были либеральные сдвиги в культуре, и все расширяющимся притоком в Европу иммигрантов и беженцев из слаборазвитых стран с неевропейскими традициями, обостряющим конкуренцию за рабочие места и межкультурные конфликты. Все это вело к дальнейшему реструктурированию политического противостояния, которое в дополнение к традиционным темам, связанным с экономикой и благосостоянием, стало разворачиваться вокруг социокультурных проблем между радикальными правыми и (новыми) левыми партиями [Bornschieer 2018; Golder 2016; Ignazi 1992; Inglehart 1977; 1990; 1997; Kitschelt, McGann 1995; Norris and Inglehart 2018].

Исследования, нацеленные на выявление демографических, социальных и аттитудных характеристик избирателей РПП, действительно показывают, что среди них диспропорционально представлены нижние общественные классы, рабочие и низкоквалифицированные работники (и мелкие предприниматели), имеющие невысокое образование, мужчины и младшие возрастные категории, а также люди, обеспокоенные экзистенциальной безопасностью и разделяющие традиционно-консервативные ценности, однако важнейшее отличительное свойство этих избирателей — негативное отношение к иммиграции и антииммигрантские аттитюды. В сегодняшней оценке состояния дел Й. Ридгрэн указывает, что «антииммигрантские настроения являются самостоятельной наиболее важной причиной того, почему избиратели поддерживают радикальных правых» [Rydgren 2018: 7]. Согласно метаанализу статей за два с лишним десятилетия, такая зависимость все же обнаруживается далеко не во всех работах [Stockemer, Lentz, Mayer 2018], однако последние исследования вновь подтверждает ее существование. Так, по данным опросов Европейского социального исследования (ESS, восемь раундов), антииммигрантские аттитюды — один из ключевых факторов голосования за крайние правые партии, причем успех этих партий зависит от мобилизации избирателей, которые как видят в иммиграции культурную угрозу, так и связывают ее с экономическими трудностями [Halikiopoulou, Vlandas 2020]. Правда, неприятие иммиграции — важное, но не единственное условие поддержки этих партий, около трети их электората относятся к иммигрантам без неприязни [Stockemer, Halikiopoulou, Vlandas 2020]. В странах Центральной и Восточной Европы популистские националистические партии тоже используют мобилизацию против этнических меньшинств, и если раньше

это делалось по отношению к людям других национальностей, проживающих в стране, то в последнее время — против иммигрантов из неевропейских стран [Vuštková 2018]. Например, опросы в посткоммунистических странах (Болгарии, Латвии, Литве и Словакии) 2007 г. показали, что электорат крайних правых партий отличается сильной ксенофобией к этнической группе, оставшейся от бывшего имперского большинства [Stefanovic, Evans 2019]. Сравнение избирателей крайних правых партий в Западной и Центральной-Восточной Европе (по данным ESS 2004–2008) показало, что наиболее отчетливое расхождение проявлялось по признаку антииммигрантских аттитюдов — они гораздо сильнее влияли на голосование на Западе, хотя такая зависимость проявлялась и в других странах [Allen 2017]. По данным ESS 2014–2016 гг., антииммигрантские аттитюды — важнейшее средство различения избирателей крайних правых партий и других партийных семейств, хотя в Восточной Европе их влияние было намного слабее, чем в западных странах [Brils, Muis, Gaidytė 2020].

Исследования «спроса» — социально-демографических особенностей и аттитюдов избирателей РПП, указывающие на причины поддержки в обществе их идеологии, — имеют ограниченные объяснительные возможности. Согласно получившей общее признание точке зрения, полное объяснение «требует выхода за пределы модели спроса. Она не позволяет понять краткосрочные флуктуации внутри стран или большие различия между сходными в иных отношениях странами» [Muis and Immerzeel 2017: 912]. В 2000-е годы предпринимаются попытки ответить на вопрос, почему одни из радикальных правых партий добиваются успеха на выборах, а другие — нет, при этом в центре внимания оказываются не особенности электората, свидетельствующие о «спросе» на избирательном рынке, а факторы «предложения», характеризующие сами эти партии и общественные условия, в которых они действуют. В сравнительных исследованиях голосования за РПП анализировался целый ряд контекстуальных факторов, таких как острота безработицы, численность иммигрантов, масштабы преступности, развитость социального государства, особенности партийной системы и предвыборных идеологических позиций партий, и другие.

Так, экологический анализ электоральных намерений избирателей в шести западноевропейских странах (Бельгия, Дания, Западная Германия, Италия, Нидерланды и Франция, период — 1984–1993 гг.) свидетельствует, что экстремизму правого толка способствуют иммиграция

и общественное недовольство политическим режимом, но не проблемы национальной экономики — при высокой безработице доля его сторонников сокращается [Knigge 1998]. По другим сведениям, безработица также ведет к снижению поддержки крайних правых — в условиях экономических трудностей, люди, вероятно, склонны полагаться на компетенцию в этих вопросах системных партий [Arzheimer, Carter 2006]. Согласно еще одним результатам, напротив, голосованию за крайние правые партии в Западной Европе способствует высокий уровень безработицы [Jackman and Volpert 1996]. Кроме того, отмечается, что такие партии были более успешными при высоком показателе уровня иммиграции, но и безработица имела значение, оказывая влияние во взаимодействии с этим показателем [Golder 2003]. По другому заключению не подтверждается зависимость между долей голосов в стране за радикальные правые партии и размерами иммигрантского сообщества [Norris 2005: 185].

Исследование в 16 странах Западной Европы (1994–1997) приводит к противоположному выводу — успехи крайних правых прямо зависели от доли среди населения людей, не имеющих гражданства в ЕС [Lubbers, Gijsberts, Scheepers 2002]. Однако предположение о межуровневой интеракции этого контекстуального фактора и индивидуальных аттитюдов к иммигрантам — повышении вероятности голосования за эти партии тех, кто негативно относится к приезжим, при большем их представительстве в стране — не получило подтверждения. Изучение парламентских выборов в землях Германии и Австрии (с 1960-х по 1994) и регионах Франции (1973–1993) приводит к противоречивым результатам: во Франции и Австрии «радикальные правые получали больше голосов в регионах, где безработица, иммиграция и неучастие в выборах были высокими. <...> Случай Германии, однако, вызывает сомнения в способности этих переменных предсказывать голосование за радикальных правых во всех странах» [Givens 2002: 155]. Только низкая явка во всех трех случаях была связана с голосованием за правых радикалов, так что условием их поддержки является, возможно, недовольство избирателей политикой основных партий. Согласно исследованию электоральных намерений и обуславливающих их индивидуальных и контекстуальных факторов [Kessler, Freeman 2005], в котором анализировались данные Евробарометров 1988, 1994, 1997 и 2000 гг., поддержку крайним правым партиям в Западной Европе (семь стран, где такие партии добивались успеха на парламентских выборах, а также

расширенный набор из 15 стран) оказывают общественные группы, пострадавшие от экономических и политических изменений в пост-индустриальную эпоху, и люди с антииммигрантскими настроениями, кроме того, эта поддержка зависит от политического, но не экономического контекста, повышаясь с ростом в стране иностранного населения, однако снижаясь при более высокой безработице.

Изучение влияния на голосование за радикальные правые партии глобализации и социального государства (эмпирический анализ выборов в 16 западноевропейских странах, проводившихся с 1981 по 1998 г.), продемонстрировало, что «международная интеграция, заметное усиление транснациональных потоков товаров, капитала и людей в последние десятилетия вносят вклад в электоральный успех новых крайних правых партий в Западной Европе», причем выраженность таких зависимостей становится менее отчетливой по мере все большей ориентации государства социальных гарантий на принципы универсальности [Swank, Betz 2003: 238]. Кроме того, было установлено поддерживающее воздействие на голосование за крайних правых деиндустриализации (по показателю снижения занятости в промышленности), которое также ослабевает при универсальном обеспечении государственной социальной защиты, а также политических факторов — пропорциональности избирательной системы, усиления на предшествующих выборах левых либертарианских партий и самих правых радикалов. Большие электоральные достижения конкурирующей с радикалами основной правой партии, напротив, препятствуют поддержке новых правых. Не подтверждаются соображения о воздействии экономических трудностей (низких темпов экономического роста, растущей безработицы и инфляции). Недавняя работа подкрепляет соображение о сокращении поддержки РПП вследствие снижения остроты конфликта с приезжими при щедрой компенсации государством трудностей, обусловленных невысоким общественным положением [Vlandas, Halikiourlou 2021].

Экологический анализ различий голосования в странах Западной Европе на парламентских выборах 1989–1999 гг. за 13 антииммигрантских партий [Van der Brug, Fennema, Tillie 2005] не подтверждает социоструктурную модель, связывающую их успех с высокой иммиграцией, проблемами в экономике и неудовлетворенностью политической системой. Их электоральный потенциал зависит от «существования заметной группы избирателей на правом фланге, оценивающих партию

преимущественно по ее идеологической позиции» [р. 559], а его реализации на выборах способствует благоприятная «структура электоральных возможностей».

Тем не менее фактор иммиграции, скорее всего, имеет значение, побуждая к голосованию за крайние правые партии [Arzheimer 2009]. Обобщая в недавнем обзоре выявленные факты, К. Арцхеймер пишет, что «наличие или отсутствие иммигрантов и иммиграции, частота и характер контактов между иммигрантами и коренным населением и то, каково отношение к иммиграции других политических игроков и медиа, являются основными факторами, вносящими вклад в поддержку радикальных правых» [Arzheimer 2018: 159]. Обеспокоенность в обществе проблемой иммиграции может усиливать влияние переменных индивидуального уровня. Так, было установлено, что воздействие национальной идентификации в странах Европы на голосование за эти партии становится более выраженным, когда общественное мнение выражает большую озабоченность этнической угрозой [Lubbers, Coenders 2017].

Следует отметить, что исследование на субнациональном уровне — сопоставление региональных результатов выборов в национальные и европейский парламенты — говорит об отчетливом влиянии на голосование за правых популистов и безработицы, и иммиграции, и неравенства доходов, причем эффекты экономической небезопасности были более выраженными в регионах, которые испытывали быстрый приток иммигрантов [Georgiadou, Rori, Roumanias 2018].

Важное место в призывах РПП занимает проблема девиантности — «главным вопросом авторитарной программы популистских правых является борьба с преступностью» [Mudde, 2007: 146]. Неоднозначные результаты исследований фактора иммиграции привели к предположению о том, что он становится важным для голосования за РПП, если иммиграция связывается с ростом преступности — для этих партий характерна электоральная стратегия, подразумевающая криминализацию иммиграции. Анализ выборов в парламент Нидерландов 2002 г., в котором рассматривались индивидуальные переменные, контекстуальные детерминанты (характеризующие соседские сообщества) и модерации между ними, действительно продемонстрировал, что голосование за националистическую партию (Пим Фортёйн Лист, LPF) было выше при высоком уровне иммиграции, но только среди избирателей, обеспокоенных преступностью, а также при значительной преступно-

сти — среди тех, кто выступал за политику ассимиляции иммигрантов, кроме того, росту голосов способствовало признание индивидом необходимости ужесточения одновременно и иммиграционной политики, и борьбы с преступностью [Dinas, van Spanje 2011]. Рост в Западной Европе радикальных правых партий в последние десятилетия происходил одновременно с беспрецедентным подъемом преступности. В связи с этим высказывалось соображение, что радикальные правые партии «присваивают» проблему преступности, с которой не удастся справиться основным партиям, и апеллируют к избирателям, испытывающим чувство физической и социальной незащищенности вследствие этого подъема. Анализ национальных парламентских выборов в 18 западноевропейских странах с 1970 до 2005 г. действительно показывает, что популистские правые партии получают большую поддержку на выборах при повышении уровня преступности самого по себе, а также в том случае, когда он сочетается с иммиграцией [Smith 2010].

Наряду с изучением структурных факторов общественного контекста, много внимания уделялось исследованию политических возможностей — некоторые результаты уже упоминались выше. Особенности электоральных институтов и партийных систем, согласно анализу парламентских выборов в Западной Европе (16 стран, с 1970 по 1990 г.), влияют на поддержку крайних правых партий — повышение электоральных порогов представительства препятствует их поддержке, а многопартийность ей, напротив, способствует, благоприятным для этих партий условием является и высокая безработица [Jackman, Volpert 1996]. Проверка этих результатов, выполненная на тех же эмпирических данных, однако, не подтвердила заключения о роли электоральных институтов и поставила под сомнение утверждение о стимулировании голосования за крайние правые партии при повышении уровня безработицы: анализ свидетельствует, что увеличение числа безработных повышает избирательные результаты только популистских, но не неонацистских, партий, причем это происходит лишь при значительной доле в стране иностранцев [Golder 2003: 534]. По заключению других исследований, размер избирательных округов и электоральная формула, как и ограничения в доступе к участию в выборах, СМИ, партийному финансированию, не связаны с поддержкой правых экстремистских партий [Carter 2002; 2005: 148–155]. Это подтверждается анализом П. Норрис, также не обнаружившим «психологического стимулирования» к голосованию за РПП в избирательных системах с пропорцио-

нальным представительством и низкими порогами [Norris 2005: 124]. Но можно найти подтверждения теоретически предполагаемой зависимости, в соответствии с которой благоприятные условия для этих партий складываются в «консенсусных демократиях», в отличие от мажоритарных систем, правда, такое влияние пропорционального представительства было неустойчивым, исчезая при изменении статистической модели [Van der Brug, Fennema, Tillie 2005]. Сообщалось и о противоположных ожидаемым взаимосвязях — диспропорциональность избирательной системы способствовала росту поддержки крайних правых партий [Arzheimer, Carter 2006]. К. Арцхеймер полагает, что при должном контроле «децентрализация и диспропорциональность избирательной системы не оказывают статистически значимого влияния на поддержку ER (крайних правых — ВС)» [Arzheimer 2009: 269]. Воздействие политических институтов на поддержку правых экстремистов, по мнению Г. Китшелта, является незначительным, неоднозначные выводы отчасти обусловлены методологическими причинами, связанными с неадекватной оценкой институтов, но и «при прямом измерении институтов <...> исследования успеха радикальных правых партий приводят к противоречивым результатам» [Kitschelt 2007; 2018: 12].

Политические возможности связаны не только с электоральными институтами, но и с идеологическим позиционированием партий — наличием для РПП пространства, оставшегося незанятым в конкурентных стратегиях ведущих игроков в партийной системе. Одно из существенных условий в Западной Европе для занятия крайними правыми ниши на электоральном рынке, по влиятельной теории Г. Китшелта, — «основные партии экономических левых и правых, социальные демократы или социалисты, с одной стороны, и христианские демократы или консерваторы — с другой, движутся по пути стратегического сближения, сменяя друг друга в правительстве и/или вступая в правительственные коалиции» [Kitschelt, McGann 1995: 275]. Результаты одной из проверок показывают, что успеху крайних правых партий способствует пропорциональная избирательная система (большой размер избирательного округа), открывающая возможности для электорального выражения правых авторитарных требований, возникающих в постиндустриальных обществах с развитым социальным государством, но, вопреки теории, не сближение позиций основных партий [Veugelers, Magnan 2005]. Однако анализ выборов в Европе в 1990-е годы позволил установить, что доля голосов, отданных крайним правым, увеличива-

ется, если основная правая партия занимает центристскую позицию, а не смещается к правому полюсу [Van der Brug, Fennema, Tillie 2005]. Е. Картер отмечает, что радикальная правая становится успешнее при сдвиге к центру системной правой партии, а также при сближении основных левых и правых партий [Carter 2005: Ch. 4]. Согласно еще одному исследованию, в котором контролировались переменные как индивидуального, так и контекстуального уровней, сближение между системными партиями, проявляющееся в формировании правительств «большой коалиции», повышает вероятность получения голосов правыми радикалами, однако, в противоречии с описанными выше результатами, очень жесткое отношение основных правых партий к проблеме иммиграции, их сдвиг вправо эту вероятность тоже повышают, поскольку легитимируют для избирателей заявления экстремистов [Arzheimer, Carter 2006]. В Восточной Европе одна из характерных особенностей радикальной правой мобилизации — склонность основных партий к радикализму правого толка, что создает терпимое окружение и легитимирует РПП [Bustikova 2018].

В других исследованиях такие зависимости с позицией системной правой партии или с относительным расположением основных партий не выявляются. Разность позиций радикалов и системной партии, которая к ним ближе всего в плане требуемых ограничений, не объясняет различий между странами в поддержке правых экстремистов [Lubbers, Gijssberts, and Scheepers 2002: 364–365]. Между различиями ведущих левых и правых партий и долей голосов за правых радикалов или полученных ими парламентских мест нет значимых корреляций [Norris 2005: 196]. Тем не менее недавний анализ по материалам экспертного опроса 2010–2011 гг., проводившегося в 25 странах Западной и Восточной Европы, стратегической дивергенции и конвергенции политических позиций радикальных правых и всех других партий по вопросам, поднимаемым правыми радикалами в идеологическом (иммиграция, национализм, закон и порядок) и стилевом (популизм, антиистэблишмент) измерениях, свидетельствует, что в идеологии к ним близки консервативные и христианско-демократические партии, а отличаются социалисты и зеленые, тогда как по стилю, наоборот, наблюдается сходство с левыми партиями и различия — с правыми, кроме того, важно отметить, что большую долю голосов РПП в западных странах получают при схожести их позиций с позициями конкурентов по вопросам иммиграции и ужесточения законов [Immerzeel, Lubbers, Coffé 2016].

Другой теоретический взгляд на зависимость голосования за радикалов от позиций основных партий предполагает, что стратегии этих партий могут быть направлены на изменение значимости и монополизации поднимаемых крайними правыми проблем (*salience, issue ownership*) [Meguid 2005]. Так, новая партия, занимающая крайнюю позицию по вопросам, оставшимся до этого вне поля политических дискуссий, сможет добиться успеха, если основная партия, не разделяющая такие взгляды, политизирует новое проблемное измерение, заявив о противоположной позиции в этих вопросах. Основная партия делает это для того, чтобы заставить другую системную партию — своего основного конкурента, позиция которого ближе к новой партии и у кого с ней есть общий бассейн избирателей, занять позицию по поднятой проблеме, что может привести к ее ослаблению вследствие разделения активистов и электората между старой и новой партиями. Эмпирический анализ голосования за зеленых и радикальные правые партии (17 стран Западной Европы, 1970–2000 гг.) показал, что их результаты действительно зависели от стратегий основных игроков по отношению к крайним партиям, особенно отчетливо повышаясь в том случае, когда оба системных конкурента избирали враждебные стратегии, способствующие, надо полагать, повышению значимости и монополизации новых проблем. Согласно другим результатам, хотя поддержка правых радикалов не связана с жесткостью позиции основной правой партии по соответствующим вопросам, на нее сильное влияние оказывала «значимость в избирательных программах действующих партий проблем, <поднимаемых> крайними правыми (иммиграция и национальная идентичность)» [Arzheimer 2009: 274]. В посткоммунистических демократиях успехи и неудачи РПП обусловлены динамикой их отношений с партиями, защищающими права меньшинств: повышение значимости проблем идентичности и увеличение партийной поляризации создают условия для мобилизации сторонников крайних националистов [Bustikova 2014]. Анализ правых радикалов в Венгрии, Польше и Словакии продемонстрировал, что идеологические границы между системными и радикальными партиями размыты, что создает для радикалов неблагоприятные конкурентные условия, но они могут добиться успеха, когда стратегии основных партий позволяют им монополизировать важные проблемы, имеющие общественный резонанс [Pytlas 2016]. Посткоммунистические преобразования в европейских странах, направленные на создание либеральных демократий и мультикультурных

обществ, входящих в ЕС, вызывали ответную реакцию, проявившуюся в политизации проблемы меньшинств и поляризации политического спектра [Minkenberg, Kossack 2015].

Развитие теоретических представлений о влиянии «политического пространства» на успехи РПП было связано с выделением экономического и культурного измерений в идеологической конкуренции между партиями и анализом значимости и поляризации этих измерений для действующих партий. Как указывал Й. Ридгрэн, «в последние несколько десятилетий значимость социокультурного разделения (cleavage) возросла за счет разделения экономического, в немалой степени вследствие политики идентичности и в том числе таких вопросов, как иммиграция, мультикультурализм и феминизм, а также окружающая среда <...>. Вполне вероятно, что это изменение привело к расширению политических возможностей для новых радикальных правых партий [Rydgren 2007: 253]. «Сближение традиционных партий в социально-экономическом измерении, — пишет Китшелт, — делает избирателей индифферентными к предлагаемым альтернативам и снижает их мотивацию к отслеживанию партийных позиций в этом измерении. А партийная поляризация по вопросам второго измерения (таким как иммиграция) снижает затраты на поиск различий между партиями в предлагаемой ими политике, что может объяснять поддержку новой партийной альтернативы» [Kitschelt 2018: 175]. Изучение в Западной Европе благоприятной для крайних правых партий структуры политических возможностей (17 стран, парламентские выборы 1980–2003 гг.), включая сходство позиций ведущих партий, позиционирование основной правой партии и поляризацию системы в экономическом и культурном измерениях партийной конкуренции (по данным Comparative Manifesto Project), продемонстрировало, что повышению доли голосов, получаемых крайними правыми в одних странах по отношению к другим, способствует снижение поляризации партийной системы по экономическим вопросам в сочетании с ее нарастанием по отношению к культурным проблемам, поднимаемым этими партиями [Spies, Franzmann 2011]. Результаты подтверждают также, что успех этих партий связан с большей долей среди населения выходцев из других стран. Исследование намерений представителей рабочего класса проголосовать за крайние правые партии вместо традиционных для них левых партий (13 стран Западной Европы с 1980 по 2002 г., по данным Евробарометров), в котором применялось двухуровневое моделирование с меж-

уровневыми интеракциями, продемонстрировало, что переориентацию вызывает не смена политических предпочтений рабочих, а изменение партийной конкуренции, ведущее к снижению в партийной системе значимости экономических вопросов и экономической поляризации при противоположном тренде — росте значимости и поляризации — для неэкономических вопросов, таких как иммиграция и закон и порядок [Spies 2013].

Таким образом, наш далеко не полный обзор исследований, учитывающий только наиболее влиятельные работы, свидетельствует, что результаты анализа контекстуальных факторов нередко оказываются рассогласованными и противоречивыми. Эта оценка подтверждается и метаанализом статей, посвященных структурным факторам голосования за радикальные правые партии в Западной Европе и опубликованных с 1990 по 2017 г. [Amengay, Stockemer 2019]. Согласно полученным результатам, теоретически предполагаемые зависимости для большинства (из более чем двадцати) изучавшихся переменных редко подтверждаются. В некоторых случаях, как, например, при изучении фактора иммиграции, выводы могут меняться при разной операционализации этого концепта. Так, предположение об увеличении доли голосов, полученных радикальными правыми партиями, при большем проценте среди населения иммигрантов из незападных стран подкрепляется в 53 % из 41 регрессионных моделей, а когда показателем выступает численность ежегодно въезжающих в страну иммигрантов, зависимость выявляется только в 24 % из 33 исследований. Более устойчивые, хотя и безусловные, результаты удалось получить лишь для отдельных переменных, таких как уровень преступности (64 % из 64 моделей) и размер избирательного округа (65 % из 20) — с их увеличением растет электоральная поддержка радикальных правых партий, поскольку они выступают, как правило, за наведение порядка и ужесточение наказаний, а пропорциональные избирательные системы способствуют успеху небольших партий. Исследования электоральной конкуренции и идеологического позиционирования также не приводят к однозначным заключениям. В то же время в этой проблемной области важное продвижение было связано с разделением экономического и культурного измерения идеологического размежевания и измерением значимости и поляризации партийных систем в этих измерениях. Несмотря на многочисленные работы, посвященные контекстуальным факторам электоральной поддержки РПП, и использование в них

не только экологического анализа, но и двухуровневого моделирования, в котором переменные индивидуального уровня рассматриваются совместно с факторами различий между странами, все еще недостаточно внимания уделяется взаимодействию между этими переменными и факторами. Обсуждая перспективы изучения крайних правых партий, М. Голдер отмечает: «Продвижение станет возможным при признании сущностного взаимодействия между факторами, действующими со стороны спроса и со стороны предложения» [Golder 2016: 493–494]. Отдельные работы, в которых анализировались такие интеракции, подкрепляют обоснованность этого утверждения, хотя теоретические ожидания в некоторых случаях, как мы видели, не подтверждаются. В настоящей работе предпринимается попытка дальнейшего изучения модерации контекстуальными структурными и партийно-позиционными факторами, охарактеризованными в нашем обзоре, зависимости между антииммигрантскими аттитюдами участников опросов и их голосованием за РПП.

ПРОБЛЕМА, ЗАДАЧИ И ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одно из ключевых направлений в исследованиях голосования за радикальные правые партии, наряду с анализом особенностей избирателей (их социальных характеристик, политических взглядов, отношения к иммиграции и ценностных предпочтений) и партийных организаций (устройства и лидеров), связано с изучением общественных условий, главным образом в Западной Европе, способствующих электоральной поддержке этих партий.

Согласно теоретическим представлениям, повышение в последние десятилетия общественного спроса на националистическую идеологию с авторитарной и традиционалистской окраской вызвано в развитых странах процессами постмодернизации и глобализации. Они вели к ухудшению положения менее образованных и квалифицированных слоев, мелких предпринимателей и вызывали обратную реакцию на произошедшие в культуре либеральные изменения (признание мультикультурализма, обеспечение равенства прав женщин и меньшинств, экологические требования и разнообразие стилей жизни).

Поскольку антииммигрантские призывы являются отличительной чертой радикальных националистов, в исследованиях предполагалось, что благоприятная для правых радикалов ситуация складывается

при увеличении потока иммигрантов, способствующего обострению межгрупповых экономических и культурных конфликтов в стране. Их поддержке может также способствовать обострение экономической конкуренции с приезжими, обусловленное проблемами в экономике страны и усиливающейся безработицей. Еще одним важным фактором может стать рост преступности, поскольку в интерпретации националистических партий он связывается с иммиграцией.

Работы, посвященные отмеченным структурным различиям между европейскими странами, дополняет анализ политических возможностей — особенностей электоральных и политических институтов, которые обеспечивают многопартийность и парламентское представительство малым партиям, в том числе правым радикалам. Такие возможности появляются при большей децентрализации политических институтов и в электоральной системе, устроенной по принципу пропорционального представительства с низкими порогами прохождения в парламент. Важное место в исследованиях отводится предвыборной партийной конкуренции. Снижение в развитых странах значимости экономических вопросов и проблем перераспределения, а также их классового структурирования, вело к сближению идеологических позиций социально-демократических и консервативных партий. Это побуждало часть их электората к поддержке радикалов, особенно в тех странах, где большая значимость стала придаваться социокультурным проблемам (иммиграция, права женщин, ЛГБТ, других меньшинств, экология), а партийные позиции по ним отличались большей поляризацией.

Эмпирическая проверка предположений о влиянии контекстуальных факторов на голосование за РПП осуществлялась первоначально на экологическом уровне. Полученные партиями голоса в странах Западной (как правило) Европы (за достаточно продолжительный период, охватывающий ряд парламентских выборов, начиная с 1980-х годов, когда правые радикалы становятся заметными), анализировались в зависимости от показателей структурных различий и политических возможностей. В некоторых работах статистический анализ проводился с помощью двухуровневого моделирования: голосование участников опросов за РПП в нескольких десятках стран и ряде парламентских выборов оценивалось при контроле их индивидуальных характеристик и воздействии контекстуальных факторов. При построении двухуровневых моделей предпринимались также попытки, все еще недостаточ-

ные, изучения межуровневых интеракций — степени выраженности зависимостей между голосованием и индивидуальными характеристиками респондентов в общественных условиях, описываемых контекстуальными факторами. Результаты этих исследований, отчасти подкрепляя приведенные теоретические соображения, все же не дают однозначного ответа на вопрос о значении общественных отличий для голосования за РПП.

Цель настоящей работы — проверить, используя многоуровневое моделирование, выдвинутые в предшествующих исследованиях предположения о зависимости электоральной поддержки радикальных националистов в странах Европы от общественных условий — постмодернизации и изменения культуры, структурных факторов и политических возможностей. В отличие от наших предшественников, в фокусе внимания будут межуровневые взаимодействия между переменными индивидуального уровня и контекстуальными факторами. Важнейшая индивидуальная переменная, побуждающая избирателей в Западной и Восточной (хотя и в существенно меньшей степени) Европе голосовать за правых радикалов, — их отношение к иммиграции. С ростом неприязни к ней значительно повышается вероятность поддержки РПП. Можно ожидать, что эта зависимость с особой отчетливостью будет проявляться в «благоприятных» общественных контекстах после европейского миграционного кризиса 2015 г. (В связи с этим нам приходится при сравнительном анализе ограничиться сравнительно небольшим — около тридцати — набором стран, в которых респонденты сообщали о своем голосовании, пришедшимся на эти годы.) Рассматриваемые контекстуальные факторы позволяют различать а) страны Западной и Восточной Европы и характеризуют б) экономику и неравенства, в) социальное государство, г) иммиграцию, д) преступность, е) электоральную систему, ж) идеологические позиции партий, з) культурные ценности и, наконец, и) общий уровень постмодернизации. В работе ставились две основные задачи. Первая — проверить, связаны ли различия между странами Европы в результатах голосования на парламентских выборах за РПП с контекстуальными факторами, а вторая, главная задача — выяснить, как эти факторы влияют на мобилизацию избирателей, недовольных иммиграцией.

В исследовании предполагается, что развитие по траектории постмодернизации (расширение сектора услуг и производства знаний в экономике, сильное социальное государство, ценностный сдвиг

в культуре от материализма и ориентаций на устранение тревоги к предпочтениям, связанным с личностным развитием) оставляет некоторые (главным образом низко статусные) слои в неблагоприятном положении и вызывает электоральную мобилизацию националистических, глубоко консервативных и популистских сил, голосующих за РПП, в противовес сторонникам либеральных изменений в культуре, ставших за последние десятилетия общественным большинством, на которое ориентируются ведущие политические партии. Возможно, эта мобилизация приносит правым радикалам особенно много голосов среди тех, кто с неприязнью относится к иммиграции.

После миграционного кризиса 2015 г. одним из важнейших контекстуальных факторов, стимулирующих голосование за РПП, выступает, надо полагать, присутствие в стране большого числа приезжих и быстрые темпы их прироста. В таком контексте избиратели, недовольные иммиграцией, будут особенно склонными к тому, чтобы отдать свой голос крайним националистам. Не исключено также, что экономическая конкуренция с иностранцами за рабочие места может обостряться в периоды экономического неблагополучия — при высокой безработице, так что ее уровень в разных европейских странах способен объяснить расхождение в процентах голосов, отданных в них за РПП, в немалой степени вследствие побуждения к этому избирателей, недовольных иммиграцией. Негативные зависимости между таким голосованием и уровнем безработицы в странах Западной Европы, обнаруженные в некоторых работах, показывают, что экономическое неблагополучие способно снижать значимость социокультурных проблем, возвращая избирателей к выбору между центристскими левыми и правыми партиями, поскольку радикальные правые не считаются компетентными в решении экономических задач. Еще одно важное условие поддержки правых националистов связано с высокими уровнями преступности в стране, поскольку они выступают за ужесточение наказаний, «закон и порядок», связывая рост правонарушений с приездом иммигрантов. Вполне возможно, что при высоких показателях преступности в стране как раз противники иммиграции будут с большим энтузиазмом поддерживать эти партии.

Различия политических возможностей, связанные с вероятностью представительства в парламентах небольших и новых партий, наличием незанятого пространства в правой части идеологического спектра, большей значимостью в партийных программах социокультурных, чем

экономических проблем, а также с выраженной с большей отчетливостью поляризацией партийных позиций в культурном измерении по сравнению с экономическим, могут, как мы полагаем, объяснять, почему в одних странах националистические партии собирают больше голосов избирателей, чем в других. Однако трудно предположить, как такие политические возможности будут воздействовать на избирателей, отличающихся своим отношением к иммиграции. Тем не менее, учитывая полученные нами ранее результаты [Сафронов 2019], указывающие на более отчетливое проявление зависимости между поддержкой на выборах РПП и неприятием иммиграции в странах, партийные системы которых были сильнее поляризованы в социокультурном измерении, в исследовании предполагается выяснить, действительно ли при благоприятных для РПП политических условиях их сторонники, неприязненно относящиеся к иммиграции, будут диспропорционально представлены в электорате этих партий.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Решение поставленных задач и проверка гипотез осуществлялись с использованием данных представительных опросов населения в странах Западной и Восточной Европы, выполненных по программе Европейского социального исследования в 2018–2019 гг. (European Social Survey) [ESS Round 9...2018]. В этом раунде участвовали (ко времени проведения исследования) Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Великобритания, Германия, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Сербия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония (материалы о некоторых странах появились позднее и не рассматривались). К ним была добавлена Россия (материалы ESS 8 раунда) [ESS Round 8...2016], и общее число стран стало равняться двадцати восьми. Для анализа отобраны респонденты, участвовавшие в парламентских выборах, предшествующих опросам, и родившиеся в данной стране (не иммигранты). Их общее число — более 25 тыс. человек.

Голосование за радикальные правые партии

Во время анкетирования участникам опросов предлагалось указать, за какую партию они проголосовали на последних выборах в нацио-

нальный парламент (нижнюю палату). Зависимая переменная в исследовании представлена дихотомическим признаком, разделяющим опрошенных на тех, кто отдал свой голос одной из радикальных правых партий (градация «1»), и избирателей любой другой политической партии (градация «0»). Классификация партий производилась с учетом мнений исследователей РПП (см.: [The Oxford Handbook of Radical Right...2018] и другие работы, упоминавшиеся в обзоре состояния дел), она представлена в таблице 1. Отметим, что радикальные правые партии существовали и принимали участие в выборах во всех изучавшихся странах. В некоторых из них они собирали значительное число голосов, как, например, Швейцарская народная партия (29,4 %), Австрийская партия свободы (26 %), Партия финнов (17,6 %), Шведские демократы (17,5 %), Лига в Италии (17,4 %) или Партия прогресса в Норвегии (15,2 %) и Национальный фронт во Франции (13,2 %). В других странах такие партии едва привлекали доли процентов избирателей, как, скажем, в Ирландии, Португалии и Испании, Литве, Черногории и Хорватии (и могли отсутствовать в списках партий, о которых имеются опросные данные ESS).

Антииммигрантские убеждения

Основная независимая переменная индивидуального уровня — убеждения респондентов, связанные с их отношением к иммиграции. Их позволяют зафиксировать три следующих анкетных вопроса: 1. «Как вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в [страна], в целом плохо или хорошо сказывается на экономике [страна]?» (11-балльная шкала, 0 — плохо для экономики, 10 — хорошо для экономики), 2. «...как вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру [страна]?» (11-балльная шкала, 0 — разрушает культуру нашей страны, 10 — обогащает культуру нашей страны), 3. «Как вы считаете, с притоком людей из других стран [страна] как место для жизни становится лучше или хуже?» (11-балльная шкала, 0 — становится хуже, 10 — становится лучше). Эти признаки очень тесно взаимосвязаны (для общего массива респондентов среднее значение Pearson's $r=0.70$, $p<0.000$, Cronbach's Alpha=0.88), что позволяет измерять отношение к иммиграции с помощью обобщающего индекса выраженности антииммигрантских убеждений, который рассчитывался как среднее арифметическое значение для трех указанных шкал после изменения их полярности.

Таблица 1

Радикальные правые партии в ЕСС странах

СТРАНА	НАЗВАНИЕ		Голоса, %	Дата выборов
АВСТРИЯ	FPÖ	Австрийская партия свободы	26.0	15.10.2017
БЕЛЬГИЯ	VB	Фламандский интерес	3.7	25.05.2014
	PP	Народная партия	1.5	
БОЛГАРИЯ	OP	Объединенные патриоты (Атака, ВМРО-Болгарское национальное движение VMRO-BND, Национальный фронт спасения Болгарии NFSB)	9.1	26.03.2017
ВЕНГРИЯ	JOBBIK	Движение за лучшую Венгрию	20.2	08.04.2018
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	UKIP	Партия независимости Соединенного Королевства	1.8	08.06.2017
ГЕРМАНИЯ	AfD	Альтернатива для Германии	11.5; 12.6	24.09.2017
	NPD	Национал-демократическая партия Германии	0.1;0.4	
ИРЛАНДИЯ	(NP)	Католические демократы (Национальная партия)	0.1	26.02.2016
	<i>Identity Ireland</i>	Идентичная Ирландия	<0.05	
ИСПАНИЯ	Vox	Голос	0.2	26.06.2016
	FE-JONS	Испанская фаланга и ХОНС	0.04	
ИТАЛИЯ	LEGA	Лига	17.4	04.03.2018
	FdI	Братья Италии	4.4	
	CPI	Дом Паунда	0.9	
	<i>FN-FT</i>	<i>Италия для итальянцев</i>	0.4	

Продолжение таблицы 1

СТРАНА	НАЗВАНИЕ		Голоса, %	Дата выборов
КИПР	ELAM	Национальный народный фронт	3.7	22.05.2016
ЛАТВИЯ	NA	Национальный альянс	11.0	06.10.2018
		Латвийские националисты	0.5	
ЛИТВА	(JL-LTS)	Против коррупции и бедности (Молодая Литва, Литовский националистический и республиканский союз)	0.6	10.2016
НИДЕРЛАНДЫ	PVV	Партия свободы	13.1	15.03.2017
	FvD	Форум за демократию	1.8	
НОРВЕГИЯ	FrP	Партия прогресса	15.2	11.09.2017
ПОЛЬША	Kukiz'15	Кукиз'15 (RN, Национальное движение)	8.8	25.10.2015
ПОРТУГАЛИЯ	PNR	Партия национального обновления	0.5	04.10.2015
РОССИЯ	ЛДПР	Либерально-демократическая партия России	13.4; 10.1	18.09.2016
	РОДИНА	Всероссийская политическая партия «Родина»	1.5,2.5	
СЕРБИЯ	SRS	Сербская радикальная партия	8.1	24.04.2016
	Dveri	Сербское движение Двери	5.0	
	SSZ	Сербская партия Заветницы (хранители заветов)	0.7	
СЛОВАКИЯ	SNS	Словацкая национальная партия	8.6	05.03.2016
	LSNS	Народная партия — наша Словакия	8.0	
	Sme Rodina	Мы семья	6.6	

Окончание таблицы 1

СТРАНА	НАЗВАНИЕ		Голоса, %	Дата выборов
СЛОВЕНИЯ	SNS	Словенская национальная партия	4.2	03.06.2018
ФИНЛЯНДИЯ	PS	Партия финнов	17.6	19.04.2015
ФРАНЦИЯ	FN	Национальный фронт (1-й раунд)	13.2	8.06.2017
	MNR	Национальное республиканское движение		
ХОРВАТИЯ	<i>Coalition Move</i>	<i>Коалиция HSP, HCSP, ABH, OS</i>	<i>0.7</i>	11.09.2016
	<i>Homeland Coalition</i>	<i>Коалиция HSP AS, Desno, HKDU, USP, HDS</i>	<i>0.6</i>	
ЧЕРНОГОРИЯ	SSR	Партия сербских радикалов	0.18	16.10.2016
ЧЕХИЯ	SPD	Свобода и прямая демократия	10.6	20–21.10.2017
ШВЕЙЦАРИЯ	SVP	Швейцарская народная партия	29.4	18.10.2015
	LEGA	Лига Тичино	1.0	
ШВЕЦИЯ	SD	Шведские демократы	17.5	09.09.2018
	<i>AfS</i>	<i>Альтернатива для Швеции</i>	<i>0.3</i>	
	<i>NMR</i>	<i>Северное движение сопротивления</i>	<i>0.03</i>	
ЭСТОНИЯ	EKRE	Консервативная народная партия Эстонии	8.1	01.03.2015
	EIP	Эстонская партия независимости	0.2	

Курсивом отмечены партии, о которых нет сведений в опросных данных ESS

Влияние антииммигрантских убеждений на голосование за РПП оценивалось при контроле важных, согласно результатам исследований, дифференцирующих признаков социальной демографии — пола (0 — Ж, 1 — М), возраста (в годах) и образования (суммарное число лет

обучения в формальных образовательных учреждениях — школе, колледже, институте или университете, аспирантуре и т.п.).

Измерение общественного контекста

Различия между 28 странами Европы описывались с помощью восьми блоков контекстуальных факторов.

1. ЧАСТЬ ЕВРОПЫ

— *Западная / Восточная Европа*. К Западной Европе (градация «0») отнесены пятнадцать стран, включая Австрию, Бельгию, Великобританию, Германию, Ирландию, Испанию, Италию, Кипр, Нидерланды, Португалию, Норвегию, Финляндию, Францию, Швейцарию и Швецию, а к Восточной (градация «1») — тринадцать: Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Черногория, Эстония.

2. ЭКОНОМИКА и НЕРАВЕНСТВА (по материалам The World Bank Group, <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>, приведенным в базе данных QoG, Quality of Government [Teorell et al. 2020]).

— *ВВП на душу населения* (GDP per capita, PPP, constant 2011 international \$, в годы выборов);

— *Безработные, доля* (Unemployment, % of total labor force, в годы выборов);

— *Джини-индекс* (GINI index, 2015, 2014);

— *Сектор услуг, доля занятых* (Employment in services, % of total employment, 2015).

3. СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

— *Общественные расходы на социальную защиту, на душу населения* (\$, рассчитаны по данным Public social protection expenditure 2014–2015, % GDP [ILO...2017: table B.16]).

4. ИММИГРАЦИЯ (по: [United Nations...2017])

— *Иммигранты, доля* (International migrant stock, % of the total population, 2017);

— *Темпы изменения доли иммигрантов* (Annual rate of change of the migrant stock, 2010–2015).

5. ПРЕСТУПНОСТЬ

— *Нападение на близких людей, доля* — агрегированный показатель по ESS опросам, полученный в ответах на вопрос анкеты «Были ли случаи за последние 5 лет, когда вы или члены вашей семьи стали жертвами грабежа или нападения, насилия?» («Да, были случаи»);

— *Воровство на 100 тыс.* (Theft per 100000, в год выборов, по данным UN Office on Drug and Crime, URL: <https://dataunodc.un.org/data/crime/theft/> /дата обращения: 08.10.2021/).

6. ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

— *Действительное число партий* (по полученным голосам) (Effective number of parties on the votes level), рассчитывалось по формуле [Laakso, Taagepera 1979: 4]:

$$N = 1 \div \sum_{i=1}^n p_i^2$$

где p_i — доли голосов, полученных каждой из партий.

Ряд показателей, характеризующих партийные системы европейских стран, базировался на сведениях об идеологических позициях партий в экономическом и культурном измерениях. Они рассчитывались при обращении к результатам контент-анализа предвыборных партийных «манифестов» — программ или сходных документов (Manifesto Research on Political Representation, MARPOR, см.: [Volkens et al. 2020a]). Эти материалы позволяют охарактеризовать за многие годы все заметные партии в странах Европы, получавшие хотя бы одно место в национальном парламенте. Идеологический профиль каждой партии описывается в MARPOR с помощью набора контент-аналитических категорий, каждая из которых в результате анализа текста, разбитого на «псевдопредложения», получает оценку, соответствующую процентной доли ее упоминаний в предвыборной программе [Volkens et al. 2020b]. По этим данным были сконструированы показатели традиционного политического конфликта, связанного с экономикой и социальным государством, и новой политики, отражающей размежевание по социокультурным проблемам. Они характеризуют партийные системы представленных в ESS стран в годы избрания парламентов, в котором участвовали респонденты этих опросов (исключения — Россия, последние сведения в MARPOR относятся к избранию Государственной Думы в 2011 г., а не в 2016 г., и Венгрия с выборами в Национальное Собрание 2014 г., а не 2018 г., что вряд ли существенно отразилось на идеологическом структурировании их партийных систем к следующим выборам, отраженным в ESS).

Об экономическом разделении на левых и правых свидетельствуют два обобщенных индекса. Один суммирует категории, указывающие

на рыночный идеологический полюс: «свободная рыночная экономика» (одобрительные упоминания свободного рынка и рыночного капитализма, свободной конкуренции, прав частной собственности, предпринимательской инициативы, устранения ограничений для предпринимательства) (имя переменной в базе данных — per401); «ограничение социального государства» (ограничение государственных расходов на социальное обеспечение и страхование, приоритет частного перед государственным) (per505); «экономическая ортодоксия» (уменьшение бюджетного дефицита, сокращение расходов, бережливость) (per414); «стимуляция: позитивная оценка» (мотивация бизнеса, налоговые льготы и субсидии, стимулирующая политика в отношении заработной платы и налогов, поощрения для начала предпринимательской деятельности) (per402); «протекционизм: негативная оценка» (поддержка свободной торговли и открытых рынков, отмена средств защиты рынка) (per407); «трудовые объединения: негативная оценка» (отрицательные указания на трудовые объединения и профсоюзы) (per702); «ограничения на образование» (урезание государственных расходов на образование, расширение платного обучения, числа частных школ) (per507). Второй индекс получается при подсчете суммы оценок по категориям, указывающим на важную *регулирующую роль государства в экономике и социальном развитии*: «контролируемая экономика» (поддержка прямого влияния правительства на экономику, контроль цен, минимальной оплаты труда) (per412); «национализация» (одобрение государственной собственности в промышленности, на землю, сохранение национализированных предприятий за государством, национализация частных предприятий) (per413); «расширение социального государства» (увеличение государственных расходов на здравоохранение, уход за детьми и пожилыми людьми, пенсии, социальное жилье) (per504); «регулирование рынка» (защита потребителей, малого бизнеса, социальная рыночная экономика, обеспечение экономической конкуренции) (per403); «протекционизм: позитивная оценка» (поддержание и расширение защиты внутренних рынков, введение тарифов, квот, экспортных субсидий) (per406); «трудовые объединения: позитивная оценка» (позитивные упоминания трудовых объединений, рабочего класса, безработных, поддержка профсоюзов, улучшение условий труда и заработной платы) (per701); «поддержка образования» (увеличение государственных расходов на образование, сокращение платного обучения, числа частных школ) (per506).

Разделение партийных позиций в социокультурном измерении также фиксировалось с помощью двух интегральных показателей. Первый указывает на выраженность в предвыборных программах партий идеологии *консервативного национализма*. Он представляет собой суммарную долю позитивных упоминаний категорий «национальный образ жизни» (одобрение нации, ее истории, принятых национальных идей, апелляции к гражданской гордости, патриотизму, национализм, ограничение свобод для защиты государства от подрывной деятельности) (имя переменной в базе данных — per601); «традиционная мораль» (одобрительные указания на традиционные, религиозные моральные ценности, запрещение, цензура, подавление безнравственности и неподобающего поведения) (per603); «закон и порядок» (необходимость обеспечения строгого правопорядка, жестких мер в борьбе с преступностью, усиление полиции, строгость в судах, важность внутренней безопасности) (per605); и негативных указаний на «мультикультурализм» (важность культурной однородности общества, осуществления и поощрения культурной интеграции) (per608); «Европейское сообщество, Европейский Союз» (отрицательные упоминания этих образований, неприятие решений Европейских властей, отчислений страны в бюджет ЕС) (per110); «интернационализм» (негативные отзывы о международном сотрудничестве, позитивные — о национальной независимости и суверенитете при проведении внешней политики страны, изоляционизме и односторонности в противовес интернационализму) (per109). Второй показатель свидетельствует о склонности к *либеральному космополитизму*. Для его вычисления складывались доли негативных категорий «национальный образ жизни» (неприязненные упоминания нации, истории страны, неприятие патриотизма, национализма, национальной гордости и национальной идеи) (per602); «традиционная мораль» (оппозиция традиционным, религиозным моральным ценностям, признание приемлемости разводов и аборт, современных семейных отношений, отделения церкви от государства) (per604) и позитивных указаний на «мультикультурализм» (благосклонность к культурному разнообразию и многообразию внутри страны, сохранение в ней автономии религиозного и языкового наследия) (per607); «Европейское сообщество, Европейский Союз» (одобрение этих образований, желательность вхождения страны в ЕС, важность его расширения, увеличение сферы компетенции Европейского Союза, Европейского парламента) (per108); «интер-

национализм» (необходимость международной кооперации, важность помощи развивающимся странам, всемирного регулирования ресурсов, глобального правления, международных судов, поддержки ООН, международных организаций) (per107); «ограниченные в правах меньшинства» (общие указания на ограничения прав меньшинств, таких как иммигранты, представители коренных народов, гомосексуалисты) (per 705).

Показатели экономического и социокультурного позиционирования партий служили для конструирования ряда переменных, в том числе для измерения экономической и культурной значимости и поляризации партийных систем (при этом учитывались подходы, обсуждаемые в [Dalton 2008; Sigelman, Yough 1978; Spies 2013; Spies, Franzmann 2011]).

— *Позиция основной правой партии в культурном измерении.* Оценивалась предвыборная идеология христианско-демократических и консервативных партий, играющих важную роль в формировании правительств или оппозиции, с использованием переменной позиционирования в социально-культурном измерении, представляющей собой разность между показателями консервативного национализма и либерального космополитизма (положительные значения говорят о преобладании националистических мотивов, а отрицательные — космополитических представлений).

— *Обобщенная позиция партийной системы в культурном измерении.* Для всех участвовавших в выборах партий суммировались значения переменной позиционирования в социально-культурном измерении (разность консервативного национализма и либерального космополитизма), взвешенные долей полученных ими голосов.

— *Значимость экономической идеологии в партийной системе.* Это взвешенная долей голосов сумма позиций всех партий по индексам рыночной ориентации и государственного контроля.

— *Значимость социокультурной идеологии в партийной системе.* Показатель является суммой позиций всех партий по индексам консервативного национализма и либерального космополитизма, взвешенных долей полученных голосов.

— *Отношение экономической значимости к культурной значимости.* Высокие значения говорят о большей важности для конкурирующих партий экономических проблем по сравнению с социокультурными вопросами, а низкие, напротив, о придании важности культурным проблемам, рассматриваемым в соотнесении с экономическими.

— *Поляризация партий в экономическом измерении.* Рассчитывалась по разности индексов рыночной ориентации и государственного контроля, характеризующих позицию каждой участвовавшей в выборах партии, с применением приведенной ниже формулы.

— *Поляризация партий в культурном измерении.* Также по нижеприведенной формуле для разности индексов консервативного национализма и либерального космополитизма:

$$P = \sqrt{\sum_{i=1}^n (p_i * (x_i - \bar{x}))^2} \text{ где } \bar{x} = \frac{\sum_{i=1}^n p_i * x_i}{\sum_{i=1}^n p_i}$$

p_i — доли голосов, полученных каждой из партий, x_i — значение для данной партии разности индексов рыночной ориентации и государственного контроля или консервативного национализма и либерального космополитизма.

7. КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

— *Устранение тревоги или развитие: преобладающие в культуре страны ценности.* По данным ESS вычислялись индексы ценностных ориентаций респондентов, соответствующих теоретическим представлениям Ш. Шварца [Schwartz 1992; 2012] и измеренных с помощью разработанного им опросника [Schwartz 2001]. Агрегированные средние значения этих ориентаций [Schwartz 2006], выражающие особенности культуры 28 стран, подвергались факторному анализу (метод главных компонент). С латентной переменной культурных ценностей положительно коррелировали показатели «универсализма» (0.89), «саморазвития» (0.83), «доброжелательности» (0.87), «гедонизма» (0.75) и отрицательно — ориентации на «достижение» (–0.81), «власть» (–0.85), «безопасность» (–0.72) и «подчинение» (–0.62) (все статистически значимые при $p < 0.000$; Eigenvalue = 5.04; % of Variance = 63%). Для каждой страны вычислялось значение факторного индекса, отражающего это решение, с отрицательным полюсом «устранение тревоги» и положительным — «устремление к развитию» (используя терминологию Ш. Шварца). Стремление устранить тревогу характерно для таких стран, как Болгария, Италия, Литва, Россия, Польша, и других представителей Восточной Европы, тогда как на развитие сориентированы страны Западной Европы — наиболее отчетливо Швеция, Финляндия, Франция, Германия, Швейцария и Нидерланды.

8. ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ

— *Факторный индекс постмодернизации.* Отражает различия между странами Европы по нескольким взаимосвязанным контекстуальным переменным, указывающим на неодинаковое развитие обществ в постиндустриальном направлении. Метод главных компонент (Eigenvalue = 3.86, % of Variance = 77 %) показывает, что в один фактор входят разделение Восточная / Западная Европа (факторная нагрузка 0.94), душевой ВВП (0.87), доля занятых в секторе услуг (0.82), государственные расходы на социальную защиту (0.93) и культурное разделение устранение тревоги / развитие (0.82). Относительно более низкие значения индекса постмодернизации характерны для Сербии, Болгарии, Польши, России, Литвы, других посткоммунистических стран, а более высокие — для Норвегии, Швеции, Швейцарии, Ирландии, Франции, Нидерландов, Финляндии и других Западных демократий.

Статистический аппарат и схема анализа

Исследование влияния антииммигрантских аттитудов на голосование за РПП в разных общественных контекстах осуществлялось с помощью двухуровневого логистического моделирования (программный пакет HLM, Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling, [Raudenbush, Bryk 2002]). Рассматривались иерархические модели со случайными коэффициентами для переменной, фиксирующей эти аттитуды (при контроле на индивидуальном уровне пола, возраста и образования), и интеракциями между нею и контекстуальными факторами при включении их в уравнение по отдельности и совместно. Обсуждаются моделируемые эффекты, связанные с воздействием контекста на различия в электоральной поддержке РПП в разных странах Европы и с модерацией контекстуальными факторами влияния антииммигрантских убеждений на эту поддержку. Схематическое изображение изучавшихся зависимостей представлено на рисунке 1.

В двухуровневых моделях независимые переменные были преобразованы: на индивидуальном уровне они измерялись в шкалах, изменяющихся от 0 до 1, и в каждой стране центрировались относительно средних значений, а контекстуальные факторы центрировались по отношению к среднему значению для изучавшихся 28 стран и измерялись в стандартных отклонениях. Такие преобразования упрощают статистическое построение моделей и позволяют в первом приближении сопоставлять эффекты, связанные с разными переменными.

Во многих странах сведения электоральной статистики о доле голосов, отданных за РПП, заметно отличаются от оценок, полученных в ESS опросах (последние, как правило, ниже, что, вероятно, обусловлено нормативным давлением, связанным с неприемлемостью в либеральных демократиях крайних форм национализма и социального консерватизма). В связи с этим опросные данные взвешивались таким образом, чтобы привести опросные показатели в соответствие с официальными данными о результатах выборов.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И УСПЕХИ РПП В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Зависимости между долями голосов, которые получают в странах Европы РПП, и различающими эти страны факторами, объединенными в восемь описанных выше блоков, оценивались первоначально на экологическом уровне с помощью анализа парных корреляций. Полученные коэффициенты представлены в таблице 2. Изучавшиеся в ESS европейские страны составляют сравнительно немногочисленную группу, насчитывающую всего двадцать восемь единиц, что затрудняет статистическую проверку значимости выявляемых взаимосвязей между интересующими нас переменными, поскольку, как свидетельствуют результаты исследований, эти связи зачастую достаточно слабые. Многие корреляции, как видно в таблице, действительно оказались низкими и незначимыми.

Уровень поддержки РПП практически не отличается в странах Западной и Восточной Европы. Состояние экономики, ее структура (развитие сектора услуг) и доходные неравенства тоже не дают достоверных объяснений неодинаковой их поддержки. Кроме показателя безработицы: вопреки утверждениям об ее способствующем влиянии на голосование за правых радикалов, наши результаты, как и некоторых других работ, говорят об обратном — с ростом в стране доли безработных несколько снижается процент избирателей этих партий. Усиление социального государства, также в противоречии с утверждениями о его сглаживающем влиянии, способствует укреплению электорального статуса РПП (правда, эта зависимость была очень слабой). Иммиграция, отраженная показателем темпов ее прироста, тоже в определенной мере может создавать для РПП благоприятную почву (также слабая связь). Еще одно условие, способствующее их поддержке на выборах, — широ-

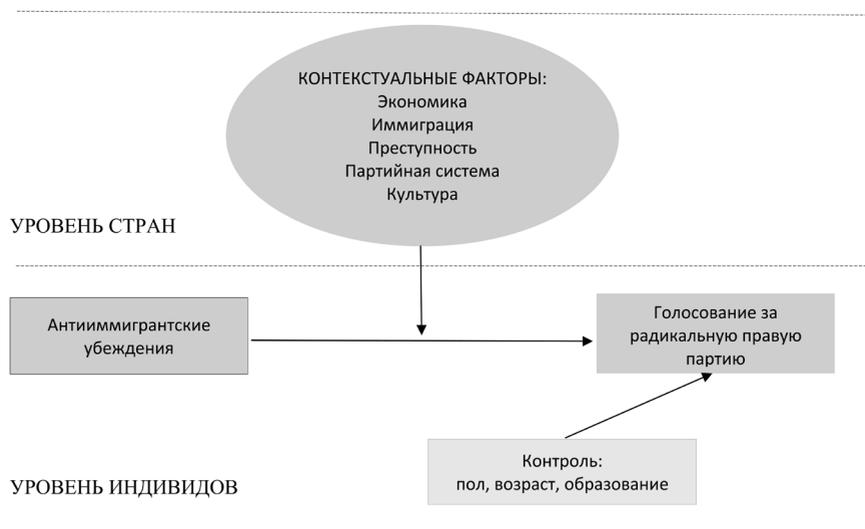

Рисунок 1. Схема анализа голосования за РПП в странах Европы

кое распространение в обществе нетяжких преступлений, таких как кражи (опять же связь слабая). Ни различие культурных ценностей, ни общий показатель постмодернизации не объясняют, почему в одних европейских странах правые националисты имеют значительный электорат, а в других им не удается привлечь на свою сторону избирателей.

Наиболее отчетливые закономерности проявляются с некоторыми контекстуальными факторами, характеризующими партийные системы, но не всеми, о которых высказывались предположения. Индекс действительного числа партий, указывающий на наличие в стране политических возможностей для избрания в парламент небольших и новых партий, оказался на деле не связанным с голосами, отданными РПП. Не обнаружено корреляции и с позициями, которые в социокультурном измерении занимают радикальные правые партии (по показателю разности между консервативным национализмом и либеральным космополитизмом), хотя эти позиции сильно варьируют (в одних странах радикализм правых националистов выражен с полной отчетливостью, тогда как в других они весьма сдержаны).

В то же время, как показывают корреляции в таблице 2, подтверждается предположение о важности позиционирования в культурном измерении правой партии, играющей важную роль в политической системе. Существуют противоположные теоретические ожидания

Таблица 2

Корреляции между голосованием за РПП и контекстуальными факторами

ФАКТОРЫ	Pearson's r	ФАКТОРЫ	Pearson's r
ЧАСТЬ ЕВРОПЫ		ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА	
Западная / Восточная	-0.15	Действительное число партий	0.07
ЭКОНОМИКА, НЕРАВЕНСТВА		Позиция основной правой партии в культурном измерении (национализм)	0.49**
ВВП (на душу)	0.31	Позиция системы в культурном измерении (национализм)	0.62***
Безработные (доля)	-0.42*	Значимость в экономическом измерении (либерализм) (a)	0.13
Джини-индекс	-0.16	Значимость в культурном измерении (национализм) (b)	0.53**
Сектор услуг (доля)	-0.07	Отношение экономической и культурной значимостей (a)/(b)	-0.40*
СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО		Поляризация в экономическом измерении (c)	0.24
Госрасходы на социальную защиту (на душу)	0.37*	Поляризация в культурном измерении (d)	0.58***
ИММИГРАЦИЯ		Отношение экономической и культурной поляризаций (c)/(d)	-0.52**
Иммигранты (доля)	0.23	Позиция РПП в культурном измерении (национализм)	0.20
Прирост иммигрантов (процент)	0.33*	КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ	
ПРЕСТУПНОСТЬ		Устранение тревоги / Развитие	0.05

Окончание таблицы 2

ФАКТОРЫ	Pearson's r	ФАКТОРЫ	Pearson's r
Нападение на близких людей (доля)	-0.10	ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ	
Воровство на 100 тыс.	0.34*	Индекс постиндустриального развития	0.19

Уровни значимости: ***0.001, **0.01, * 0.05, × 0.10. N (страны)=28 (кроме показателя Позиции РПП в культурном измерении N=23).

о позициях такой партии для РПП. Согласно одной точке зрения, ее смещение к центру, сближение с левоцентристскими партиями и умеренность в вопросах иммиграции и традиционного консерватизма, побуждает некоторых из ее бывших избирателей голосовать за радикальных националистов, у которых ясная и предельно строгая позиция по этим вопросам. Сторонники другой точки зрения полагают, напротив, что благоприятные условия для правых радикалов складываются в том случае, когда основная правая партия занимает в указанных вопросах достаточно жесткую позицию, тем самым легитимируя РПП. Согласно нашим результатам, смещение основной правой партии по социокультурной оси к полюсу консервативного национализма ведет к увеличению электората правых радикалов, что подтверждает тезис о легитимизации. Он подтверждается и при использовании другого показателя, фиксирующего усредненную позицию партийной системы по оси либеральный космополитизм / консервативный национализм: при сдвиге в националистическом направлении, создающем предпосылки для признания радикализма, заметно увеличивается электоральная поддержка РПП.

С полной определенностью проявляются также зависимости, связанные с предположениями о повышении в современной Европе значимости социокультурной оси политического конфликта, которая отделяет идеологию либерального космополитизма на одном полюсе от консервативного национализма на другом, и о более резком размежевании партий между этими полюсами. Как видно в таблице 2, с ростом значимости в партийной системе страны культурного измерения растет вероятность расширения в ней электорального сегмента, поддерживающего РПП. Относительный рост такой значимости при сопоставлении

с важностью экономических вопросов, измеренный индексом отношения экономической и культурной значимостей, также показывает, что при высоких значениях этого индекса, когда экономика намного важнее культурных вопросов, националистические популистские партии получают гораздо меньше голосов, чем при низких его значениях, указывающих на растущую значимость социокультурной проблематики.

Кроме того, корреляции между электоральными успехами РПП и индексами, измеряющими идеологическую поляризацию партий, выступающих за либеральный космополитизм / консервативный национализм, оказались еще сильнее, чем с показателями значимости. Вероятность поддержки РПП возрастает по мере усиления поляризации в культурном измерении, когда обостряется противостояние партий, отстаивающих либерально-космополитические и консервативно-националистические воззрения. Показатель отношения экономической и культурной поляризации подкрепляет соображение о необходимости учитывать оба идеологических размежевания: правые националисты получают больше голосов в тех странах Европы, которые отличаются низкими значениями этого показателя, указывающими на относительно слабое размежевание по экономическим вопросам в сравнении с культурным противостоянием, тогда как при высоких его значениях — резком разделении партийных позиций в вопросах экономики, но не культуры: правые радикалы выступают на парламентских выборах менее успешно.

Таким образом, представленный анализ показывает, что одно из объяснений неодинаковых для РПП результатов парламентских выборов в странах Западной и Восточной Европы связано с особенностями идеологических позиций, которые партии отстаивают в своих предвыборных программах. Кроме традиционного политического противостояния в экономическом измерении необходимо учитывать и то, как партии себя позиционируют в социокультурном измерении — отстаивают ли принципы либерального космополитизма или же выступают в поддержку консервативного национализма. Сдвиг ведущих правых партий в националистическом направлении легитимирует РПП, что позволяет им добиваться лучших результатов при выборах в парламенты. Повышение значимости культурного измерения для партийной системы и усиление поляризации партийных позиций в этом измерении также создают предпосылки для электорального успеха радикальных правых партий.

ИЗБИРАТЕЛИ РПП В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ЗНАЧЕНИЕ АНТИИММИГРАНТСКИХ УБЕЖДЕНИЙ

При обосновании проблемы и задач исследования отмечалось, что контекстуальные факторы не только могут объяснять отличия между странами Европы в процентах голосов, которые удается собрать РПП, но и способны мотивировать избирателей, с неприязнью относящихся к иммиграции, проголосовать за эти партии. Прежде чем перейти к систематическому рассмотрению этого соображения, нам предстоит убедиться, что отношение к иммиграции действительно является, как признается исследователями, важнейшей переменной, отделяющей электорат правых националистов от избирателей других партий. Этот факт многократно и убедительно подтверждался при изучении Западной Европы, однако в Восточной Европе, хотя и отмечается растущая в последние годы роль антииммигрантских настроений при голосовании за правых националистов, требуется дальнейшая эмпирическая проверка этого тезиса.

Такая проверка осуществлялась при построении двухуровневых логистических моделей, представленных в таблице 3.

Модель А описывает склонность респондентов голосовать за правых радикалов в зависимости от переменных индивидуального уровня, включая антииммигрантские убеждения и социально-демографический контроль (по полу, возрасту и образованию). Она показывает в согласии с известными зависимостями, что вероятность голосования за РПП выше среди мужчин, в младших возрастах, среди менее образованных участников опросов, и что самой важной причиной, намного перевешивающей все прочие, является негативное отношение избирателей к иммиграции. Причем влияние антииммигрантских убеждений, как показывает статистически значимая на высоком уровне дисперсия, заметно отличается в разных европейских странах.

С целью выяснения, связаны ли неодинаковые воздействия антииммигрантских взглядов на поддержку РПП с разделением на Западную и Восточную Европу, модель В включала дополнительно фактор, описывающий это разделение, и интеракцию этого фактора с переменной отношения к иммиграции. Коэффициент для этой переменной сильно увеличивается (статистически значим на высоком уровне) — теперь он характеризует не усредненное для изучавшихся стран влияние, а то, как оно проявляется в странах Запада. Межуровневой интеракция также ока-

Таблица 3

**Влияние антииммигрантских убеждений на голосование за РПП,
различия в Западной/Восточной Европе и при разном отношении
в обществе к иммиграции**

ФИКСИРОВАННЫЕ ЭФФЕКТЫ (Кoeffициенты)	МОДЕЛИ		
	А	В	С
Intercept	-3.09***	-3.21***	-3.10***
Пол (М)	0.44***	0.44***	0.44***
Возраст (лет)	-0.90***	-0.90***	-0.90***
Образование (лет)	-0.89*	-0.88*	-0.88*
Антииммигрантские убеждения	3.21***	5.15***	3.24***
Западная/Восточная Европа		0.19	
Неприятие иммиграции x З/В Европа		-3.91***	
Одобрение иммиграции в обществе			-0.53
Неприятие иммиграции x Одобрение ее в обществе			1.35***
СЛУЧАЙНЫЕ ЭФФЕКТЫ (Дисперсии)			
Intercept	2.93***	3.25***	2.84***
Неприятие иммиграции (% explained)	6.20***	2.27*** (63%)	4.31*** (30%)

Двухуровневые логистические модели, зависимая переменная — голосование за РПП, независимые переменные 1-го уровня (индивиды) — социальная демография (фиксированные коэффициенты) и индекс антииммигрантских убеждений (случайный коэффициент); контекстуальные факторы — Западная/Восточная Европа и отношение в стране к иммиграции (средние значения переменной индивидуального уровня). Уровни значимости: ***0.001, * 0.05. N1 (индивиды) = 25702; N2 (страны) = 28.

залась отчетливо выраженной (и неслучайной), что свидетельствует о значительных отличиях антииммигрантских мотиваций поддержки правых радикалов в одной и другой части континента (дихотомия Запад/Восток объясняет 63 % соответствующей дисперсии). Она лишней раз подтверждает, что в странах Западной Европы голосование за эти партии тесно связано с неприятием избирателями иммиграции. Можно показать, что и в Восточной Европе отторжение иммиграции побуждает к электро-альной поддержке РПП, хотя и не во всех странах. В Западной Европе коэффициент влияния антииммигрантских убеждений равняется 5.15 ($p < 0.001$), а в Восточной он существенно уменьшается — до 1.24 (Odds ratio=3.46), оставаясь, тем не менее, статистически значимым ($p < 0.023$).

Итак, представленный анализ убеждает, что негативное отношение к иммиграции — одна из важнейших причин голосования за РПП в Западной Европе, но и в посткоммунистических странах эта переменная имеет немаловажное значение.

АНТИИММИГРАНТСКИЕ ГОЛОСА ЗА РПП И НЕОДОБРЕНИЕ ИММИГРАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

Негативное отношение избирателей к иммиграции, как было показано выше, во многом объясняет электоральную поддержку правых националистических партий. Вполне естественным является предположение, что широкое распространение такого неприязненного отношения в обществе выступает дополнительным катализатором для избирателей РПП, нормативно оправдывая нетерпимость и поддержку политических персонажей с безупречной репутацией. С результатами анализа, направленного на прояснение этого вопроса, можно познакомиться, обратившись к модели С в таблице 3. Она описывает двухуровневую логистическую модель, в которой к переменным индивидуального уровня, характеризующим социальную демографию и антииммигрантские убеждения, добавляется контекстуальный фактор, указывающий на преобладающие в обществе представления о последствиях иммиграции, а также межуровневая интеракция между двумя показателями отношения к иммиграции.

Изучавшиеся страны очень сильно отличаются преобладающими в общественном мнении взглядами по вопросу вредности или нужности иммиграции (средние значения индивидуальных позиций). При низких значениях нашего агрегированного показателя, которые можно обнаружить во многих посткоммунистических государствах, преобладающее большинство избирателей считает, что иммиграция несет угрозы экономике и культуре, делает жизнь менее комфортной, тогда как его высокие значения, характеризующие, как правило, наиболее развитые европейские демократии, указывают на уверенность большинства граждан в ее положительных последствиях.

Согласно коэффициентам в модели С, антииммигрантские мотивации голосования за правых радикалов действительно зависят от того, как большинство в обществе относится к приезжим. Однако зависимость оказалась прямо противоположной той, какую мы предполагали увидеть, — противники иммиграции с большей вероятностью отдавали

свои голоса правым радикалам не там, где их поддерживало общественное мнение, во многих странах Восточной Европы. Это происходило, напротив, в тех обществах, большинство в которых полагало, что иммиграция нужна и приносит положительные плоды. В их число входят Скандинавские страны и другие развитые государства Западной Европы. В то же время нужно заметить, что влияние контекстуального фактора, измеряющего отношение в обществе к иммиграции, на антииммигрантское голосование за РПП было не очень сильным, хотя и статистически значимым. (Этот фактор объясняет лишь около 30 % дисперсии, говорящей о неодинаковых зависимостях в европейских странах между индивидуальной переменной неприятия иммиграции и поддержкой радикальных партий, причем модерация становится статистически незначимой при добавлении в модель дихотомии Западная/Восточная Европа, с которой данный фактор, как отмечалось выше, тесно связан.)

Наши результаты можно рассматривать в качестве подтверждения теоретических соображений, объясняющих подъем РПП в развитых странах Европы мобилизацией националистически настроенного и глубоко консервативного меньшинства в ответ на фундаментальные либеральные культурные изменения, происходившие в них по мере постмодернизации.

МОДЕРАЦИИ АНТИИММИГРАНТСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ ЗА РПП КОНТЕКСТУАЛЬНЫМИ ФАКТОРАМИ

Проверка предположений о стимулирующем влиянии общественного контекста на поддержку РПП сторонниками антииммигрантских воззрений проводилась первоначально с помощью двухуровневого логистического моделирования, в котором голосование за эти партии объясняется на индивидуальном уровне отношением респондентов к иммиграции (при контроле социальной демографии), на уровне стран — одним из описанных ранее контекстуальных факторов, которые включались в уравнения по-отдельности, а также межуровневой интеракцией между отношением к иммиграции и соответствующим фактором. Основные результаты этого анализа собраны в таблице 4. Каждая модель, связанная с тем или иным фактором различий между странами, описывается в ней двумя коэффициентами *Odds Ratios* (остальные фиксированные и случайные эффекты опущены). Один из них, *OR1*,

говорит о том, насколько отличаются доли голосов за РПП в странах с неодинаковыми значениями контекстуального фактора (при его изменении на одно стандартное отклонение и среднем значении переменной отношения к иммиграции). В центре нашего внимания будет другой коэффициент, OR_2 , — он характеризует интеракцию переменной антииммигрантских убеждений с соответствующим фактором контекста и показывает, как его изменение (на стандартное отклонение) сказывается на стимулирующем действии этих убеждений, ведущем к поддержке РПП (значения OR , превышающие единицу, говорят об усилении эффекта, а те, что меньше единицы, — об его ослаблении).

Согласно приведенным в таблице 4 значениям коэффициента для интересующей нас интеракции, в странах Западной Европы, как уже было показано, антииммигрантские воззрения играют намного более важную роль, побуждая избирателей отдать свои голоса за правых националистов, чем в посткоммунистических государствах. Ряд экономических факторов также создает благоприятные условия для антииммигрантского голосования. Такие условия появляются в наиболее экономически развитых странах Европы с высоким ВВП, при изменении структуры занятости в экономике в постиндустриальном направлении, предполагающем расширение сектора услуг, и низких доходных неравенствах по Джини-индексу. Все эти факторы тесно взаимосвязаны, а выявленные зависимости хорошо вписываются в теоретические представления о влиянии постмодернизации на пробуждение электорального меньшинства, голосующего за РПП.

Эффекты, обнаруженные при рассмотрении социального государства, не поддерживают предположения о сокращении поддержки РПП, происходящей при щедрой компенсации государством трудностей, связанных с низким общественным положением, и сглаживании при этом конфликта с приезжими из-за ограниченных ресурсов. Напротив, с увеличением государственных расходов на социальную защиту побудительная сила антииммигрантских убеждений становится все более отчетливой. Этот факт согласуется с тезисом о том, что голосование за правых националистов может вызываться нетерпимостью к иммигрантам со стороны людей с невысоким общественным положением, порождаемой нежеланием делиться социальными благами, которые они получают от государства (так называемый *welfare chauvinism*).

Получают эмпирическое обоснование и теоретические положения о важной роли масштабов иммиграции, измеренной долями родив-

шихся в других государствах или темпов прироста такого населения. В тех странах, где было особенно много иммигрантов и где их число быстро увеличивалось в 2010-е годы, негативное отношение к этому процессу особенно заметно подталкивало избирателей отдать свои голоса радикальным правым партиям. Как и предполагалось, состояние преступности, о котором мы судили по распространенности воровства и случаям посягательств на членов семьи участников опросов, тоже следует учитывать среди факторов, способствующих электоральной поддержке РПП со стороны недовольных иммиграцией — с ростом этих показателей такая поддержка усиливается.

Таблица 4

Контексты электоральных успехов РПП и антииммигрантских мотиваций их поддержки в странах Европы

ФАКТОРЫ	OR1 OR2	ФАКТОРЫ	OR1 OR2
ЕВРОПА		ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА	
Восточная / Западная	0.83 49.84***	Действительное число партий	1.28 1.58
ЭКОНОМИКА, НЕРАВЕНСТВА		Позиция основной правой партии в культурном измерении (национализм)	2.77** 1.42
ВВП (на душу)	1.10 6.90***	Позиция системы в культурном измерении (национализм)	3.05*** 1.37
Безработные (доля)	0.41** 0.44	Значимость в экономическом измерении (либерализм) (a)	0.99 1.23
Джини-индекс	0.93 0.28**	Значимость в культурном измерении (национализм) (b)	2.25* 2.77*
Сектор услуг (доля)	0.69 3.88***	Отношение экономической и культурной значимостей (a)/(b)	0.41* 0.58
СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО		Поляризация в экономическом измерении (c)	1.17 3.60***
Госрасходы на социальную защиту (на душу)	1.29 7.43***	Поляризация в культурном измерении (d)	2.81** 2.14

Окончание таблицы 4

ФАКТОРЫ	OR1 OR2	ФАКТОРЫ	OR1 OR2
ИММИГРАЦИЯ		Отношение экономической и культурной поляризаций (c)/(d)	0.28*** 0.92
Иммигранты (доля)	0.89 4.81***	Позиция РПП в культурном измерении (национализм)	1.28 2.08
Прирост иммигрантов (процент)	1.79* 4.39*	КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ,	
ПРЕСТУПНОСТЬ		Устранение тревоги / Развитие	0.87 6.62***
Нападение на близких людей (доля)	0.86 4.40***	ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ	
Воровство на 100 тыс.	1.51 5.97***	Индекс постиндустриального развития	0.96 7.63***

Двухуровневые логистические модели, фиксирующие воздействие каждого отдельно взятого контекстуального фактора (при изменении на 1 стандартное отклонение) на голосование за РПП — OR1 (*Odds Ratio* 1) (при среднем значении индекса отношения к иммиграции), и на интеракции между антииммигрантскими убеждениями и голосованием за РПП — OR2 (*Odds Ratio* 2) (при контроле пола, возраста и образования). Уровни значимости регрессионных коэффициентов: ***0.001, **0.01, *0.05. N1 (респонденты) = 25702; N2 (страны) = 28.

Полученные результаты не позволяют говорить об изменении антииммигрантских эффектов в различных партийных системах европейских стран — почти все интеракции антииммигрантских взглядов с признаками, которые описывают партии и партийные системы, оказались статистически незначимыми, за двумя исключениями. Слабая, но удовлетворяющая общепринятым статистическим критериям, интеракция обнаруживается с фактором значимости для партийной системы социокультурного измерения политического конфликта. Там, где партии придают этому конфликту большее значение, повышается вероятность того, что избиратели, не приемлющие иммиграции, проголосуют за правых радикалов. Другой контекстуальный фактор, вызывающий анало-

гичный эффект, но гораздо более отчетливый, — это поляризация партий в экономическом измерении, однако это связано с тем, что такая поляризация была выше в развитых западных странах, чем в Восточной Европе (при дополнительном контроле на втором уровне фактора постмодернизации эффект становится статистически несущественным).

В то же время при многоуровневом моделировании получают подтверждение закономерности, описанные ранее, когда рассматривались корреляции между долями голосов за РПП и контекстуальными факторами (теперь на них указывают коэффициенты *ORI*). Так, электоральным успехам правых радикалов способствуют идеологический сдвиг основной правой партии и партийной системы в целом в направлении консервативного национализма, легитимирующие РПП, а также растущая важность для партий социокультурного измерения политического противостояния и их более резкая поляризация в этом измерении.

Еще одним существенным условием усиления воздействия антииммигрантской мотивации на голосование за РПП является культура — ценностные акцентуации в обществе, указывающие на распространение устремлений к личностному росту. В странах, где для многих людей важно устранение тревоги, такой стимуляции не наблюдается. Подобная зависимость может быть истолкована в рамках теории ответной реакции на либеральные изменения культуры в процессе постмодернизации.

Культурные ценности, как отмечалось в разделе, посвященном методологии исследования, тесно связаны с рядом контекстуальных факторов, характеризующих общественные изменения в постиндустриальном направлении. При этом все они — высокий ВВП, значительная занятость в секторе услуг, большие расходы бюджета на социальную защиту и культура личностного роста — представляют, как только что было показано, ряд аспектов общественного контекста, способствующего антииммигрантскому голосованию за правых националистов. Вероятно, за всеми такими отдельными эффектами стоит объединяющее их общее качество — постмодернизационное изменение общества. Действительно, как можно видеть в таблице 4, с повышением значений индекса постиндустриального развития происходит усиление зависимости между переменной антииммигрантских убеждений избирателей и голосованием за РПП, причем коэффициент для соответствующей интеракции оказался заметно выше, чем в уравнениях с отдельными факторами постмодернизации, а сам индекс лучше, чем любой из составляющих его факторов, объясняет дисперсию этой зависимости в разных странах (74 %).

ГЛАВНЫЕ МОДЕРАТОРЫ ВЛИЯНИЯ АНТИИММИГРАНТСКИХ УБЕЖДЕНИЙ НА ПОДДЕРЖКУ ПРАВЫХ РАДИКАЛОВ

На следующем этапе построения двухуровневых моделей нам предстоит выделить из представленных факторов второго уровня те, которые играют наиболее важную роль, определяя различия стран Европы по числу голосующих за радикальные правые партии и по влиянию на голосование за эти партии антииммигрантских воззрений. Для этого на втором уровне в уравнения включались одновременно несколько факторов контекста и учитывались интеракции каждого из них с индивидуальной переменной отношения к иммиграции. С основными результатами такого моделирования можно познакомиться в таблице 5, в которой приводятся уже знакомые нам коэффициенты $OR1$ и $OR2$ (соответственно объяснение контекстуальными факторами различий в доле голосующих за правых радикалов и неодинакового влияния на голосование за эти партии антииммигрантских убеждений).

В число объяснительных факторов контекста в модели 1 были включены показатели безработицы, иммиграции, темпов ее изменения, распространения воровства и действительного числа партий. Именно этим структурным факторам были посвящены многие исследования, так и не приведшие аналитиков к согласию относительно их значения для успехов РПП. Наши результаты говорят о том, что все они важны, определяя условия для стимуляции антииммигрантских убеждений. Эти убеждения побуждают к голосованию за правых радикалов прежде всего в странах со значительной долей иммигрантов и быстрым их приростом, а также при высоких уровнях нетяжких преступлений и безработицы, в многопартийных системах. Однако, кроме коэффициентов, относящихся к масштабам иммиграции, остальные три зависимости были достаточно слабыми, хотя и значимыми со статистической точки зрения.

Уравнение модели 2 дополнительно включало индекс постиндустриального развития и его интеракцию на переменную отношения индивидов к иммиграции. С ростом его значений происходит усиление влияния антииммигрантских убеждений на голосование за РПП. При этом слабые зависимости, отмеченные при обсуждении модели 1 (с показателями безработицы, воровства, числа партий), становятся статистически незначимыми.

Таблица 5

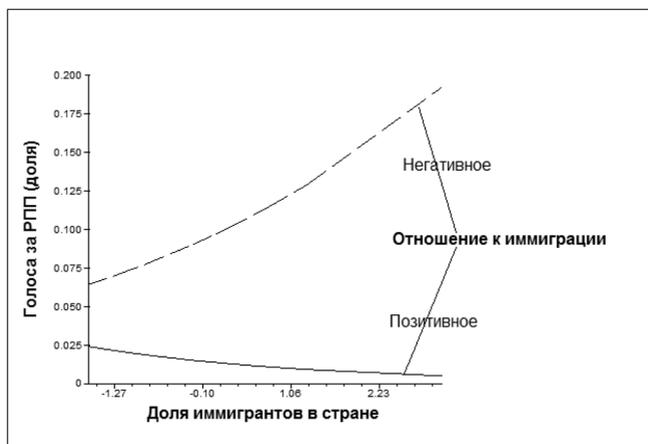
**Влияние контекстуальных факторов на голосование за РПП
и на его антииммигрантские мотивации**

ФАКТОРЫ	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	OR1	OR2	OR1	OR2	OR1	OR2
Безработные, доля	0.46*	1.52*	0.56	1.42		
Иммигранты, доля	0.80	4.46***	1.25	3.16**	1.05	2.81**
Рост доли иммигрантов	1.20	3.79**	1.55	3.15**	1.28	2.79**
Воровство на 100 тыс.	1.14	1.67*	1.93	1.02		
Действительное число партий	1.07	1.40*	1.23	1.23		
Индекс постиндустриального развития			0.36	2.41*	0.99	2.78**
Позиция основной правой партии (национализм)					1.75*	1.05
Отношение экономической и культурной поляризации					0.40*	0.97

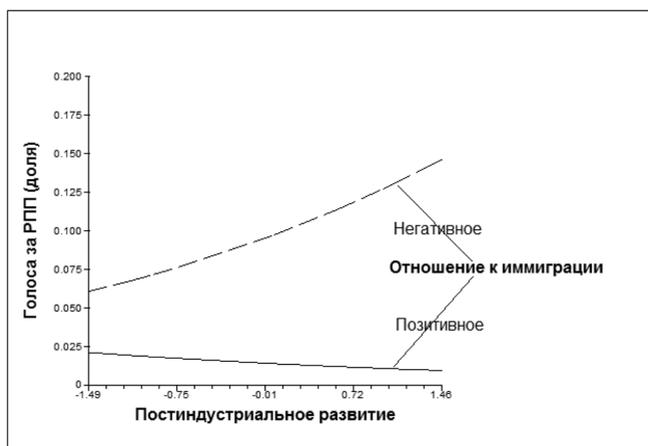
Двухуровневые логистические модели, свидетельствующие о совместном влиянии контекстуальных факторов (при изменении на 1 стандартное отклонение) на голосование за РПП — OR1 (Odds Ratio 1) (при среднем значении индекса отношения к иммиграции), и на интеракции между антииммигрантскими убеждениями и голосованием за РПП — OR2 (Odds Ratio 2) (при контроле пола, возраста и образования). Уровни значимости регрессионных коэффициентов: ***0.001, **0.01, *0.05. N1 (респонденты) = 25702; N2 (страны) = 28.

Наконец, в модели 3 были опущены несущественные факторы и добавлены показатели, характеризующие идеологическую позицию основной правой партии в культурном измерении и соотношение экономической и культурной поляризации. Как и следовало ожидать, учитывая предшествующий анализ, оба эти показателя объясняют только неодинаковую численность голосующих за правые националистические партии в разных странах — она растет при смещении правой системной партии к полюсу национализма, а также там, где отчетливо

выражена культурная поляризация партий. Факторы масштабов иммиграции и постиндустриализации продолжают определять условия для антииммигрантского голосования за РПП. Характер зависимостей, которые свидетельствуют о модерациях, зафиксированных в третьей модели, иллюстрирует рисунок 1, построенный по ее уравнению.

а

б

Рис. 1. Контексты антииммигрантской мотивации голосования за РПП

а) масштабы иммиграции; б) постмодернизация

Рисунки построены по уравнению модели 3 (при средних значениях контролируемых переменных), негативное и позитивное отношение к иммиграции — средние значения в нижнем и верхнем квартилях

С увеличением в стране численности иммигрантов, как видно на рисунке 1а, избиратели с негативным отношением к иммиграции оказываются особенно склонными к голосованию за правых радикалов. Сходный рисунок получится, если вместо фактора численности иммигрантского населения использовать показатель его прироста (не приводится). Согласно рисунку 1б, вероятность электоральной поддержки этих партий со стороны избирателей, недовольных иммиграцией, заметно повышается по мере развития стран в постиндустриальном направлении.

Таким образом, анализ показывает, что влияние антииммигрантских убеждений на поддержку при выборах парламента радикальных правых партий зависит от общественного контекста. Оно усиливается многими факторами, важнейшими среди которых являются численность в стране приезжих, темпы ее прироста, а также общественные изменения, связанные с постмодернизацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная работа посвящена анализу общественных условий, способствующих в странах Западной и Восточной Европы успехам на парламентских выборах радикальных правых партий. В многочисленных исследованиях, которые рассматривали эту проблему главным образом в Западной Европе, отмечалось значение таких структурных, институциональных и политических факторов, как безработица, иммигрантское население, рост преступности, многопартийность, пропорциональность представительства и централизация политической системы, близость к центру основной правой партии в идеологическом размежевании, сходство идеологических позиций ведущих правых и левых партий, значимость и поляризация партийной системы в социокультурном измерении по отношению к экономическому измерению (и некоторых других различий между странами). Однако полученные результаты нередко не согласуются друг с другом, что не позволяет с уверенностью говорить о том, какие именно общественные факторы оказываются благоприятными для повышения электоральной поддержки правых радикалов. Одно из перспективных направлений в этих исследованиях связано с анализом общественных условий, усиливающих готовность сторонников правых радикалов отдать свои голоса на выборах за РПП.

Предпринятое исследование, в котором использовались опросные данные Европейского социального исследования (ESS, Rounds 8–9, 28 стран) и целый ряд контекстуальных факторов, характеризующих отличия между странами Западной и Восточной Европы по состоянию экономики, иммигрантского населения, преступности, партийных систем и культуры, был нацелен на изучение — после европейского миграционного кризиса — воздействия этих факторов на зависимость голосования за РПП от антииммигрантских взглядов участников опросов.

Двухуровневое моделирование позволило, в согласии полученными ранее выводами, установить, что негативное отношение опрошенных к иммиграции (ее последствиям для экономики, культуры, образа жизни) является важнейшей причиной их электоральной поддержки радикальных националистических партий. Эта зависимость особенно отчетливо проявляется в Западных странах, но ее можно обнаружить и в Восточной Европе.

Структурные, институциональные и культурные факторы лишь очень слабо связаны с неодинаковыми показателями успеха этих партий в изучавшихся странах. Наиболее отчетливые зависимости обнаруживаются при рассмотрении партийных систем. Установлено, что больших достижений правым радикалам удастся добиться в том случае, когда их призывы получают легитимацию в политике благодаря смещению в консервативно-националистическом направлении основной правой партии или партийной системы в целом. Их успехам способствуют также высокая значимость социокультурных проблем в партийной системе и сильная поляризации партийных позиций по этим проблемам, а также повышение культурной значимости и поляризации по отношению к соответствующим экономическим показателям.

Целый ряд контекстуальных факторов выступают модераторами зависимости между антииммигрантскими убеждениями опрошенных и голосованием за РПП. Индивиды, придерживающиеся этих убеждений, отдадут свои голоса радикальным партиям особенно охотно, когда в стране живет много иммигрантов или их число быстро растет. Еще одно важное условие — продвижение общества по траектории постиндустриального развития. Антииммигрантские мотивации голосования за националистические партии усиливаются с повышением экономического благосостояния, расширением сектора услуг, укреплением социального государства и при ценностном сдвиге в культуре от ориентаций на устранение тревоги к личностному развитию.

Эмпирические обобщения, полученные в исследовании, уточняют теоретические положения, объясняющие, почему при определенных общественных условиях избиратели склонны отдавать свои голоса на парламентских выборах радикальным правым партиям. Анализ этих условий требует внимательного изучения эффектов модерации, характеризующих воздействие контекстуальных общественных факторов на социально-структурные и аттитудные детерминации голосования за эти партии.

Литература/References

Allen T.J. All in the party family? Comparing far right voters in Western and Post-Communist Europe, *Party Politics*, 2017, 23(3), pp. 274–285. doi: 10.1177/1354068815593457.

Amengay A., Stockemer D. The Radical Right in Western Europe: A Meta-Analysis of Structural Factors, *Political Studies Review*, 2019, 17(1), pp. 30–40. doi: 10.1177/1478929918777975.

Arzheimer K. Contextual Factors and the Extreme Right Vote in Western Europe, 1980–2002, *American Journal of Political Science*, 2009, 53(2), pp. 259–275. doi: 10.1111/j.1540-5907.2009.00369.x.

Arzheimer K. Explaining Electoral Support for the Radical Right, *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press, 2018, pp. 143–165. doi: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.8.

Arzheimer K., Carter E. Political Opportunity Structures and Right-Wing Extremist Party Success, *European Journal of Political Research*, 2006, 45(3), pp. 419–443. doi: 10.1111/j.1475-6765.2006.00304.x.

Betz H-G. The Two Faces of Radical Right-Wing Populism in Western Europe, *The Review of Politics*, 1993, 55(4), pp. 663–686. doi: 10.1017/S0034670500018040.

Bornschieer S. Globalization, Cleavages, and the Radical Right In: *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press, 2018, pp. 212–238. doi: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.11.

Brils T., Muis J., Gaidytė T. Dissecting Electoral Support for the Far Right: A Comparison between Mature and Post-Communist European Democracies, *Government and Opposition*, 2020, pp. 1–28. doi:10.1017/gov.2020.17.

Bustikova L. Revenge of the Radical Right, *Comparative Political Studies*, 2014, 47(12), pp. 1738–1765. doi: 10.1177/0010414013516069.

Buščíková L. The Radical Right in Eastern Europe. In: *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press, 2018, pp. 565–582. doi: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.28.

Carter E.L. Proportional Representation and the Fortunes of Right-Wing Extremist Parties, *West European Politics*, 2002, 25(3), pp. 125–146. doi: 10.1080/713601617.

Carter E. *The Extreme Right in Western Europe: Success or Failure?* Manchester and New York: Manchester University Press, 2005, 288 p.

Dalton R.J. The Quantity and the Quality of Party Systems: Party System Polarization, Its Measurement, and Its Consequences, *Comparative Political Studies*, 2008, 41(7), pp. 899–920. doi: 10.1177/0010414008315860.

Dinas E., van Spanje J. Crime Story: The Role of Crime and Immigration in the Anti-Immigration Vote, *Electoral Studies*, 2011, 30(4), pp. 658–671. doi: 10.1016/j.electstud.2011.06.010.

ESS Round 9: *European Social Survey Round 9 Data*. Data file edition 3.1. NSD — Norwegian Centre for Research Data, Norway — Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC, 2018. doi: 10.21338/NSD-ESS9-2018.

ESS Round 8: *European Social Survey Round 8 Data*. Data file edition 2.2. NSD — Norwegian Centre for Research Data, Norway — Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC, 2016. doi: 10.21338/NSD-ESS8-2016.

Georgiadou V., Rori L., Roumanias C. Mapping the European far right in the 21st century: A meso-level analysis, *Electoral Studies*, 2018, 54, pp. 103–115. doi: 10.1016/j.electstud.2018.05.004.

Givens T.E. The Role of Socioeconomic Variables in the Success of Radical Right Parties. In: *Shadows over Europe: The Development and Impact of the Extreme Right in Western Europe*. Ed. by M. Schain, A. Zolberg, P. Hossay. New York: Palgrave Macmillan, 2002, pp. 137–158.

Golder M. Electoral Institutions, Unemployment and Extreme Right Parties: A Correction, *British Journal of Political Science*, 2003, 33(3), pp. 525–534. doi: 10.1017/S0007123403220226.

Golder M. Far Right Parties in Europe, *Annual Review of Political Science*, 2016, 19, pp. P. 477–497. doi: 10.1146/annurev-polisci-042814-012441.

Halikiopoulou D., Vlandas T. When economic and cultural interests align: The anti-immigration voter coalitions driving far right party success in Europe, *European Political Science Review*, 2020, 12(4), pp. 427–448. doi: 10.1017/S175577392000020X.

Ignazi P. The Silent Counter-Revolution. Hypotheses on the Emergence of Extreme Right-Wing Parties in Europe, *European Journal of Political Research*, 1992, 22(1), pp. 3–34. doi: 10.1111/j.1475–6765.1992.tb00303.x.

ILO *World Social Protection Report 2017–19: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals*. International Labour Office — Geneva: ILO, 2017. URL: http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/-dgreports/-dcomm/-publ/documents/publication/wcms_604882.pdf (accessed: 07.10.2021).

Immerzeel T., Lubbers M., Coffé H. Competing with the radical right: Distances between the European radical right and other parties on typical radical right issues, *Party Politics*, 2016, 22(6), pp. 823–834. doi: 10.1177/1354068814567975.

Inglehart R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1977. 495 p. doi: 10.1515/9781400869589.

Inglehart R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990. 504 p. doi: 10.2307/j.ctv346rbz.

Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997. 464 p. doi: 10.2307/j.ctv10vm2ns.

Jackman R.W., Volpert K. Conditions Favouring Parties of the Extreme Right in Western Europe, *British Journal of Political Science*, 1996, 26(4), pp. 501–521.

Kessler A.E., Freeman G.P. Support for Extreme Right-Wing Parties in Western Europe: Individual Attributes, Political Attitudes, and National Context, *Comparative European Politics*, 2005, 3(3), pp. 261–288. doi: 10.1057/palgrave.cep.6110063.

Kitschelt H. Growth and Persistence of the Radical Right in Postindustrial Democracies: Advances and Challenges in Comparative Research, *West European Politics*, 2007, 30(5), pp. 1176–1206. doi: 10.1080/01402380701617563.

Kitschelt H. Party Systems and Radical Right-Wing Parties. In: *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press, 2018, pp. 166–199. doi: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.9.

Kitschelt H., in collaboration with McGann A.J. *The radical right in Western Europe: a comparative analysis*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1995. xiii, 332 p. doi: 10.3998/mpub.14501.

Knigge P. The Ecological Correlates of Right-Wing Extremism in Western Europe, *European Journal of Political Research*, 1998, 34(2), pp. 249–279. doi: 10.1023/A:1006953714624.

Laakso M., Taagepera R. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe, *Comparative Political Studies*, 1979, 12(1), pp. 3–27. doi: 10.1177/001041407901200101.

Lubbers M., Coenders M. Nationalistic attitudes and voting for the radical right in Europe, *European Union Politics*, 2017, 18(1), pp. 98–118. doi: 10.1177/1465116516678932.

Lubbers M., Gijsberts M., Scheepers P. Extreme Right-Wing Voting in Western Europe, *European Journal of Political Research*, 2002, 41(3), pp. 345–378. doi: 10.1111/1475–6765.00015

Meguid B.M. Competition between Unequals: The Role of Mainstream Party Strategy in Niche Party Success, *American Political Science Review*, 2005, 99(3), pp. 347–359. doi: 10.1017/S0003055405051701.

Minkenberg M., Kossack O. Conclusions: Actors, interaction, and impact in comparison. In: *Transforming the Transformation? The East European radical right in the political process*. Ed. by M. Minkenberg. London and New York: Routledge, 2015, pp. 349–359. doi: 10.4324/9781315730578.

Mudde C. *Populist Radical Right Parties in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 404 p. doi: 10.1017/CBO9780511492037.

Mudde C. The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave, *C-REX Working Paper Series*, 2016, 1, pp. 1–23.

Muis J., Immerzeel T. Causes and consequences of the rise of populist radical right parties and movements in Europe, *Current Sociology Review*, 2017, 65(6), pp. 909–930. doi: 10.1177/0011392117717294.

Norris P. *Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market*, New York: Cambridge University Press, 2005. 363 p. doi: 10.1017/CBO9780511615955.

Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*, New York: Cambridge University Press, 2019, pp. 564. doi: 10.1017/9781108595841.

Pytlas B. *Radical Right Parties in Central and Eastern Europe: Mainstream Party Competition and Electoral Fortune*. London, New York: Routledge, 2016. 242 p.

Raudenbush S.W., Bryk A.S. *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. 512 p.

Rydgren J. The Sociology of the Radical Right, *Annual Review of Sociology*, 2007, 33, pp. 241–262. doi: 10.1146/annurev.soc.33.040406.131752.

Rydgren J. The Radical Right: An Introduction. In: *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press, 2018, pp. 1–16. doi: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.1.

Safronov V.V. Golosovaniye za radikal'nyye pravyye partii v Yevrope: rol' kul'turnogo izmeneniya i partiynoy polarizatsii (Chast' 2) [Voting for Radical Right Parties in Europe: The Role of Cultural Change and Party Polarization (Part 2)], *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], 2019, 1, pp. 2–11. doi: 10.33491/telescope2019.101. (In Russian)

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries, *Advances in experimental social psychology*, 1992, 25, pp. 1–65. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6.

Schwartz S. *European Social Survey Core Questionnaire Development. A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations* (Chapter 7). London: European Social Survey, City University London, 2001.

Schwartz S.H. A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications, *Comparative Sociology*, 2006, 5(2–3), pp. 137–182. doi: 10.1163/156913306778667357.

Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values, *Online Readings in Psychology and Culture*, 2012, 2(1). doi: 10.9707/230770919.1116.

Sigelman L., Yough S.N. Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis, *Comparative Political Studies*, 1978, 11(3), pp. 335–379. doi: 10.1177/001041407801100304.

Smith J.M. Does Crime Pay? Issue Ownership, Political Opportunity, and the Populist Right in Western Europe, *Comparative Political Studies*, 2010, 43(11), pp. 1471–1498. doi: 10.1177/0010414010372593.

Spies D. Explaining Working-Class Support for Extreme Right Parties: A Party Competition Approach, *Acta Politica*, 2013, 48(3), pp. 296–325. doi: 10.1057/ap.2012.37.

Spies D., Franzmann S.T. A Two-Dimensional Approach to the Political Opportunity Structure of Extreme Right Parties in Western Europe, *West European Politics*, 2011, 34(5), pp. 1044–1069. doi: 10.1080/01402382.2011.591096.

Stefanovic D., Evans G. Multiple Winning Formulae? Far Right Voters and Parties in Eastern Europe, *Europe-Asia Studies*, 2019, 71(9), pp. 1443–1473. doi: 10.1080/09668136.2019.1653447.

Stockemer D., Halikiopoulou D., Vlandas T. ‘Birds of a feather’? Assessing the prevalence of anti-immigration attitudes among the far right electorate, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2020, pp. 1–27. doi: 10.1080/1369183X.2020.1770063.

Stockemer D., Lentz T., Mayer D. Individual Predictors of the Radical Right-Wing Vote in Europe: A Meta-Analysis of Articles in Peer-Reviewed Journals 1995–2016, *Government and Opposition*, 2018, 53(3), pp. 569–593. doi: 10.1017/gov.2018.2.

Swank D., Betz H.-G. Globalization, the Welfare State and Right-Wing Populism in Western Europe, *Socio-Economic Review*, 2003, 1(2), pp. 215–245. doi: 10.1093/soceco/1.2.215.

Teorell J., Dahlberg S., Holmberg S., Rothstein B., Pachon N.A., Axelsson S. *The Quality of Government Standard Dataset*, version Jan20. University of Gothenburg: The Quality of Government Institute, 2020. URL: <http://www.qog.pol.gu.se> (accessed 05.10.2021). doi: 10.18157/qogstdjan20.

The Oxford Handbook of the Radical Right. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press, 2018. 760 p. doi: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.001.0001.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs. Population Division. *Trends in International Migrant Stock: The 2017 revision* (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017), 2017.

Van der Brug W., Fennema M., Tillie J. Why Some Anti-Immigrant Parties Fail and Others Succeed. A Two-Step Model of Aggregate Electoral Support, *Comparative Political Studies*, 2005, 38(5), pp. 537–573. doi: 10.1177/0010414004273928.

Veugelers J., Magnan A. Conditions of Far-Right Strength in Contemporary Western Europe: An Application of Kitschelt’s Theory, *European Journal of Political Research*, 2005, 44(6), pp. 837–860. doi:10.1111/j.1475–6765.2005.00249.x.

Vlandas T., Halikiopoulou D. Welfare state policies and far right party support: moderating ‘insecurity effects’ among different social groups, *West European Politics*, 2021, pp. 1–26. doi: 10.1080/01402382.2021.1886498

Volkens A., Burst T., Krause W., Lehmann P., Matthieß T., Merz N., Regel S., Weßels B., Zehnter L. *The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG / CMP / MARPOR)*. Version 2020a. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), 2020a. doi: 10.25522/manifesto.mpps.2020a

Volkens A., Burst T., Krause W., Lehmann P., Matthieß T., Merz N., Regel S., Weßels B., Zehnter L. *The Manifesto Project Dataset — Codebook. Manifesto Project (MRG / CMP / MARPOR)*. Version 2020a. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), 2020b.

CONTEXTUAL MODERATION OF ANTI-IMMIGRANT MOTIVATIONS TO VOTE FOR RADICAL RIGHT PARTIES IN EUROPE

V. V. Safronov

(vsafronov@list.ru)

Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Citation: Safronov V. Contextual Moderation of Anti-Immigrant Motivations to Vote for Radical Right Parties in Europe [Kontekstnaya moderaciya antiimmigrantskih motivacij k golosovaniju za radikal'nye pravye partii v Evrope]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (2): 134–188. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.6>

Abstract. *The article is devoted to the examination of societal conditions in European countries, contributing to the success of the radical right parties (RRP) in the parliamentary elections. Previous studies, which often lead to inconsistent results, have not paid enough attention to theoretical discussion and empirical testing of assumptions related to the influence of societal context on the relationship between anti-immigrant attitudes and electoral support for the RRP. An analysis of the European Social Survey data (ESS, recent rounds) and a range of contextual factors that distinguish European countries in terms of economic conditions, immigrant populations, crime, party systems and culture was carried out using statistical methods of two-level logistic modeling. It showed that the negative attitude of the respondents to immigration is the most important reason for their electoral support for radical nationalist parties. This influence is especially pronounced in Western countries, but it can also be found in Eastern Europe. Structural, institutional and cultural factors are only weakly related to the unequal success rates of these parties in the countries studied. The most distinct influences are found when considering party systems. The results show that right-wing radicals succeed when their electoral appeals are legitimized by a shift in the conservative-nationalist direction of the main party of the right or the party system as a whole. They also manage to attract more voters when the salience of socio-cultural problems in the party system is high and with a strong polarization of party positions on these problems. A number of contextual factors are moderators of the relationship between the anti-immigrant beliefs of the respondents and the voting for the RPP. Individuals who hold these beliefs are especially willing to vote for radical parties when there are many immigrants in the country or their number*

is growing rapidly. Another important condition is the advancement of society along the trajectory of post-industrial development. Anti-immigrant motivations for nationalist parties voting intensify with the rise in economic well-being, the expansion of the service sector, the strengthening of the welfare state, and with a cultural shift from anxiety toward growth.

Keywords: *Radical right parties, parliamentary elections, voting, anti-immigrant beliefs, contextual societal factors, moderation effects, European Social Research (ESS Round 9).*

ДИСКУССИИ О ВЛАСТИ

БИОВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ¹

В.А. Гуторов

gut-50@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Гуторов В.А. Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 189–201.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.7>

Аннотация. Концепция биополитики и ее многообразные версии затронули фактически все уровни политического знания. Швейцарско-немецкий философ и теоретик культуры Бюнг-Чул Хан специально выделяет принципиально важное замечание Мишеля Фуко о том, что биополитика — это государственная технология дисциплинарной власти. Однако неолиберализм как дальнейшее развитие и по сути видоизмененная форма капитализма, открыл *psyche* как производительную силу, осуществив поворот к психополитике. Французский философ и антрополог Бернар Стиглер также постоянно акцентирует тезис, согласно которому концепция биовласти Фуко уже не соответствует времени и ей на смену приходит «психотехнологическая психовласть». При этом речь идет о «мягких» и психологических потрясениях, центром которых являются предметы потребления. После «консервативной революции» именно маркетинг определяет условия, в которых социализируются технологические инновации, заменяя общественные политические системы. Одно из наиболее существенных возражений, с которыми обычно сталкиваются

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: “посттрадиционный порядок” и кризис идентичности».

сторонники концептуальной модели биовласти, разработанной М. Фуко, состоит в следующем: почему суверенная власть, которой теперь по большей части отведена подчиненная роль, продолжает определять наше понимание политического? Хорошо известно, что Фуко рассматривает политическую философию в кантианском смысле как интеллектуальный проект по определению надлежащих границ политической власти: философия как дискурс, который *par excellence* связан с истиной, может установить пределы прав власти. Немецкий философ Томас Лемке вполне правомерно акцентирует внимание на том, что в таком переосмыслении фундаментальных проблем политической философии концепция биополитики играла далеко не последнюю роль. Точно так же концепция власти Фуко критически дистанцируется как от юридических, так и от «воинственных» понятий, которые рассматривают власть с точки зрения силы. В итоге власть и свобода не образуют противоположностей, включающих друг друга. Во многих отношениях «свобода» становится экзистенциальным условием власти. Разумеется, остается открытым вопрос, в какой мере обозначенные выше дискуссии вокруг новых проблем политической онтологии находят отклик в современной политологии и политической психологии. Сравнительный анализ научных трудов, посвященных проблемам политической власти и политического лидерства, на наш взгляд, свидетельствует о том, что многие ученые склонны разделять не новейшие интерпретации философии власти Мишеля Фуко, но скорее обозначенные выше теоретические позиции и принципы Бюнг-Чул Хана и Бернара Стиглера. Воздействие идей последних отчасти проявляется в формировании новых психополитических интерпретаций власти, например в рамках трех психологических концепций, которые анализируют различные типы политического лидерства и реакции социальных групп — «власть как контроль», «власть как угроза», «власть: приближение и сдерживание».

Ключевые слова: биовласть, биополитика, политическое, власть, капитализм, психополитика, неолиберализм, свобода, политическая философия, политическое лидерство.

Концепция биополитики и ее многообразные версии, возникшие во второй половине XX в. и приобретающие в наши дни особенную интенсивность, затронули фактически все уровни политического знания — от классической политологии до различных направлений политической теории и систем политической философии, знаменуя весьма характерный поворот в интерпретации понятия «политическое». В современной научной и философской литературе широко представлены различные гипотезы относительно причин подобного дискурсив-

ного поворота. Например, в книге «Психополитика: неолиберализм и новые технологии власти» швейцарско-немецкий философ и теоретик культуры Бюнг-Чул Хан специально выделяет принципиально важное замечание Мишеля Фуко о том, что начиная с XVII в. власть перестала проявляться как способность богоподобного властителя предрешать смерть и вместо этого приняла дисциплинарную форму. Сила суверенитета — это мощь меча. Он угрожает смертью и использует «привилегию овладевать жизнью, чтобы подавлять ее». Напротив, дисциплинарная власть — это не сила, имеющая дело со смертью, а власть над жизнью: ее функция больше не убивать, а «повсеместно инвестировать в жизнь». Таким образом, «старая сила смерти» уступает место осторожному «управлению телами» и «расчетливому управлению жизнью». Дисциплинарная власть открыла «население» как производительную и репродуктивную массу, которой нужно тщательно управлять. К этой задаче и обращается биополитика. Репродуктивные циклы, рождаемость и смертность, уровень общего здоровья и ожидаемая продолжительность жизни являются объектами регулирования. Фуко открыто обсуждает биополитику населения. Биополитика — это государственная технология дисциплинарной власти. Однако такой подход оказывается совершенно непригодным для неолиберального режима, который эксплуатирует прежде всего психику. Биополитика, использующая статистику населения, «не имеет доступа к психическому царству». Она не может дать материал для составления психограммы населения. Но неолиберализм как дальнейшее развитие и по сути — видоизмененная форма капитализма, не рассматривает «биологическое, соматическое и телесное» в качестве приоритетов. Он открыл *psyche* как производительную силу. Этот психический поворот, то есть поворот к психополитике, также связан с характером деятельности современного капитализма. Теперь нематериальные и нефизические формы производства определяют курс капитализма [Byung-Chul Han 2017: 39–40].

В книге «Забота о молодежи и поколениях» французский философ и антрополог Бернар Стиглер настаивает на том, что концепция биовласти Фуко стала уже анахронизмом: «Биовласть Фуко, которую он сам описывает..., локализуя ее в Европе исторически и географически, больше не является силой, стоящей за нашей эпохой». По его мнению, на смену биовласти приходит «психотехнологическая психовласть» [Stiegler 2010: 126].

В другой своей работе «Состояния шока: глупость и знание в XXI веке» Стийлер отмечает, что современная публичность как социальное явление (*modern public thing*) возникло в XIX в. в форме национального государства. «Бертран Гилле показал, что его первая цель заключалась в уменьшении диспропорции между технической системой и социальными системами путем сохранения последних, то есть путем поглощения потрясений». Однако, консервативная революция, решив, что «правительство является проблемой, а не решением», стремится к ликвидации всей государственной власти, которую нужно заменить маркетингом как светским рычагом частной финансовой власти. Последняя привержена оркестровке постоянных потрясений. При этом речь идет о «мягких» и психологических потрясениях, центром которых являются предметы потребления. «Это позволяет установить крупномасштабные (глобальные) процессы “коллективного выстраивания в одну линию” (*co-linearization*), посредством которых психические цели подчиняются требованиям экономической сферы, а социальные цели замыкаются». После «консервативной революции» именно маркетинг определяет условия, в которых социализируются технологические инновации, заменяя общественные политические системы. «Эти системы до сих пор позволяли социальным системам адаптировать техническую систему, “трансформируя и транс-индивидуализируя становление в будущее [*le devenir en avenir*]” и тем самым открывая возможность второго момента эпохального удвоения, посредством которого короткие замыкания в переходном состоянии уступают место длинным замыканиям» [Stiegler 2015: 175–176].

Одно из наиболее существенных возражений, с которыми обычно сталкиваются сторонники концептуальной модели биовласти, разработанной М. Фуко, состоит в следующем: «Почему суверенная власть, которой теперь по большей части отведена подчиненная роль, продолжает определять наше понимание политического? Иными словами, если биовласть действительно стала широко распространенной современной моделью власти, как утверждает Фуко, почему она не узнаваема как таковая?» [Cisney, Morar 2016: 14].

По мнению Антонио Негри, Фуко начал разрабатывать свою концепцию в рамках уже сложившейся идейной парадигмы: структурализм атаковал «автономию политического» и любую идеологию, которая изолировала функцию политического от экономической и социальной борьбы. Хотя в структурализме политическое уже приобрело биополи-

тический оттенок, «переход Фуко к биополитическому не был буквальным переводом положений Франкфуртской школы («Одномерный человек» Маркузе), где человеческое все еще воссоединяется вокруг онтологии власти, пусть даже в состоянии отчуждения и всеобщего деспотизма. У Фуко мы имеем дело с полной противоположностью, потому что человеческое волнуется, движется и изменяется. Другими словами, поскольку структуралистский контекст преодолевается субъективностью, он открывает множество измерений» [Negri 2016: 53–54].

Постулируя тезисы о «полной противоположности» фукодианской трактовки биополитического постструктуралистским интерпретациям, А. Негри практически оставляет в стороне вопрос о той роли, которую играла политико-философская составляющая в процессе преодоления «структуралистского контекста». Хорошо известно, что Фуко рассматривает политическую философию в кантовском смысле как интеллектуальный проект по определению надлежащих границ политической власти [Simons 2002: 51]. В частности, он подчеркивал, что «мы можем сформулировать традиционный вопрос политической философии в следующих терминах: каким образом дискурс истины или, проще говоря, философия как дискурс, который *par excellence* связан с истиной, может установить пределы прав власти?» [Foucault 1980: 93; см. также: Hoffman 2014: 11].

В своей работе «Биополитика: продвинутое введение» Томас Лемке вполне правомерно акцентирует внимания на том, что в таком переосмыслении фундаментальных проблем политической философии концепция биополитики играла далеко не последнюю роль: «Биополитика требует систематического знания “жизни” и “живых существ”. Системы знаний предоставляют когнитивные и нормативные карты, которые открывают биополитические пространства и определяют как субъекты, так и объекты вмешательства. Они делают реальность жизни постижимой и рассчитанной таким образом, чтобы ее можно было формировать и преобразовывать. Таким образом, необходимо понять режим истины (и его избирательность), который составляет основу биополитических практик. Следует задаться вопросом, какие знания о теле и жизненных процессах считаются социально значимыми и, напротив, какие альтернативные интерпретации обесцениваются или маргинализируются. Какие научные эксперты и дисциплины имеют законные полномочия говорить правду о жизни, здоровье или конкретном населении? В каком словаре описываются, измеряются, оценива-

ются и критикуются жизненные процессы? Какие когнитивные и интеллектуальные инструменты и технологические процедуры готовы произвести истину? Какие предложения и определения проблем и задач, касающихся жизненных процессов, получают общественное признание?» [Lemke 2011: 119] (ср.: [Lemke 2021: 136–140]).

Аналитика «дискурса истины» в философии Фуко теснейшим образом связана с переосмыслением этических проблем интерпретации власти. Этот аспект довольно подробно исследован в новейшей работе Томаса Лемке «Анализ современной правительности Фуко: критика политического разума» (см.: [Lemke 2019]). По его мнению, концепция этики Фуко указывает не на индивидуальные самореализации, а на коллективный образ жизни. «Его “генеалогия современного субъекта” пытается избежать альтернативы между субъективизмом и объективизмом; при более внимательном рассмотрении “нечестивый субъективизм”, который должен придерживаться этого предприятия, проявляется как политический интерес к субъективности, находящийся за пределами христианской пастьерской власти. Что интересует Фуко в этической проблематике, так это “идея о том, что этика может быть очень сильной структурой существования, не имеющей никакого отношения к юридическому *per se*, с [соответствующей] авторитарной системой и дисциплинарной структурой”» [Lemke 2019: 315].

Теоретическая оценка этики Фуко и его анализ с точки зрения «поведения» (*conduite*) придают его концепции власти большую точность. Фуко определяет сферу властных отношений как взаимодействие между технологиями «я» и технологиями господства; при этом фактические возможности, с одной стороны, отличаются от коммуникативных отношений, с другой. Точно так же его концепция власти критически дистанцируется как от юридических, так и от «воинственных» понятий, которые рассматривают власть с точки зрения силы. Возможно, двусмысленный характер термина «поведение» является одним из лучших помощников в понимании специфики властных отношений. Ибо «вести» означает в то же время «вести за собой» других (в соответствии с механизмами принуждения, которые в той или иной степени являются весьма строгими) и способ поведения в более или менее открытом поле возможностей. Осуществление власти состоит в том, чтобы определить возможность поведения и упорядочить возможные результаты. «Тем не менее, из этого определения власти как “руководящего поведения” (“conducting conducts”) не следует, что методы управления исклю-

чают применение силы; это также не означает, что согласие не имеет преимущественной силы. Это различие скорее аналитическое, чем эмпирическое. Действительно, властные отношения могут включать юридическое или фактическое соглашение, так же как они могут действовать посредством силы или принуждения. Ключевым моментом является то, что такие элементы не образуют властных отношений. Они могут быть следствием или инструментом властных отношений, но не их основанием или принципом» [Lemke 2019: 316].

В этих условиях властные отношения приобретают особую форму: это не вопрос статических отношений между людьми; скорее они принимают форму действия над действиями. Этот момент относительности и рефлексивности отделяет властные отношения от отношений, определяемых соглашением или насилием. «Сами по себе» властные отношения не являются насилием. Это полная структура действий, которые накладываются на возможные действия; «она подстрекает, она побуждает, соблазняет, облегчает или затрудняет, в высшей степени сдерживает или запрещает абсолютно; тем не менее, это всегда способ воздействия на действующего субъекта или действующих субъектов в силу их действия или способности действовать. В таких условиях властные отношения предполагают как действующих субъектов, так и существование поля возможностей, допускающего множество различных ответов, реакций, способов поведения и так далее. Это означает, что властные отношения различаются «вычислением» того, что делают субъекты: оказанием влияния и определением действий, формированием и управлением волей. Отношения власти характеризуют не решимость в строгом смысле, а открытость и незавершенность. «Характерной чертой власти является то, что одни люди могут более или менее полностью определять поведение других людей, но они никогда не действуют изнуряюще или принудительно» [Lemke 2019: 316–317].

Томас Лемке завершает свой анализ «дискурса истины» следующим весьма знаменательным заключением: в политической философии Фуко свобода представляет собой центральный элемент во властных отношениях. «В аналитике управления Фуко власть и свобода не образуют противоположностей, исключаящих друг друга. Вместо этого, во многих отношениях, “свобода” становится экзистенциальным условием власти: она обеспечивает онтологическое предварительное условие для отношения власти, поскольку осуществление власти в качестве воздействия на возможные или фактические действия требует субъек-

тивной свободы; кроме того, она становится материальным носителем властных отношений, поскольку без “свободы” само властное отношение исчезнет и уступит место простому насилию. Это означает, что “свобода” и власть не только не исключают друг друга, но фактически включают друг друга, в результате чего “свобода” представляет собой характерный элемент внутри властных отношений. Власть осуществляется только над свободными подданными и только постольку, поскольку они свободны». [Lemke 2019: 318].

Разумеется, остается открытым вопрос, в какой мере обозначенные выше дискуссии вокруг новых проблем политической онтологии находят отклик в современной политологии и политической психологии. Сравнительный анализ научных трудов, посвященных проблемам политической власти и политического лидерства, на наш взгляд, свидетельствует о том, что многие ученые склонны разделять не новейшие интерпретации философии власти Мишеля Фуко, а скорее обозначенные выше теоретические позиции и принципы Бюнг-Чул Хана и Бернара Стиглера. Воздействие идей последних отчасти проявляется в формировании новых психополитических интерпретаций власти, например в рамках трех психологических концепций, посредством которых анализируются различные типы политического лидерства и реакции социальных групп — «власть как контроль» (Power as Control), «власть как угроза» (Power as Threat), «власть: приближение и сдерживание» (Power, Approach, and Inhibition) (см.: [Leadership and Power 2003: 142 sq.]).

Сторонники концепции «власти как контроля» (РАС) (С. Гудвин и др.) утверждают, что власть может изменить как мотивацию, так и когнитивные ресурсы, необходимые для формирования адекватных ответных реакций со стороны подчиненных. Утрачивая (нередко намеренно) источники информации от социальных групп, власть предрежащие склонны полагаться на собственные субъективные восприятия. «Стереотипы по умолчанию» — это не требующая усилий стратегия, характеризующаяся невниманием к ожиданиям подвластных [Goodwin 2003: 142–143].

Концепция «власти как угрозы» (РАТ) (Д. Джорджсен, М. Харрис) аналогичным образом фокусирует внимание на оценке подчиненных властями. Однако она определяет характер угрозы путем проекции негативных реакций на подвластных. Согласно этой теории, сам факт занятия властных позиций обычно содержит в себе «некоторую форму

угрозы». Когда угрозы становятся заметными, у сильных мира сего может появиться мотивация для предвзятых суждений не только о подчиненных, но и о самих себе. Важно отметить, что данная теория отличает «угрозы, основанные на самооценке» от угроз властным позициям «снизу» [Georges, Harris 1998: 184–95; Georges, Harris 2000: 1239–1257; Goodwin 2003:143].

Согласно теории «власти как приближения и сдерживания» (РАИ) (Д. Кельтнер и др.), возрастающая власть активизирует систему «взаимодействия сближающихся подходов», тогда как ее недостаточность провоцирует «систему торможения». При этом предполагается, что различные варианты активации и дезактивации власти порождают предвзятость, согласующуюся с двумя другими, обозначенными выше, моделями. Предполагается, что эти процессы увеличивают вероятность того, что власть имущие будут унижать подчиненных и обращаться с ними неэтично [Keltner, Gruenfeld, Anderson 2003: 265–284].

Частично отталкиваясь от обозначенных выше теорий, Стефен Рейхер и Ник Хопкинс отмечают в статье «О науке искусства лидерства», что «в послевоенный период было проведено множество клинических исследований, в которых харизматические лидеры были диагностированы как страдающие целым рядом психотических расстройств и расстройств личности. Ирония заключается в том, что, когда влиятельным лидерам ставят диагноз безумия, им отказывают в той самой посреднической деятельности, которая первоначально делала их привлекательными. Итак, возможно ли предоставить свободу воли лидеру, не отнимая ее у всех остальных? Можем ли мы представить себе лидерство таким образом, чтобы допустить иные возможности, помимо оглушающей тупости и абсолютной тирании? В частности, дает ли социальная психология выход за рамки таких непривлекательных альтернатив? <...> Акцент на личностных чертах, которые характеризуют эффективного лидера в довоенный период, уступил место теориям непредвиденных обстоятельств, исследующим ситуации, в которых различные личности выходят на первый план. Смысл таких моделей состоит в том, что никто из лидеров, какими бы качествами они не обладали, не может творить мир так, как он захочет. Хотя лидеры могут иметь власть при определенных обстоятельствах, именно (общий) контекст скорее определяет их влияние, чем их стремления создавать свои собственные контексты. Но, несмотря на такой акцент, в моделях непредвиденных обстоятельств обычно не учитывается тот факт, что

ключевым контекстом, в котором действуют лидеры, является группа. Нет оснований признавать взаимозависимость между лидерством и приверженностью. Следовательно, такие модели не представляют собой расширения деятельности от лидеров до тех, кто за ними следует. Ибо каким образом те, кто отсутствуют, могут быть деятельными индивидами? Скорее они представляют собой частичное ограничение даже той свободы воли, которая предоставляется лидерам» [Reicher, Hopkins 2003: 197–198].

В целом тональность статьи довольно пессимистичная. Ее постоянным лейтмотивом является следующее рассуждение: «Хотя такая позиция представляет собой полное поражение героического взгляда на лидерство, она также делает массы пассивными. Последователи, как и их лидеры, похоже, действуют исходя из идентичности, которая определяется контекстом, а не ими самими. Они могут одобрять прототипных лидеров, но и в этом деле их выбор весьма невелик. Поэтому, хотя лидеры и последователи связаны вместе, дело не в том, что воля лидера уравнивается волей последователей, а в том, что и те, и другие выглядят как марионетки групповых процессов. Это не столько перераспределение деятельных возможностей и воображения, сколько их забвение» [Reicher, Hopkins 2003: 199].

Такого рода пессимизм суждений, на наш взгляд, имеет фундаментальный характер, поскольку в нем весьма рельефно отражаются многообразные версии той «психологической экспертизы», на основании которой современные ученые постоянно ставят нелицеприятный диагноз современной неолиберальной модели власти (см., например: [Klein 2017: 118–123]). Разумеется, их шансы «быть услышанными» сравнительно невелики. Однако постоянно возобновляющиеся попытки такого рода до известной степени реабилитируют имидж академического сообщества в качестве политического актора, что само по себе не может не внушать пусть даже осторожный оптимизм.

Литература/References

Byung-Chul Han. *Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power*. London; New York: Verso, 2017. 96 p.

Cisney V.W., Morar N. Introduction: Why Biopower? Why Now? In: *Biopower: Foucault and Beyond*. Ed. by V. W. Cisney, N. Morar. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016, pp. 1–25.

Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*. Ed. by C. Gordon. New York: Pantheon Books, 1980. 270 p.

Georges J.C., Harris M.J. Why's My Boss Always Holding Me Down? A Meta-analysis of Power Effects on Performance Evaluations. *Personality and Social Psychology Review*, 1998. no 2, pp. 184 — 195.

Georges J.C., Harris M.J. The Balance of Power: Interpersonal Consequences of Differential Power and Expectations. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000, no 26, pp. 1239–1257.

Goodwin S.A. Power and Prejudice: A Social-Cognitive Perspective on Power and Leadership. In: *Leadership and Power: Identity Processes in Groups and Organizations*. Ed. by D. Van Knippenberg, M.A. Hogg. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2003, pp.138–152.

Hoffman M. *Foucault and Power: The Influence of Political Engagement on Theories of Power*. New York; London; New Delhi; Sydney: Bloomsbury, 2014. 221 p.

Keltner D., Gruenfeld D.H., Anderson C. Power, Approach, and Inhibition. *Psychological Review*, 2003, no 110 (2), pp. 265–284.

Klein E. *Developing Minds: Psychology, Neoliberalism and Power*. London; New York: Routledge, 2017. 140 p.

Leadership and Power: Identity Processes in Groups and Organizations. Ed. by D. Van Knippenberg, M.A. Hogg. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2003. 263 p.

Lemke Th. *Biopolitics: An Advanced Introduction*. New York; London: New York University Press, 2011. 144 p.

Lemke Th. *Foucault's Analysis of Modern Governmentality: A Critique of Political Reason*. London; New York: Verso, 2019. 464 p.

Lemke Th. *The Government of Things: Foucault and the New Materialisms*. New York: New York University Press, 2021. 320 p.

Negri A. At the Origins of Biopolitics. In: *Biopower: Foucault and Beyond*. Ed. by V.W. Cisney, N. Morar. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016, pp. 48–64.

Reicher S., Nick Hopkins N. On the Science of the Art of Leadership. In: *Leadership and Power: Identity Processes in Groups and Organizations*. Ed. by D. Van Knippenberg, M.A. Hogg. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2003, pp. 197–209.

Simons J. *Foucault and the Political*. London; New York: Routledge, 2002. 152 p.

Stiegler B. *Taking Care of Youth and the Generations*. Stanford, California: Stanford University Press, 2010. 238 p.

Stiegler B. *States of Shock: Stupidity and Knowledge in the 21st Century*. Cambridge: Polity, 2015. 280 p.

BIOPOWER AND THE POLITICAL: ACTUAL ASPECTS OF CONTEMPORARY DISCUSSIONS*

V. Gutorov

gut-50@mail.ru

St. Petersburg State University

St.-Petersburg, Russia

Citation: Gutorov V. Biovlást' i politicheskoye: aktual'nyye aspekty sovremennykh diskussiy [Biopower and the political: actual aspects of contemporary discussions]. Vlast' i elity [Power and Elites], 2021, 8 (2): 189–201. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.7>

**The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project no. 21-011-31167 “Neoliberalism in modern political discourse: ‘post-traditional order’ and the crisis of identity”.*

Abstract. *The concept of biopolitics and its diverse versions, which emerged in the second half of the 20th century and are acquiring special intensity today, have affected virtually all levels of political knowledge — from classical political science to various areas of political theory and systems of political philosophy, marking a very characteristic turn in the interpretation of the concept of the political. The Swiss-German philosopher and cultural theorist Byung-Chul Han specifically highlights Michel Foucault's fundamentally important remark that biopolitics is a state technology of disciplinary power. However, neoliberalism, as a further development and, in fact, a modified form of capitalism, opened psyche as a productive force, having made a turn towards psychopolitics. The French philosopher and anthropologist Bernard Stigler also constantly emphasizes the thesis that Foucault's concept of biopower has already become an anachronism and is being replaced by “psychotechnological psychopower”. In this case, we are talking about “soft” and psychological shocks, the center of which are consumer goods. After the “conservative revolution”, it is marketing that determines the conditions in which technological innovation is socialized, replacing social political systems. One of the most significant objections that supporters of the conceptual model of biopower developed by M. Foucault usually face is the following: why does sovereign power, which is now largely assigned a subordinate role, continue to determine our understanding of the political? It is well known that Foucault views political philosophy in the Kantian sense as an intellectual project for defining the proper boundaries of political power: philosophy, as a discourse that is par*

excellence bound up with truth, can establish the limits of the rights of power. The German philosopher Thomas Lemke quite rightly focuses on the fact that in such a rethinking of the fundamental problems of political philosophy the concept of biopolitics played an important role. Likewise, the Foucault' concept of power critically distances himself from both legal and "belligerent" concepts that view power in terms of strength. As a result, power and freedom do not form opposites that exclude each other; in many ways, "freedom" becomes an existential condition of power. Of course, the question remains open to what extent the above-mentioned discussions around new problems of political ontology find a response in modern political science and political psychology. A comparative analysis of scientific works devoted to the problems of political power and political leadership, in our opinion, indicates that many scientists are inclined to share not the newest interpretations of Michel Foucault's philosophy of power, but rather the theoretical positions and principles of Byung-Chul Khan and Bernard Stigler. The influence of the latter's ideas is partly manifested in the formation of new psychopolitical interpretations of power, for example, within the framework of three psychological concepts, within the framework of which various types of political leadership and reactions of social groups are analyzed — "power as control"; "power as a threat"; "power: approach and inhibition".

Keywords: *biopower, biopolitics, the political, power, capitalism, psychopolitics, neoliberalism, freedom, political philosophy, political leadership.*

ЭССЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В СТРУКТУРЕ
АКТИВНОСТИ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА.
ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОЧЕВИДЦА

А.И. Соловьев

solovyev@spa.msu.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Цитирование: Соловьев А.И. Государственные перевороты в структуре активности правящего класса. Заблуждения очевидца // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 202–215.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.8>

Аннотация. *Рассматриваются основные причины и факторы, стимулирующие различных представителей правящих кругов использовать в условиях нарастающего кризиса и неопределенности будущих общественных трансформаций механизмы и инструменты государственного переворота. Раскрывается ключевая роль неформальных коалиций правящего класса в инициации этих форм изменения власти. Одновременно отмечаются эпистемологические трудности в идентификации понятия «государственный переворот», его способность протекать в латентных формах на основе использования публичных инструментов и информационного прикрытия.*

Ключевые слова: *власть, государство, политические элиты, неформальные сетевые коалиции, государственный переворот.*

Всем мало-мальски интересующимся политическими проблемами хорошо известно, что под публичными акциями и интеракциями скрывается громадный массив тайных переговоров, союзов и острых столкновений конкурентов — легальных и криминальных участников в борьбе за власть. О некоторых результатах этих латентных коммуникаций

мир рано или поздно узнает, о некоторых, видимо, не узнает никогда. При этом публичные и латентные процессы связаны весьма причудливым образом, подчас слабо поддающимся рациональным формам рефлексии.

Скрытый от людей пласт таинственных политических коммуникаций всегда оставлял пространство для различных конспирологических и кратологических теорий. Впрочем, и те, кто не относит себя к этой категории мыслителей, тоже вряд ли способен внятно объяснить все каверзы тайной дипломатии, неожиданных политических сделок или их обрушения. (Вспомним, что в июле 2021 г. еще до захвата власти талибами с их делегацией официально переговаривались чиновники МИДа, хотя их движение и тогда, и сегодня считается экстремистским и запрещено в РФ. При этом с внутренней несистемной оппозицией, также пребывающей в этом статусе, переговоры категорически отрицались.)

Впрочем, основной части населения не особенно нужно разбираться в этих хитросплетениях, ибо у них своя траектория жизни и крупные последствия принимаемых, в том числе скрытым образом, наверху решений воспринимается людьми как телодвижения природы, к которым надо приспособливаться, не помышляя о причинах свершившегося. Одним словом, публичная политика — это всего лишь верхушка айсберга, а информация о происходящих в подводной части процессах чаще всего защищается, скрывается и искажается, дабы важным игрокам не утратить свои позиции и активы.

Не менее очевиден и тот факт, что главным сценаристом и одновременно исполнителем всех запутанных схем властной конкуренции и масштабного проектирования является правящее меньшинство. То есть те нетипичные социальные группировки, которые контролируют публичные институты и механизмы принятия основных политических решений. Конечно, прежде всего на государственном уровне. В этом смысле даже развитые демократические формы организации власти всего лишь меняют форму проявления элитарного доминирования.

Думается, время уже разубедило сторонников всемогущества коллективного актора, политического лидерства масс, нацеленных на неуклонное воплощение своего суверенитета и уверенно выстраивающих демократические конструкции политических систем, основанных на участии элитарных и неэлитарных слоев. Если такие идеи и были оправданы, то, видимо, применительно лишь к каким-то особенным,

а не типичным стадиям общественного развития. В повседневной же действительности позиции и приоритеты правящих кругов вряд ли у кого вызывают сомнения. И хотя многие ученые до сих пор рассматривают в виде источников изменений крупные социально-экономические, информационные и иных общественные конфликты, нельзя не видеть, что характер интерпретации этих противоречий, а равно выбор времени, места и способов их урегулирования интерпретируется именно правящими кругами. Которые, кстати, нередко просто имитируют решение той или иной общественной задачи.

Одним словом, история однозначно засвидетельствовала наличие у элитарных слоев значительно превосходящих общество компетенций (по части управления общественными процессами) и возможностей реализации собственных интересов, в том числе вне контроля со стороны общества. И даже в условиях цифровизации государственного управления ситуация коренным образом не меняется. Так что внутри элитарные конфликты, непосредственно касающиеся положения различных кругов правящего класса, обладают куда более мощным источником общественных преобразований, нежели общественно значимые проблемы. И это тем более так, поскольку сегодня электоральные и иные механизмы представительства гражданских интересов, призванные стимулировать ответственность элиты перед населением, неуклонно снижают свою эффективность. Даже многоликие формы краудсорсинга, предполагающие использование властями гражданского интеллекта и энергетического ресурса населения, в конечном счете контролируются элитами.

Одним словом, наблюдая за внутриэлитарными коммуникациями в сфере власти, можно каким-то образом понять грядущие тренды развития общества. Однако в сфере этих отношений один из постоянно используемых элитами инструментов завоевания преимуществ начинает активно изменять свои формы, откровенно мистифицируя наблюдателей. Речь идет о государственных переворотах как решающем козыре изменения господствующих позиций теми или иными сегментами правящего слоя. Этот механизм выхода из внутриэлитарного кризиса, ранее отчетливо проявлявший себя в виде дворцовых переворотов с кинематографическими сценами заколотых царей и императоров, мятежами вооруженных царедворцев, насилием зарубежных наемников и даже массовыми жертвами (как в печальных для Украины событиях зимы 2014 г.), на глазах меняет свои политические обличья.

С одной стороны, хорошо известно, что действия государства никогда не подчиняются какой-то единой логике, в основании чего в конечном счете всегда лежат узкогрупповые интересы различных слоев правящего класса, осуществляющих разнообразные политические проекты в тех или иных областях, отраслях, на территориях и т.д. Эта объективная причина разногласий и внутренней диверсификации государственной машины особенно сильно проявляется на верхних этажах власти, озабоченных проблемами поддержания нужной координации и поиска зон, где можно без риска применять принудительные формы регулирования элитарных связей. Стоит прибавить к этой картине амбиции, тщеславие, ревность, зависть и иные человеческие эмоции (не говоря уже об этнических гранях такого соперничества), процветающих в кругах, допущенных до распределения крупных общественных благ и ресурсов, и мы получим картину неутрачивающих там разногласий, прорывающихся наружу в виде межведомственной конкуренции, конфликтов политических тяжеловесов и противоборства деловых партнеров.

В этом смысле постсоветская история до предела наполнена примерами острейших граней внутриэлитарного соревнования: взлет и падение ГКЧП, фронда высших военачальников против Ельцина, семибанкирщина, полное переформатирование олигархических конструкций и зачистка информационного пространства в начале 2000-х, трудное умиротворение региональных лидеров и т.д. И каждый из этих сюжетов был беременен радикальной сменой правящего режима, как в легальной, так и илlegalной форме (в этой связи можно вспомнить хотя бы армейских заговорщиков генерала Л.Я. Рохлина).

Однако у «лихих 90-х» эстафету приняли нынешние реалии с их катастрофическим социально-экономическим расслоением и образованием достаточно узкой группы «форбс». По мнению В. Иноземцева, сегодня уже сформировалось новое российское дворянство, насчитывающее приблизительно 250 тыс. миллионеров (включая чиновников, силовиков и бизнесменов с близкими родственниками) и 150 тыс. служителей культа [Иноземцев 2021]. Применительно к нашему вопросу дело, конечно, не в констатации социальных разломов, а в том, что основные внутриэлитарные конфликты спроецировались на очень узкую группу населения. И поскольку в этом сообществе львиную долю занимают чиновники и выборные политики, получающие доходы от «служения государству», то борьба за ресурсы означает одновременно

и борьбу за позиции во власти (где сохранение источников сверхдоходов зависит от типа — отраслевого, регионального, ведомственного — доминирования).

И здесь самое время напомнить о наиболее существенном факторе, трансформирующем систему государственной власти и управления. Речь идет о непрерывном влиянии на публичные институты неформальных коалиций правящего класса, которые формально находятся за рамками официальных структур. Но это те игроки, чьи попытки колонизации институционального дизайна превращают их (вместе с аффилированными чиновниками и политиками) в основного регулятора распределения общественных ресурсов. По сути, это источник самостоятельной логики самодвижения власти, независимый от населения и неподконтрольный правовым установлениям государства. Помимо создания широчайшего круга субститутов, наиболее важным «достижением» сетевого давления является фактический раскол правящего класса на тех, кто реально «правит», и тех, кто общается с населением по поводу правления. Про первый сегмент правящей элиты можно с уверенностью сказать, что это те лица, которые демонстрируют такой стиль правления, при котором власть не управляет обществом, а игнорирует его запросы, занимаясь перераспределением благ в своих интересах (С. Холмс).

В то же время во втором сегменте находятся чиновники, политики и депутаты, которые прикрывают этих латентных игроков (тех, от кого зависят их позиции и благосостояние, а временами и свобода). Это, условно говоря, одноразовая элита, набираемая для представительских функций и временного исполнения формальных обязанностей или, говоря точнее, олицетворения «народной власти» и «ответственности элит перед народом», но чей состав (даже среди депутатов от партий системной оппозиции) регулируется из одного политического центра. В этом смысле весьма показательным является постоянное и достаточно масштабное обновление от выборов к выборам депутатского корпуса правящей партии (причем, в список кандидатов в Государственную Думу в 2021 г. не попал даже формальный лидер партии, но куда, как обычно вошел широкий круг узнаваемых населением селебрити).

Короче говоря, в правящих кругах всегда существует имитационный сегмент правящего класса, те, кто включен в «ядро» временщиков. Этот промежуточный слой — результат баланса сил, складывающихся между ключевыми политическими игроками. В качестве эксперимента

«рьяных» сторонников «правящей партии» тестируют и проверяют на прочность служения и преданности власть предержащим. Показательно, что среди них находятся и «народные избранники» из «оппозиционных» партий или, другими словами, надежные договороспособные депутаты из других политических сословий, которых рука не поднимается назвать оппозиционными, но которые «правильно понимают» «линию партии» и всегда поддерживают принципиальные решения властей. Впрочем, для придания этим конструкциям большей достоверности в этот круг включают и немного критиков, которые, впрочем, всегда обладают вполне маргинальными возможностями.

На этом официальном фоне нерегулируемая конкуренция правящих сетевых коалиций, определяющих для государственной политики бенефициаров и непривилегированные группы общества, в еще большей степени усиливает конфликтный характер внутри элитарных отношений. Причем основным источником конфликтов в правящем классе становится сокращение ресурсов и дефицит активов у этих неформальных ассоциаций. Что по понятным причинам неизбежно влияет на изменение отношений и обострение противоречий всех, в том числе доминирующих и даже монопольных, элитарных группировок. Сегодня, к примеру, мы можем видеть, как на протяжении последних лет в стране активно проявляется синдром «трех китов»¹, демонстрирующий противоборство различных силовых (и не только) ведомств, поочередно арестовывающих «коррупционеров» в рядах своих конкурентов — генералов-взяточников, сенаторов, аффилированных бизнесменов, таможенников и иных чиновников и т.д.

Пока у высшей власти хватает влияния и ресурсов, чтобы императивным способом, за счет административного арбитража сохранять достигнутый баланс сил (можно посчитать, скольких высоко статусных представителей силового блока, чиновников или губернаторов президент ежегодно отправляет в отставку). Однако сегодня в эти процессы вмешиваются весьма чувствительные для правящей элиты факторы: западные (персональные) санкции, трансформация экономической системы и механизмов управления (в рамках которых накапливались

¹ «Три кита» — мебельная фирма, занимавшаяся в начале нулевых масштабной контрабандой мебели и, будучи аффилированной с различными силовыми институтами, спровоцировала крупные (связанные с арестами и преследованиями) конфликты в правящей элите.

ресурсы), а также информатизация экономики и управления государством (порождающая дополнительные риски осуществления многих проектов). И все эти новые процессы так или иначе отражаются на характере «административного бизнеса» и ведут к новой конфигурации власти и обострению внутриэлитарной борьбы. А это неизбежно создает риски личной безопасности для вовлеченных в эти процессы групп и фигур или сохранения выгодных им механизмов элитарного рекрутинга. Но основные угрозы здесь исходят, как можно понять, не от населения, а от своих же «собратьев по оружию».

Ситуация обостряется, проявляясь даже в высшем эшелоне власти. Одни только маневры с принятием в Думе самых важных для действующего режима конституционных поправок, свидетельствуют о том, что не все уж так стабильно в «датском королевстве».

Согласимся, что все эти новации выводят внутриэлитарные группировки на новый уровень стратегического мышления. Как в этой ситуации быть и что делать?

Универсальным ответом на такие вопросы является разве что неугасимая решимость всех представителей правящего меньшинства уменьшить свою зависимость от населения, одновременно повысив свое позиционирование в системе власти (в силу чего все переустройства общества уместнее рассматриваться как побочное, а подчас даже непредумышленное следствие этих партикулярно-корпоративных замыслов). Не требует доказательств и то, что методы конкуренции и состязательности различных слоев внутри правящего слоя весьма различны, а в настоящее время стали еще и существенно зависеть от активности глобальных игроков и их включения в отношения национальных элит. Другими словами, качественная переконфигурация национальных элит неизбежно несет на себе отпечаток интересов крупных международных игроков.

Представляется, что острота кризисных событий и увеличение неопределенности будущего отнюдь не исключают и обращения к инструментам радикальных трансформаций внутри правящего слоя.

Что же такое госпереворот? Однозначно можно утверждать, что это неконвенциональная форма репозиционирования высших слоев в правящем классе, или, другими словами, особая, выходящая за рамки элитарного консенсуса микрополитическая конструкция, возникающая в результате острого внутриэлитного кризиса. Очевидно и то, что она редко, слабо и неоднозначно коррелирует с общей рамкой социально-

политических процессов, создающей лишь внешний, порядком удаленный от этих событий исторический фон. Как показывает опыт, активность и недовольство коллективного актора используются только в некоторых случаях и могут рассматриваться лишь как один из возможных поводов в пользу начала действий.

Конечно, сугубо аналитически можно предположить, что источники таких кардинальных акций в решающей степени инициируются теми кругами, которые сталкиваются с резким уменьшением получаемых общественных благ и ресурсов. К провоцирующим такие действия факторам можно также отнести еще и качественное снижение безопасности определенных сегментов правящей элиты, ослабление влияния находящихся у власти лидеров, амбиции политиков (усматривающих в том или ином временном периоде новые возможности для обретения дополнительных активов), получение той или иной группой неожиданных предпочтений для усиления своих позиций, открывающих «окно возможностей», позволяющих им «замахнуться» на высшие позиции государственной власти. Ну и, конечно, нельзя сбрасывать со счетов давление сильных зарубежных игроков, заинтересованных в переконфигурации правящих кругов и даже принципов организации власти в том или ином национальном государстве. Недавний опыт Украины и Грузии — хорошее тому доказательство.

Учитывая неконтролируемые конфликты между неформальными коалициями, толкающими публичные институты к образованию клановой архитектуры управления, можно с уверенностью утверждать, что весьма наивно рассматривать государственные перевороты в рамках право-левого идейно-политического спектра. Однако сомнительно признавать в качестве решающего источника лишь персональные тяготения чиновников и политиков к походу на высшие этажи власти. Хотя кроме высокой мотивации элитарных фигур и группировок в обретении дополнительных официальных статусов, позволяющих в большей степени ставить механизмы и интересы государства под своей контроль, собственно, и предложить-то больше нечего. Хотелось бы, конечно, сказать и про снижение политической эффективности представительных механизмов, усиление контроля правящего режима над выборами, а также об иных инструментах ограничения прав населения, но тут же понимаешь, что это тот «политический фарш», который можно и не подавать на стол... И опять в сухом остатке остается лишь резкое воспламенение амбиций, ревности и тщеславия лидеров, порождающих

кумулятивный эффект власти, не считающийся с любыми институционально-правовыми ограничениями, тем более с последствиями для населения.

Учитывая все возрастающую роль латентных сетей, можно сказать, что госперевороты, в решающей степени инициируются именно этими стоящими за кулисами публичности «встроенными автономиями» (порождающими подкрепляющие их активность механизмы ротации и кооптации посланцев кланов, клиентел, парантел и даже устранение особо опасных конкурентов через посадки, физическое давление и др.).

Однако, даже признавая приоритет сетевых сообществ, оказывается весьма трудно отрефлексировать устойчивые причины «переворотных» процессов, идентифицировать практические формы этих пертурбаций, которые внешне могут происходить под личиной вполне легального транзита власти, ротации высших топ-менеджеров или иных акций, не имеющих явных опознавательных знаков «переворота» как для населения, так и наблюдателей, использующих аналитические инструменты. Одним словом, многие явные и на первый взгляд не слишком значимые явления и процессы на деле могут оказаться показателями осуществленного переворота, скрывающегося под сугубо формальными процедурами или приличествующими объяснениями официальных пропагандистов о принятых «судьбоносных решениях». При этом не исключено, что о свершившемся госперевороте можно не узнать и вовсе. По крайней мере во временном горизонте, соотнесенном с жизнью ныне живущих поколений, для которых такие события обладают исключительно важным значением.

Так что, даже признавая роль латентных структур, все равно остается вопрос: по каким маркерам можно обнаружить кризис в высших эшелонах власти, провоцирующий обращение элитарных игроков к инструментам государственного переворота, и по каким изменениям (в кадровом составе, трансформации политического курса или иным параметрам) можно идентифицировать его осуществление? Ведь даже используя специализированные методы (метод графов и др.), помогающие идентифицировать состав сетевых сообществ (конкурирующих элитарных группировок), вряд ли удастся понять, решатся ли они пересечь «красную линию», отделяющую их прежнюю жизнь от последствий госпереворота.

Другими словами, критерием госпереворотов можно полагать и ползучие, незаметные для общества формы вытравливания характерных

для правящего режима типичных отношений с обществом, гарантированных Конституцией и системой права. Естественно, с применением вполне легальных технологий отправления власти.

Вспомним, к примеру, печальной памяти историю ГКЧП. По свидетельству некоторых участников тех событий, этот орган был создан задолго до отъезда Горбачева в Форос, а его цели и активность в деле «смещения Горбачева» были хорошо известны «попавшему в заточение» президенту СССР. И до сих пор существуют равновеликие версии: либо «пленение» президента на крымской даче было операцией прикрытия «путчистов»-неудачников, либо это было хорошо разыгранным сценарием избавления от мешавших Михаилу Сергеевичу конкурентов. Впрочем, есть еще более убедительная картина версии латентных госпереворотов, связанных с деятельностью Горбачева. Такие же участники событий того времени вспоминают, как его прогулки на Ближней даче с академиком Н.А. Яковлевым, по сути, подготовили качественные трансформации советского строя, оформленные, впрочем, вполне легально в виде решений Политбюро и ЦК партии советских коммунистов.

Так что, даже если удастся зафиксировать некие трансформации отдельных, даже высших, институтов власти под влиянием сетевых коалиций (в виде нарастания нетипичных прецедентов в деятельности институтов государственного управления, учащения действий властей, слабо опирающихся на нормы закона, кадровых перестановок в интересах сторонних игроков, изменения характера межведомственных переговоров и коммуникаций, а также некоторых иных аналогичных фактов), то и тогда остается неясным, могут ли они свидетельствовать о начале столь качественных процессов. И даже смена первых лиц может не говорить о таких трансформациях в правящих кругах. И это мы еще не учитываем способности проправительственных массмедиа насыщать общественный дискурс информацией, которая в еще большей степени маскирует происходящие процессы.

Не добавляет ясности и оценка изменений правительственного курса (вроде бы всегда являющаяся следствием властных трансформаций). Конечно, и здесь любые изменения можно объяснить текущими или стратегическими обстоятельствами. Но можно развернуть вопрос иначе, обратившись к оценке происходящих событий со стороны населения. К примеру, нынешнее усиление административно-политического контроля общественно-политической активности граждан

для многих уже становится символом растянутого во времени перехода к новой системе власти. Так, И. Петровская, реагируя на информацию о грядущей ликвидации общества «Мемориал», так прямо и высказалась, назвав это событие «абсолютным символом поворота вспять», который «сродни государственному перевороту» [Петровская 2021].

Такие интерпретации госпереворотов неизбежно усиливают эмоциональную составляющую рефлексии по этому поводу. Куда как комфортнее чувствуют себя конспирологи и «специалисты», допущенные к тайнам полусвета и без усталости тиражирующих вымышленные прогнозы (которые через какое-то время они сами же убедительно опровергают). Но слушая постоянные бла-бла-бла этих «обладающих конфиденциальной» информацией «аналитиков» (пророчествующих о неизлечимой болезни лидера, уже свершившемся переделе власти, борьбе кремлевских кланов или о проникновении во властные центры ставленников зарубежных спецслужб) понимаешь, что идентификация этих латентных политических процессов стремительно удаляется из академического дискурса. И чем выше у людей развиты аналитические способности (пытающиеся схватить логику отношений), тем больше умозрительных конструкций и тем чаще становится понимание того, что общая логика неформальных коммуникаций в элитарных слоях, неуклонно поощряет тщеславие, зависть, недоброжелательство, двуличие и иные социальные болезни, которые и стоит признать важными (сопутствующими или основными?) причинами «переворотных» процессов.

Возможно, такие соображения показывают, что элита — это не столько особая группа населения, сколько то социальное пространство, где концентрируются свойства политики в избегании любых ограничений в средствах достижения цели и что, в свою очередь, превращает людей в индивидов, нацеленных — опять же, без всяких моральных сдержек — на завоевание почестей и ресурсов, овладеть которыми можно лишь при условии доминирования, а еще лучше — властной монополии. И только конкуренция одержимых «властническим инстинктом», а также дефицит присущих ей ресурсов придают этим усилиям относительно благообразные формы.

И все же опыт показывает, что классические формы госпереворотов с заговорами членов монаршей семьи, участием зарубежных наемников, мятежей и прочих атрибутов, так ценимых писателями и кинематографистами, постепенно сходят на нет. Это неудивительно, ибо такие

варианты требуют большего использования ресурсов и сталкиваются с дополнительными рисками (не исключая инверсионные эффекты). И хотя сегодня могут осуществляться любые варианты госпереворотов, все же в большой политике, так же как в бизнесе (где деньги любят тишину), все больше тяготеют к скрытым формам межгрупповых разборок.

Элита и дальше будет использовать этот инструмент политических преобразований. Но при этом госперевороты чем дальше, тем больше будут превращаться в разновидность внутренних «королевских игр», в которых население не является даже зрителем. Да и крупные зарубежные игроки совсем не горят желанием выказывать свою роль в этих политических маневрах¹. Другими словами, благодаря действиям сетевых коалиций, взращивающих собственную архитектуру власти под личиной публичных институтов, госперевороты превращаются в форму невидимого обществу потрясения «устоев». Так что эти внутриэлитарные механизмы будут и дальше избавляться от массовых протестов и военных переворотов или же явных форм внешней интервенции, все больше тяготея к тихим «внутрисемейным» трансформациям.

С научной точки зрения здесь возникает по-настоящему сложная и, по сути, неразрешимая проблема эпистемологического свойства. И состоит она не только в трудностях соединения макротеоретической и микроприкладной моделей, но и в нарастающем увеличении критериев идентификации этого типа акций, тем более при отсутствии достоверных и своевременных сведений. Иначе говоря, на фоне усложнения самой материи элитарного правления и отношений правящих кругов с обществом происходит рутинизация даже таких качественных трансформаций власти, как госперевороты. Отрывочные сведения, догадки и поливариативное домысливание траекторий реальных событий вряд ли смогут создать объективную картину или избавить наблюдателей этих событий от заблуждений и конспирологических натяжек. Видимо, это та стена, через которую наука так и не сможет перебраться...

¹ В этой связи уместно вспомнить, что США с 1898 по 1994 г. осуществили 41 переворот только в странах Латинской Америки [Разуваев 2019: 43]. Впрочем, сегодня во многих странах перевороты осуществляются без уведомления США и иных важных международных игроков. Хотя их роль по-прежнему высока, но неоднозначна.

Однако на фоне таких рассуждений сама собой закрадывается мысль, что движение корабля российской политики зависит не от цен на нефть, экономических просчетов или имущественных разломов среди населения, типа политической системы, итогов выборов *et cetera*, а воспламеняющая власть энергетика коренится в неоощуаемой нами игре правящих сил, скрытых плотной информационной завесой.

Литература

Разуваев В.В. Государственные перевороты в политике. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 230 с.

Источники

Иноземцев В. План «крепостные» // Новая газета. 2021, 7 июля. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/plan-krepostnye> (дата обращения: 8.07.2021).

Ирина Петровская: Надеюсь, что кому-нибудь где-то там хватит разума не допустить этой расправы (Передача «Человек из телевизора») // Эхо Москвы. 13.11.2021. URL: <https://echo.msk.ru/blog/partofair/2935532-echo/> (дата обращения: 14.11.2021).

COUPS D'ETAT IN THE STRUCTURE OF THE ACTIVITY OF THE RULING CLASS. THE ERRORS OF AN EYEWITNESS.

A.I. Solovyov

solovyev@spa.msu.ru
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Citation: Solovyov A.I. Gosudarstvennyye perevoroty v strukture aktivnosti pravayashchego klassa. Zabluzhdeniya ochevidtса [Coups d'état in the structure of the activity of the ruling class. The errors of an eyewitness]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (2): 202–215. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.8>

Abstract. *The main reasons and factors that stimulate various representatives of the ruling circles to use the mechanisms and tools of the coup d'état in the conditions of the growing crisis and uncertainty of future social transformations*

are shown. The key role of informal coalitions of the ruling class in the initiation of these forms of power change is revealed. At the same time, epistemological difficulties are noted in identifying the concept of “coup d'état”, its ability to proceed in latent forms based on the use of public tools and information cover.

Keywords. *government, state, political elites, informal network coalitions, coup d'état*

References

Razuvayev V.V. *Gosudarstvennyye perevoroty v politike* [Coups in politics]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives], 2019. 230 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (abc_46@mail.ru).

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (gut-50@mail.ru).

Даугавет Александра Борисовна, научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (a.daugavet@socinst.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (alexander-duka@yandex.ru).

Колесник Наталия Владимировна, кандидат социологических наук, ученый секретарь Социологического института РАН, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (n.kolesnik@socinst.ru).

Масловский Михаил Валентинович, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (maslovski@mail.ru).

Мацузато Кимитака, доктор юр. наук, профессор департамента права и политологии Токийского университета, Япония (kim@j.u-tokyo.ac.jp).

Невский Андрей Владимирович, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (anevskij@yandex.ru).

Сафронов Вячеслав Владимирович, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (vsafonov@list.ru).

Сельцер Дмитрий Григорьевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (seltser@yandex.ru).

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры политической теории факультета политологии МГИМО (У) МИД России; заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (solovyev@spa.msu.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (denis_tev@mail.ru).

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник сектора исследований личности Института социологии РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (chirikova_a@mail.ru).

Шентякова Анна Владимировна, кандидат политических наук, ассистент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (anna_pedagog@mail.ru).

CONTRIBUTORS

Bystrova, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

Chirikova, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher, Federal State Institution of Science, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (chirikova_a@mail.ru).

Daugavet, Aleksandra, researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (a.daugavet@socinst.ru).

Duka, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (alexander-duka@yandex.ru).

Gutorov, Vladimir, Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University, Russia (gut-50@mail.ru).

Kolesnik, Natalya, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (n.kolesnik@socinst.ru).

Maslovskiy, Mihail, Dr. of Sc. (Sociology), Prof., leading researcher of the Department of the History of the Russian Sociology, Sociological Institute

of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (maslovski@mail.ru).

Matsuzato, Kimitaka, Dr. of Law, Prof., Faculty of Law, The University of Tokyo, Tokyo, Japan (kim@j.u-tokyo.ac.jp).

Nevskiy, Andrey, junior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (anevskij@yandex.ru).

Safronov, Vyacheslav, senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (vsafonov@list.ru).

Seltser, Dmitriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., International relations and political science department, Derzhavin Tambov State University (seltser@yandex.ru).

Shentyakova, Anna, Candidate of Sc. (Political Sc.), assistant of the department of political institutions and applied political science, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science; Associate Research Fellow at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (anna_pedagog@mail.ru).

Solovyev, Aleksandr, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Political Analysis department, Moscow State University, Faculty of Public administration (solovyev@spa.msu.ru).

Tev, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 8

Выпуск 2

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *М.В. Банкович*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 25.12.2021.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 13. Уч.-изд. л. 14.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Ренومه».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40